

NOVEMBER

СЕРЖАНТ
ДЖОН БЕРН

ПЛЕННИКИ НЕБЕС

КРИСТИН
СКОТТ
ТOMLINS

Бывший полицейский, а ныне владелец небольшой лодочной станции Дейв Робишо становится свидетелем авиакатастрофы. Из затонувшего самолета, который перевозил нелегальных эмигрантов, ему удается спасти пятилетнюю девочку. Однако, когда тело одного из четырех погибших пассажиров таинственным образом исчезает, Робишо начинает расследование сам. Он вновь сталкивается с преступным миром, живущим по волчьим законам, где убийства и предательство — лишь вопрос времени и денег.

Джеймс Ли Берк
Пленники небес

Глава 1

Моя лодка только что миновала Южный пролив, между островами Пекан и Марш. К югу нес свои зеленоватые, в белых барашках волны Гольфстрим, а за моей спиной осталась длинная широкая полоса побережья Луизианы, и не полоса вовсе, а куча сырого песка да заросли морской травы, замшелые поваленные стволы кипарисов и бесконечный лабиринт каналов и заливов, поросших японскими водяными лилиями, чьи пурпурные цветы с треском распускаются по утрам, а корни могут, подобно проволоке, наглухо застопорить гребной винт лодки. Дело было в мае, дул теплый бриз, наполняя воздух запахом соленых брызг и белой форели, косяки которой кормились неподалеку. Высоко в небе парили пеликаны, их распростертые крылья сверкали на солнце; внезапно один из них, сложив крылья, камнем падал вниз и с плеском уходил под воду и так же внезапно взмывал вверх с трепещущей серебристой рыбкой в мешковатом клюве. Рассвет предвещал непогоду; я знал, что к полудню с юга поползут грозовые тучи и резко похолодает, словно кто-то решит выкачать весь теплый воздух из-под небесного купола, как из гигантской, темного стекла бутылки, и на потемневшем небе засверкают молнии.

Я всегда любил Мексиканский залив — в шторм ли, зимой ли, когда полоса прибоя покрывалась неровным зеленоватым льдом. Даже когда я служил полицейским в Новом Орлеане, я жил в плавучем доме на озере Понтшартрен, а в выходные рыбачил близ округа Лафурш и в бухте Баратария, и хотя работал в убойном отделе, иногда дежурил с ребятами из полиции нравов только затем, чтобы выйти в море на катере береговой охраны, когда они преследовали наркоторговцев.

Теперь, когда у меня было заведение на отмели к югу от Нью-Иберия — я держал небольшую лодочную станцию и торговал приманкой для рыбалки, — мы с моей женой Энни выходили на небольшом танкере в Южный пролив половить креветок. Танкером наше суденышко называлось потому, что давным-давно оно было построено по заказу одной нефтедобывающей компании для ремонта километров длинного толстого изоляционного кабеля и перевозки сейсмических приборов, используемых для поиска нефтяных месторождений в открытом море; это было длинное узкое плоскодонное судно, оборудованное крайслеровским мотором, двумя гребными винтами и притулившейся у самого края кормы рулевой кабиной. Мы с Энни установили на борту пару морозильных камер, контейнер для приманки, лебедки для сетей, оборудовали маленький камбуз, помещения, где хранились рыболовные снасти, акваланг-скуба и прочее снаряжение для погружения под воду. У нас был даже огромный полотняный зонт с надписью Cinzano, под сенью которого можно было разместить складной стол и пару стульев.

В погожие деньки мы рыбачили в проливе, и нос лодки едва не уходил под воду под тяжестью сетей, до отказа набивали морозильные камеры бело-розовыми креветками, ловили удочками остроперых сомиков, а потом обедали в камбузе, пока теплый ветер раскачивал лодку на якоре. В то утро Энни сварила полную кастрюльку крабов и креветок и чистила их в миску, чтобы потом смешать с напичканным специями рисом, который мы захватили из дома. Я не удержался от улыбки, наблюдая за ней; она была родом из Канзаса, ветер шевелил золотистые завитки волос на ее затылке, а глаза у нее — голубее не сыщешь. На ней была выцветшая мужская джинсовая рубаша, белые парусиновые брюки и матерчатые сандалии на босу ногу. Она научилась чистить рыбу с креветками и управлять лодкой в

шпорм не хуже уроженок здешних мест, но для меня так и осталась канзасской девчонкой, сотканной из голубых колокольчиков и золотистых подсолнухов, ковыляющей на высоких каблуках, девчонкой, которая всегда пугалась людей другой культуры и со «странностями», как она это называла, хотя сама выросла среди пацифистов из фермерских семей, народа настолько эксцентричного, что просто не знала, каким должен быть нормальный, обычный человек.

Загар у нее не сходил даже зимой, а такой нежной кожи я ни у кого еще не встречал. Когда я смотрел ей в глаза, в них играли лукавые огоньки. Она поймала мою улыбку, поставила кастрюлю с креветками на место и прошла мимо, как бы собираясь проверить удочки; тут я почувствовал ее сзади себя, ее грудь касалась моей головы, ее руки взъерошили мне волосы, и они нависли над моими глазами подобно клубку черных змей, ее пальцы ласкали мне лицо, жесткие усы, плечи и шрам от укула отравленным бамбуковым шестом на животе, похожий на плоского серого червя, и ее невинные ласки вновь заставили меня забыть возраст, бывшие любовные приключения и больную печень. Может быть, я вел себя как дурак или, лучше сказать, влюбленный дурак, ведь юности ничего не стоит соблазнить стареющего самца. Но ее любовь была больше чем соблазн, мучительная и неотступная — даже после года супружеской жизни она отдавала мне всю себя, ничего не прося взамен. На ее правой груди была родинка клубничного цвета, которая во время любовных утех от прихлынувшей крови становилась кроваво-красной. Она подошла ко мне, уселась мне на колени, вытерла рукой тонкую струйку пота, стекавшую по моей груди, ее кудри касались моей щеки. Она поерзала на моих коленях, ощутив под собой мое тело, хитро посмотрела мне в глаза и прошептала на ухо, будто кто-то мог нас услышать:

— Давай достанем из шкафа надувной матрасик.

— А вдруг над нами пролетит самолет береговой охраны, тогда что?

— Мы им помашем.

— А если одна из катушек выйдет из строя?

— Я постараюсь занять тебя кое-чем другим.

Я отвернулся от нее и посмотрел в южную сторону горизонта.

— Что там, Дейв?

— Самолет.

— Тебя часто пыталась соблазнить собственная жена? Не уппусти свой шанс, шкипер.

Ее голубые глаза светились смехом.

— Нет, взгляни. С ним что-то не так.

Это был ярко-желтый двухмоторный самолет, и сзади от кабины за ним по всему горизонту тянулась черная полоса дыма. Пилот старался как мог, выжимая все возможное из обоих двигателей, но машину бросало из стороны в сторону, она стремительно теряла высоту, падение становилось неотвратимым. Самолет пронесся мимо нас, и через стекла кабины я мог различить лица людей. Из рваной дыры в передней части хвоста машины клубами шел дым.

— О Дейв, кажется, я видела там ребенка, — испуганно сказала Энни.

Должно быть, пилот пытался направить машину к острову Пекан, чтобы там приземлиться на брюхо в соленую морскую траву, но вдруг сверху подобно обрывкам мокрого картона посыпались останки рулевого механизма; самолет резко завалился на левый бок, описал в воздухе полукруг, оба двигателя заглохли, повалил густой, черный, как от горящей нефти, дым, и машина, накренившись на одно крыло, пронеслась над водой,

подпрыгнула в воздухе, как заводная игрушка, перевернулась и плюхнулась в воду, подняв тучу водорослей и зеленовато-белых брызг.

Вода кипела и бурлила вокруг раскаленных двигателей, стремительно заливаясь внутрь сквозь пробойну в корпусе. В считанные секунды самолет ушел на глубину. Я не видел дверцу кабины, но продолжал ждать, что кто-нибудь выплывет на поверхность в спасательном жилете. Вместо этого появлялись лишь пузыри выходящего из кабины воздуха да мутная пленка масла и бензина постепенно затеняла солнечные блики, игравшие на тонущих крыльях.

Энни связалась по радиации с береговой охраной. Я поднял якорь с илистого дна и бросил на палубу, лязгнула цепь. Затем я завел мотор, услышал, как закашлялись выхлопные трубы, и пустил судно полным ходом к месту крушения. Ветер швырял мне в лицо холодные брызги пены. Все, что теперь было видно на месте падения самолета, — это золотистые блики, игравшие на расплывшемся сине-зеленом пятне бензина и смазки, что вытекли из пробитого топливного бака.

— Возьми руль, — сказал я.

Я увидел, что она задумалась.

— Мы не добавили кислорода в баллоны после прошлого раза, — сказала она.

— Там еще есть достаточно. В любом случае здесь не глубже двадцати пяти футов. Если они не увязли в иле, я смогу открыть дверцы.

— Дейв, тут глубже. Ты прекрасно это знаешь. Где-то тут проходит впадина.

Я достал из машинного отделения пару баллонов с кислородом и посмотрел на индикатор. Оба почти пусты. Затем разделся до плавок, прицепил водолазный пояс и надел один из баллонов, а второй привязал к руке. Потом принес лом.

— Пришвартуйся где-нибудь на расстоянии, чтобы тот, кто будет подниматься, не попал под лодку, — сказал я.

— Оставь второй баллон мне. Я с тобой. — Она вырубилась, и судно закачалось на волнах. Загорелое лицо ее забрызгало водой, к влажному лбу липли пряди волос.

— Ты нужна здесь, детка, — сказал я, направляясь к борту.

— Иди ты к черту, Дейв, — услышал я сквозь грохот металлических баллонов, когда погружался в воду.

Дно Мексиканского залива — настоящий музей истории мореходства. За много лет погружений с маской или с аквалангом я навидался всякого. Мне попадались поросшие кораллами пушечные ядра с испанских кораблей, учебные торпеды ВМФ США, сплюснутый корпус нацистской подлодки, затопленной в 1942-м, лодка наркоторговцев, которую они пустили на дно прежде, чем береговая охрана их схватила, и даже покореженная буровая вышка, на которой больше двадцати лет назад утонул мой отец. Она лежит на боку в мутной воде на глубине восьмидесяти футов, и в тот день, когда я спустился туда, где она лежала, ее стальные тросы с лязгом стучали по опорам, словно кто-то колотил молотком по острию огромной пилы.

Самолет лежал, перевернувшись, на краю впадины, его пропеллеры намертво засели в сером песке. Из его крыльев и окон поднимались мириады воздушных пузырьков. По мере того как я погружался глубже, вода становилась все холоднее, и я видел, как по корпусу самолета ползают крабы, снуют морские окуни и мелькают бесшумные тени скатов, поднимающих фонтанчики песка своими плавниками-крыльями.

Я подобрался к дверце кабины, снял с руки запасной баллон и посмотрел в окно. И

увидел пилота; он плавал вниз головой, течение колыхало его светлые волосы, а зеленые глаза, походившие на стеклянные шарики, смотрели на меня невидящим взглядом. К соседнему креслу была пристегнута низкорослая, плотно сбитая женщина с длинными черными волосами, ее руки болтались у лица взад-вперед, словно пытаюсь отогнать внезапное осознание неминуемой гибели. Мне и раньше приходилось видеть утопленников, на их лицах было застывшее выражение ужаса, как и на лицах погибших от разрыва снаряда, которых я видел во Вьетнаме. Мне оставалось лишь надеяться, что эти двое недолго мучились.

Я поднимал тучи донного песка и пытался хоть что-то разглядеть сквозь стекла задней дверцы в мутной зеленовато-желтой воде. Я распластался во весь рост, держась за ручку дверцы, и вновь прижался маской к стеклу. Мне удалось разглядеть крупного темнокожего мужчину в розовой рубашке, пузырявшейся вокруг его тела, а рядом с ним — женщину, которая выскользнула из-под ремня безопасности. Она была такая же плотно сбитая, как и та, в кабине, с таким же скуластым, грубым лицом, подол ее цветастого платья обвился вокруг головы. Кислород в баллоне закончился — и тут же я с содроганием увидел, что в кабине есть кто-то живой.

Я смог различить маленькие босые ноги, ходившие взад-вперед, как ножницы, и вытянутый вперед, как у рыбки-гуппи, рот, погруженный в воздушный мешок на заднем сиденье кабины. Я отстегнул пустой баллон и рванул ручку двери, но она намертво застряла в иле. Я снова дернул дверь, приоткрыл ее на полдюйма, просунул туда лом и давил на него до тех пор, пока не почувствовал, что петля подалась и дверь со скрипом начала освобождаться из песка. Но мои легкие уже ныли от нехватки воздуха, и я стиснул зубы; ребра готовы были разорвать мою грудь изнутри.

Я уронил лом, подхватил запасной баллон, открыл створку и засунул в рот трубку. Внутрь стал поступать воздух, прохладный, как ветер ранней весной. Я сделал несколько глубоких вдохов, прочистил маску, захлопнул створку баллона и полез в кабину за девочкой.

Но на моем пути встало тело мужчины в розовой рубашке. Я рывком ослабил карабин его ремня безопасности, надеясь вытащить за рубашку. Должно быть, он сломал шею; голова его болталась, будто на цветочном стебле. Тут рубашка с треском порвалась, и я увидел над его правым соском красно-зеленую татуировку с изображением змеи; в моем мозгу подобно фотовспышке пронеслись воспоминания о Вьетнаме. Я схватил ремень, засунул ему под мышку и протолкнул его внутрь кабины. Тело мужчины, медленно описав дугу, опустилось между креслом пилота и передним пассажирским сиденьем; лицо с открытым ртом легло на колено пилоту, словно в шутовском поклоне.

Мне надо было как можно скорее достать девочку из кабины и поднять на поверхность. Я видел, как шевелится воздушный мешок, из которого она дышала, места было недостаточно, я не мог протиснуться к ней и объяснить, что надо делать. К тому же она была не старше пяти лет и вряд ли говорила по-английски. Я легко ухватил ее маленькое тело и замер, моля Бога, чтобы она догадалась, что я собираюсь делать, затем вытащил упирающуюся малышку из кабины.

Всего лишь на секунду я увидел ее лицо. Она уже захлебывалась, глотая воду открытым ртом, с расширенными от ужаса глазами. Течение колыхало короткие черные волосы, а на загорелых щеках появились бледные, бескровные пятна. Мне пришло в голову засунуть ей в рот кислородный шланг, но я вовремя сообразил, что для этого надо будет очистить его от воды, что представлялось невозможным, а без этого она задохнется задолго до того, как мы

поднимемся на поверхность. Я отстегнул свой водолазный ремень, швырнул его в песок, обхватил тело девочки и рывком стал подниматься.

Вверху уже можно было различить очертания нашей лодки. Энни вырубил двигатель, и лодка вращалась взад-вперед вокруг якорной цепи. Я находился без воздуха уже почти две минуты, в мои легкие точно кислоты налили. Я вытянул ноги, толчками продвигаясь к поверхности воды, изо рта у меня выходил воздух, казалось, я скоро не выдержу и сделаю судорожный вдох, и тогда ледяная вода закупорит мне грудь как цемент. Но блики солнечного света над головой становились все ярче, словно пляшущие язычки пламени, вода — все теплее, и вот я уже касаюсь охапки красно-бурых водорослей, колыхавшихся на волнах, — и мы уже на поверхности, на горячем ветру, а над нами — голубой купол неба, и высоко-высоко в нем парят коричневые пеликаны. Казалось, они салютуют нам сверху, как небесные часовые.

Я схватился рукой за борт лодки и передал Энни свою ношу. Тело ребенка показалось мне легким как пушинка. Энни втащила девочку наверх и шлепала ее по голове и щекам до тех пор, пока она не закашлялась и ее не стошнило на колено Энни. Я был еще слишком слаб, чтобы взобраться в лодку сразу. Вместо этого я продолжал тупо смотреть на красные пятна на бедрах малышки — это мать толкала ее к спасительному воздушному мешку, перед тем как погибнуть самой. И подумалось мне: сюда бы тех, кто раздает медали за отвагу, вот где они бы узнали, что такое настоящее мужество.

Я слышал, что попадание воды в легкие может впоследствии вызвать их воспаление, поэтому мы с Энни сразу отвезли девочку в Католическую больницу городка Нью-Иберия, где прошло мое детство. Больница представляла собой серое кирпичное здание, во дворе которого росли дубовые деревья, вдоль аллей на подпорках красовались глицинии, усыпанные пурпурными цветками, а на лужайках цвел красно-желтый гибискус и пламенели азалии. Мы вошли внутрь, Энни с девочкой отправились в приемный покой, а я сел напротив стола, за которым заполняла бланк дородная монахиня.

У нее было широкое и плоское, как блин, лицо, а белый монашеский плат нависал над глазами, как забрало средневекового рыцаря.

— Имя девочки? — спросила она.

Я посмотрел на нее.

— Вы знаете ее имя? — вновь спросила она.

— Алафэр.

— Фамилия?

— Робишо.

— Это ваша дочь?

— Моя.

— Она действительно ваша дочь?

— Ну конечно.

Она хмыкнула и снова принялась писать. Затем:

— Схожу посмотрю, как она, и приду расскажу вам. А вы пока проверьте, правильно ли заполнен бланк.

— Я доверяю вам, сестра.

— На вашем месте я бы все-таки проверила.

Она грузно прошествовала по коридору, на ее талии колыхались четки из черных бусин. У нее было сложение борца-тяжеловеса. Через несколько минут она вернулась, и мне вновь

стало не по себе.

— Ну и семейка у вас, — сказала она. — Вы знали, что ваша дочь говорит только по-испански?

— У нас в Берлитце все такие.

— Да вы остряк, — заметила она.

— Как она, сестра?

— В порядке. Только очень напугана, но справится, она ведь из хорошей семьи. — И ее широкое бугристое лицо расплылось в улыбке.

К полудню, когда с юга поползли дождевые облака, мы как раз пересекли подъемный мост через залив и поехали по восточной стороне Главной улицы, в сторону окраины. Дома по восточной стороне были довоенного, викторианского стиля, с площадками, выходящими на море, террасами, застекленными верандами на первом этаже, мраморными портиками, псевдоантичными колоннами, иногда попадались даже сверкающие на солнце ослепительно белые бельведеры, где рос жасмин и декоративный виноград. Девчушка, которую я не раздумывая назвал Алафэр (так звали мою мать), сидела между нами на сиденье моего пикапа. Монахини забрали ее мокрую одежду и выдали взамен выцветшие джинсы и слишком большую для нее футболку с надписью New Iberia Pelicans. Лицо девочки было усталым, глаза — бесцветными и невидящими. Мы миновали еще один подвесной мост и остановились рядом с негром, торговавшим фруктами и всякой снедью под сенью огромного кипариса на самом берегу залива. Я купил нам три поджаренные кровяные колбаски, завернутые в вощеную бумагу, мороженое и кулечек клубники. Энни кормила Алафэр мороженым из маленькой деревянной ложечки.

— Маленькому ротуку — маленький кусочек, — приговаривала она.

Алафэр сонно моргала и послушно открывала рот.

— Зачем ты соврал монахиням? — вдруг спросила Энни.

— Ты о чем?

— Дейв...

— Она, вероятно, из нелегальных эмигрантов. Зачем монахиням лишние проблемы?

— И что с того, что она — нелегал?

— Я не верю бюрократам из департамента, вот что.

— Вот он, голос совести новоорлеанского полицейского управления.

— Энни, управление высылает их из страны.

— Но они же не станут высылать ребенка, ведь не станут же?

Я не мог ей ответить. Но у моего папаши — рыбака и охотника, который работал на буровой вышке, не умел ни читать, ни писать и говорил на странной смеси французского, английского и местных наречий, — всегда было наготове меткое высказывание на все случаи жизни. Приблизительный перевод одного из них гласил: «Сомневаешься — не суйся». На самом деле он сказал примерно следующее (в данном случае обращаясь к состоятельному фермеру — нашему соседу): «Ты же мне не сказал, что твоя свинья залезла в мой сахарный тростник, так, и поэтому я не хотел ей зла, когда проехался по ней трактором, а потом мне пришлось ее съесть, вот».

Я ехал по грязной дороге в направлении своей лодочной станции. Пошел мелкий дождик, зашелестел дубовой листвой, пустил рябь по воде, зашлепал по листьям водяных лилий. Я услышал, как в зарослях лилий и тростника плескались приплывшие на кормежку леи. Рыболовы уже начали возвращать взятые напрокат лодки, и два негра, которые на

меня работали, натягивали брезентовый тент на сарайчик, в котором хранилась приманка, и убирали пустые пивные бутылки и бумажные тарелки из-под жареного мяса с деревянных телефонных тумб, служивших у меня столами.

Дом мой отстоял от залива на добрых сто ярдов, утопая в ореховых деревьях. Он был построен из некрашенных дубовых и кипарисовых бревен, с верандой, крытой жестяными листами, грязным двориком, садками для кроликов, ветхим сарайчиком на заднем дворе и парой грядок с арбузами в тени деревьев. Иногда, при сильном ветре, орехи pekan сыпались с деревьев и гулко стучали по жестяной крыше. Алафэр уснула на коленях у Энни. Когда я вносил ее в дом, она проснулась, взглянула на меня и снова закрыла глаза. Я устроил ее на кровати в боковой комнате, включил вентилятор и тихо прикрыл за собой дверь. Я сидел на веранде и слушал, как капли дождя шуршат в воде залива. В воздухе пахло листвой, сырým мхом, цветами и мокрой землей.

— Есть хочешь? — услышал я голос Энни.

— Позже.

— Что ты тут делаешь?

— Ничего.

— А по-моему, ты пялишься на дорогу, — сказала Энни.

— Эти люди, из самолета. Тут что-то не так.

Она обняла меня за плечи.

— У меня проблема, начальник, — сказала она. — Мой муж вбил себе в голову, что он все еще работает в убойном отделе. Даже когда я пытаюсь его соблазнить, он вечно думает о чем-то своем. Что прикажете делать?

— Хорошо, что обратились. Всегда рад помочь.

— Ну, не знаю. Кажется, ты бы так и пялился на этот дождь.

— У меня это здорово получается.

— Вы уверены, что у вас есть для меня минутка, начальник? — Она обхватила меня руками и прижалась ко мне всем телом.

Я не мог перед ней устоять. Она была так красива. Мы отправились в спальню, где жужжал вентилятор и свет был приглушенным. Раздеваясь, она не переставала улыбаться мне, потом вдруг начала напевать: «Любовь моя, скорей иди ко мне, я так люблю тебя, любовь моя...»

Она уселась на меня верхом, так что ее грудь почти касалась моего лица, запустила руки в мои волосы, нежно и влюбленно заглянула в глаза. Каждый раз, когда я обнимал ладонями ее плечи, она целовала мои губы и крепче сжимала бедра; клубничного цвета родинка на ее правой груди стала кроваво-красной. Я чувствовал, как тает мое сердце, а чресла твердеют и ноют, я видел ее нежное лицо, оно вдруг стало таким маленьким... и вот что-то оборвалось у меня внутри, точно валун отрывается от скалы и с грохотом летит в пропасть.

Потом она улеглась рядом и закрыла мне глаза своими ладонями, вентилятор обдавал нашу постель прохладой, будто бы ветер дул с залива в рассветном сумраке.

* * *

Было уже за полдень, когда меня разбудил детский плач, словно ангел крылом коснулся; дождь продолжал лить. Я босиком прошел в спальню, где Энни прижимала к груди Алафэр.

— Все в порядке, — приговаривала она. — Это был просто плохой сон, правда же? Тебе все приснилось. А сейчас мы успокоимся, умоемся, причешемся и пойдем есть мороженое и клубнику с Дейвом и Энни.

Девочка крепко обнимала Энни и смотрела на меня широко раскрытыми от испуга глазами. Энни прижала ее к себе и поцеловала в макушку.

— Дейв, мы оставим ее у себя, — сказала она.

И вновь я не нашел что ответить. Весь вечер я просидел на веранде, уставившись на пурпурный закат над заливом, и слушал, как поют цикады и капает с веток дождь. Было время, когда дождь для меня был цвета виски «Джим Бим» или размытых неоновых витрин. Теперь это был просто дождь. Он пах сахарным тростником, росшими у залива кипарисами, золотисто-пурпурными цветами ялапы, что цвели в тени деревьев. Но пока я наблюдал, как носятся в саду светляки, в моей душе играла та же неуловимая музыка, из-за которой я ночи напролет просиживал в барах, глядя, как струи дождя заливают окна, размывая отражения неоновых огней.

Я продолжал смотреть на раскисшую дорогу, но там никого не было. Я видел лишь детишек, которые вышли в залив на пироге бить острогой лягушек, видел свет их фонарей, мелькавший среди тростников, слышал плеск весел. Позже я опустил жалюзи, выключил свет и улегся в постель рядом с Энни. Малышка спала с ней рядом. При свете луны я увидел, как Энни улыбнулась, не открывая глаз, потом положила руку мне на грудь.

* * *

Он приехал рано утром, когда солнце еще едва виднелось за верхушками деревьев и там и сям подсыхали лужи, его автомобиль забрызгал грязью семейство негров, которые направлялись на рыбалку. Я вошел в кухню, где Энни и Алафэр заканчивали завтрак.

— Почему бы вам не сходить к пруду покормить уточек? — спросил я.

— А мы как раз собирались в город купить ей что-нибудь из одежды, — ответила Энни.

— Это можно сделать позже. Вот вам остатки хлеба. Выходите через заднюю дверь и отправляйтесь через сад.

— В чем дело, Дейв?

— Да ни в чем. Так, ерунда. Потом расскажу. Давайте, быстренько.

— Ты никогда раньше не говорил со мной таким тоном.

— Энни, я серьезно, — ответил я.

Она быстро оглянулась, услышав звук подъезжающей машины, скрываемой листвой. Потом схватила пакет с хлебом, взяла Алафэр за руку и быстрым шагом повела ее через заднюю дверь, сквозь сад к пруду, находившемуся на краю участка. Один раз она оглянулась; ее лицо было взволнованным.

Он выбрался из своего серого служебного автомобиля, держа на руке полосатый льняной плащ. Это был мужчина средних лет, полноватый, при бабочке. Свои черные волосы он зачесывал набок, чтобы скрыть лысину.

Я встретил его на веранде. Он представился: Монро из службы иммиграции и натурализации Нового Орлеана. Говоря, он пристально всматривался в полумрак комнат за моей спиной.

— Извините, что не приглашаю вас в дом, но я уже собирался на работу, — сказал я.

— Ничего страшного. У меня к вам всего лишь пара вопросов, — ответил он. — Почему вы не стали ждать катер береговой охраны?

— А зачем нам было их ждать?

— Ну, вообще-то, обычно люди так делают. Из любопытства или еще чего. Не каждый же день самолеты падают.

— Моя жена дала им все координаты. И, кроме этого, на поверхности воды появилось масляное пятно. Мы-то им зачем?

Он хмыкнул и достал из кармана сигарету. Покрутил в пальцах, но зажигать не стал. Было слышно, как хрустит табачная крошка. «Кое-что не сходится. Водолаз обнаружил в самолете чемодан, в котором нашли вещи ребенка, маленькой девочки. Но никакого ребенка там не было. Вам это ни о чем не говорит?»

— Боюсь, мне действительно пора, мистер Монро. Если хотите, можете прогуляться со мной до лодочной станции.

— Похоже, вы не любите федералов.

— Я знаю их не так много, чтобы судить. Есть славные ребята, есть не очень. Полагаю, вы покопались в моем досье.

Он пожал плечами.

— По-вашему, зачем нелегальным эмигрантам таскать с собой детские вещи, если с ними не было ребенка? Я имею в виду тех самых людей с банановой плантации, которым удалось смыться из-под носа у Национальной гвардии. По крайней мере, так написали в газетах.

— Откуда я знаю?

— Ваша жена сообщила силам береговой охраны, что вы собираетесь нырять к месту крушения. Вы хотите сказать, что на борту было только трое человек?

Я уставился на него.

— В смысле — трое?

— Самолетом управлял священник по имени Меланкон, он из Лафайета. У нас на него кое-что было. Мы полагаем, что обе женщины были из Эль-Сальвадора. По меньшей мере, именно оттуда их и привез священник.

— А мужчина в розовой рубашке?

Он обалдело посмотрел на меня.

— Вы о чем?

— Я чуть не порвал ему рубашку. Он был на заднем сиденье. У него сломана шея и еще татуировка на груди.

Он покачал головой и закурил.

— Одно из двух: либо вы — талантливый сочинитель, либо знаете то, чего больше никто не знает.

— Вы хотите сказать, что я лгу?

— Я не в слова пришел сюда играть, мистер Робишо.

— А мне кажется, вы именно за этим и явились.

— Как вы и догадались, я и вправду кое-что про вас узнал, перед тем как прийти сюда. Кое-что весьма интересное.

— Что же именно?

— На вашей совести — три человеческих жизни. Один из этих троих был важным свидетелем и находился под охраной. Согласитесь, уже кое-что. Вы что, хотите, чтобы я

явился с ордером?

— Не думаю, чтобы мне захотелось встречаться с вами еще раз. Вы не там копаете, приятель. Ваши ребята нарыли кое-что, а вам не сказали.

Я увидел, как мрачнеет его взгляд.

— Это не ваше дело, — сказал он.

— Я вам вот чего не сказал. Вчера вечером мне позвонили из полиции Нового Орлеана. Я сообщил им, что на борту было четверо. Вы еще скажите, что я не умею считать.

— Мы сами знаем, что делать. Ваше дело — рассказать все, что знаете, и мы с вами поладим.

— Думаю, вы слишком долго имели дело с нелегалами. Полагаю, вам стоит хоть иногда думать, что говорите.

Он бросил сигарету на землю, раздавил ее носком своего ботинка и улыбнулся, садясь в машину. Солнечный луч упал на его лицо.

— Что ж, большое вам спасибо. Всегда приятно слышать, что ты на правильном пути.

— И еще. Когда вы заезжали, вы обрызгали людей. Так что выезжайте аккуратнее.

— Как скажете. — Он улыбнулся и медленно развернул автомобиль.

Браво, Робишо, подумал я. Всегда приятно сунуть палку в осиное гнездо. Ну а что прикажете делать в подобных случаях? В сущности, большинство федералов — неплохие ребята. Единственное, чего им не хватает, — это воображения, им удобно действовать в рамках оговоренных правил, и приказы у них не обсуждаются. Но стоит напороться на «не самых лучших» и, не дай бог, они смекнут, что ты их боишься, — живьем шкуру спустят.

Я пришел на станцию, добавил льда в пиво и коктейли, выбросил из садка с приманкой дохлых червей, разжег огонь в разбитой нефтяной бочке на заднем дворе, служившей мне жаровней, смазал маслом и специями двадцать пять фунтов курятины и свиных котлет, которые планировал зажарить и распродать в обед; наконец налил себе «Доктора Пеппера», добавил колотый лед, мяту и пару вишенок и уселся со стаканом в руке за столик под навесом. На том берегу залива несколько черных ловили удочками рыбу в тени кипариса. На их головах красовались соломенные шляпы; они сидели в ряд на деревянных табуретах, неподвижно держа в руках тростниковые удочки. Никак не могу взять в толк: почему негры всегда рыбачат, сбившись в кучу, и не покидают насиженного места, даже если рыба не клюет, но уж если один негр ничего не поймает, то не поймает больше никто. Внезапно один из пробковых поплавков задергался, затем заскользил вдоль плоских листьев водяных лилий и резко ушел в глубину; маленький мальчик резко потянул удилище вверх и вытащил гигантскую рыбу-солнечника; ее брюхо и плавники так и полыхали огнем. Ребенок ухватил рыбу одной рукой, а другой вытащил из ее рта крючок, запустил руку в воду и достал сплетенный из ивовых прутьев садок, в котором уже трепыхались голубой тунец и пучеглазый окунь.

Но даже эта сценка, на пару минут вернувшая мне юность, не смогла заставить меня забыть уродливый шрам черного дыма на голубом лице небосвода и женщину, почти захлебнувшуюся водой и бензином, но продолжавшую держать свое дитя у спасительного мешка с кислородом.

В тот же день я съездил в Нью-Иберия и купил местную газету. В ней сообщалось, что на борту потерпевшего крушение самолета были обнаружены тела троих человек, в том числе католического священника. Источником информации назывался полицейский участок округа Сент-Мэри. Это могло означать одно из двух: либо ребятам из участка сообщили

лишь о троих погибших, либо только три тела были доставлены в кабинет коронера.

Следующее утро выдалось жарким и солнечным; моя лодка вновь миновала Южный пролив. Я бросил якорь в беспокойные волны, надел ласты, закрепил баллон с воздухом, предусмотрительно наполненный накануне, нацепил пояс, перевалился за борт и, окруженный тучей пузырьков, начал погружаться на глубину, туда, где на краю впадины лежал самолет. От дождя вода приобрела мутновато-зеленый цвет, но сквозь маску я видел отчетливо на расстоянии фута. Я проник внутрь через хвостовую часть и стал пробираться к кабине. Дыра, из которой в тот роковой день валил черный дым, зияла заостренными иззубренными краями; их загнуло вперед, как артиллерийский снаряд выворачивает поверхность стальной брони.

Дверцы кабины были открыты, все, что было в ней, подняли на поверхность. Все, да не все. На придонных волнах колыхалась рваная розовая рубашка. Она зацепилась за гвоздь в полу. Я отодрал ее от пола, скатал в комок и стал подниматься на поверхность, где маячил желтовато-зеленый свет.

Я давно научился ценить маленькие подарки судьбы и не терять их попусту. Очутившись на борту, я развесил рубашку для просушки на рыболовных крючках. Горячий ветер мигом высушил ее, от соленой воды ткань стала жесткой на ощупь.

Я достал из ящика с инструментами пластиковый пакет, отнес рубашку в рулевую рубку, где не было ветра, и стал отпарывать карманы острым, как лезвие бритвы, ножом фирмы «Пума». Я извлек огрызок карандаша, табачные крошки, раскисшие спички, маленькую расческу, пачку корпии и, наконец, соломинку для коктейля.

Деревянную соломинку для коктейля, завернутую в тонкую бумагу. На ней наверняка было что-то написано: на бумаге алело чернильное пятно, как след от губной помады.

Было уже за полдень, когда я припарковал пикап на Декатюр-стрит близ Джексон-сквер. Перекусив кофе и оладьями в «Кафе дю Монд», я пешком дошел до скверика и уселся на кованую скамейку под тенью бананового дерева неподалеку от собора Св. Людовика. Я надеялся встретиться с девушкой, которая, как предполагалось, будет сегодня вечером в баре «Улыбка Джека», однако было еще рано, и мне пришлось сидеть тут и наблюдать, как играют на гитарах негры-музыканты, а художники на улице Пиратов рисуют портреты туристов. Мне всегда нравился Французский квартал. Большинство жителей Нового Орлеана полагали, что он кишмя кишит пьяницами, наркоманами, уличными проститутками, мошенниками и извращенцами. Так оно, по сути, и есть, но мне все равно. Квартал всегда таким был. Тут орудовал сам Жан Лафит^[1] со своими головорезами и Джим Боуи торговал рабами и резал людей своим знаменитым ножом. Вообще-то, подозреваю, что вся эта пьянь, уличные девки, грабители и сутенеры имеют больше прав жить здесь, чем все остальные.

Старые креольские постройки и узкие улочки квартала остались прежними. Дома и огороженные железной решеткой палисадники утопали в зелени лохматых пальм и банановых деревьев, на тротуарах, под сенью спиралевидных колоннад всегда лежала тень, из маленьких бакалейных лавочек с неизменными деревянными вентиляторами вкусно пахло сыром, колбасой, свежемолотым кофе, а также персиками и сливами, горками красующимися на прилавках. Кладка домов была старой, прохладной и гладкой на ощупь, а мостовые покрыты выбоинами от струй дождя, потоком заливавших крыши и балконы. Если заглянуть за витую ограду, можно было увидеть внутренний дворик или интерьер дома, залитый солнечным светом и заросший пурпурными глициниями и желтыми вьющимися розами, а ветер доносил запахи сырого кирпича, фонтана, стекающего в стоячий колодец, кислый дух пролитого вина, ароматы заплетавшего трещины плюща с листьями, похожими на лапки ящерицы, и цветущей в тенике ялапы, и кустов курчавой мяты, притулившихся у оштукатуренной стены.

Тени, падавшие на Джексон-сквер, стали длиннее. Я уставился на соломинку для коктейля, найденную мной в кармане человека в розовой рубашке. Надпись, сделанную фиолетовыми чернилами, разобрать было невозможно, но мой приятель из Лафайетского университета предложил использовать новейшее изобретение — инфракрасный микроскоп. Эта штука была способна затемнить и высветлить сразу и дерево, и чернила, и, когда мой друг повозился с объективом, нам ясно удалось разглядеть восемь из двенадцати букв надписи: УЛЫ КА ДЖ КА.

Возникает вопрос: почему те, что озаботился поднять на поверхность тела с затонувшего самолета и потом солгать об этом СМИ (причем весьма успешно), допустили такую оплошность — оставили на глубине явную улику, чтобы потом ее нашел хозяин лодочной станции? Ответ прост. Обманщики, воры и игроки зачастую совершают ошибки потому, что им не хватает ума и предусмотрительности. Ведь уотергейтские взломщики не были шайкой уличных грабителей, эти ребята работали на ФБР и ЦРУ. А прокололись на том, что замотали пружинный стопор офисной двери клейкой лентой не в вертикальном, как следовало, а в горизонтальном направлении. Обычный охранник обнаружил это и отодрал ленту, но не стал ничего предпринимать. Один из взломщиков вернулся назад и вновь допустил ту же ошибку. Во время очередного обхода охранник заметил ленту и сообщил в

окружную полицию. Преступники были схвачены на месте.

Я шел в сторону Бурбон-стрит по прохладным улицам, которые уже захлестнул поток туристов. Это были семьи из Гранд-Рапидз, неспешно проходившие мимо стрип-баров, плакатов с рекламой женской борьбы и французских порнофильмов и улыбавшиеся друг другу, в своем невинном любопытстве похожие на стайку школьников, потягивающих пиво из бумажных стаканчиков и наблюдающих за виртуозами-картежниками и прочим уличным сбродом, безмятежных в своей уверенности, что они будут жить вечно. Не то что дельцы-недотепы с юга: вечером такой будет с ухмылкой бродить по освещенным огнями улицам и равнодушно взирать на выставленные напоказ женские прелести, а наутро проснется в каком-нибудь захудалом мотеле на обочине шоссе, с трясущимися руками и свинцовой головой, в сортире будет плавать его пустой бумажник, а от воспоминаний о прошлой ночи его охватит дрожь.

Бар «Улыбка Джека» находился на углу Бурбонской и Тулузской улиц. Если Робин Гэддис все еще работала здесь стриптизершей и ублажала сидевших в ней с малолетства бесов, она должна была появиться в шесть, чтобы пропустить первый стаканчик коктейля, в полседьмого сделать себе инъекцию кокаина и уже к ночи выкурить толстенный косяк. Я пару раз брал ее с собой на собрания анонимных алкоголиков, но ей не понравилось. Очевидно, она из тех, у кого не хватает силы воли. За время нашего знакомства она успела с десяток раз побывать в участке, один из клиентов ударил ее ножом в бедро, а очередной муж сломал челюсть колотушкой для льда. Однажды, будучи служащим патронажной комиссии, я наткнулся на историю ее семьи — историю трех поколений маргиналов и дегенератов. Она выросла в квартале красных фонарей близ кладбища Св. Людовика, дочь полусумасшедшей матери и алкоголика-папаши, который заворачивал ее голову в мокрые от мочи простыни, если ей случалось описаться в постель. Став взрослой, она умудрилась переехать на расстояние всего полумили от места рождения.

Однако в баре не было ни Робин, ни посетителей. Зеркальный подиум не был освещен; инструменты эстрадного трио сиротливо стояли в дальнем углу, в маленькой нише, а хрустальный шар, вращаясь, озарял пыльную полутьму вспышками света, от которых начинала кружиться голова. Я спросил у бармена, придет ли Робин. Бармен был малый лет около тридцати, с провинциального вида бачками; одет он был в черную футболку с белым рисунком, а на голове его красовалась черная фетровая шляпа.

— Да куда она денется, — сказал он и улыбнулся. — Первое представление в восемь. В полседьмого зайвится, вышить-то хочется. Вы ее приятель?

— Да.

— Что пить будете?

— У вас есть «Доктор Пеппер»?

— Шутите?

— А «Севен-ап»?

— Два бакса. Вы точно хотите шипучки?

Я положил деньги на барную стойку.

— Мы встречались, верно?

— Возможно.

— Вы полицейский, не так ли?

— Нет.

— Да ладно. У меня есть два таланта — я здорово смешиваю коктейли и запоминаю

лица. Но вы, кажется, не из полиции нравов.

— Я вообще не из полиции.

— Стоп, вспомнил. Убойный отдел. Вы работали в Первом округе.

— Уже не работаю.

— Решили начать с нуля, да? — сказал он. Трудно было разглядеть выражение его прищуренных зеленых глаз. — Вы разве не помните меня?

— Джерри вроде. Пять лет назад тебя посадили за то, что ты ударил старика по голове железной трубой. И как тебе?

На мгновение его зеленые глаза широко раскрылись, он дерзко посмотрел на меня из-под шляпы. Потом они опять превратились в узенькие щелочки.

Он начал протирать полотенцем стаканы, повернувшись ко мне в профиль.

— Неплохо. Постоянно на свежем воздухе, было легко держать себя в форме. Я люблю работать на земле, я ведь вырос на ферме, — ответил он. — Послушайте, выпейте еще порцию. Такой сообразительный парень. За счет заведения.

— Выпей за мое здоровье, — ответил я, взял стакан и отошел за один из задних столиков. Я видел, как он зажег сигарету, пару раз затянулся — и сердито швырнул ее на пол.

Она появилась через полчаса. На ней были сандалии, джинсы, сидевшие на бедрах, и коротенькая маечка, открывавшая плоский загорелый животик. В отличие от большинства стриптизерш свои черные волосы она коротко стригла, отчего была похожа на школьницу сороковых годов. И, несмотря на весь алкоголь и наркоту, которыми была напичкана, она все еще оставалась привлекательной.

— Блин, кого я вижу! — Она улыбнулась мне. — Как ты, Седой? Слышала, ты снова женился и переехал к Заливу продавать червяков и тому подобное.

— Так и есть. Я теперь только турист.

— Ты серьезно ушел из полиции? Ничего себе. Это надо быть крутым, чтобы вот так просто взять и уйти. Что ты им сказал на прощание — «Адиос, мусора, не кладите у двора?»

— Типа того.

— Эй, Джерри, у нас тут что, эпидемия? Мамочка хочет выпить.

— Мне нужно кое-что узнать про одного парня, — сказал я.

— Я не справочное бюро, Седой. Слушай, тебе ни разу не приходило в голову закрасить эту седину? У тебя самые черные волосы, которые я в жизни видела. Ну, не считая этой прядки. — Она легонько коснулась рукой моих волос.

— У этого парня на груди татуировка в виде змеи, красная с зеленым. Я уверен, что он здесь появлялся.

— Ты знаешь, это мне платят за то, чтобы я раздевалась перед мужчинами, а не наоборот... и не только за это.

— Это здоровый парень, у него башка как арбуз. А татушка прямо под правым соском. Его нельзя не заметить.

— Вот как? — Она закурила сигарету и уставилась на стакан с коктейлем, который для нее смешивал Джерри.

— В Сайгоне, на улице Бринг-Кэш был мастер, вот он делал такие татуировки, темно-зеленые с красным. Он был очень популярен на Востоке. Долгое время жил в Гонконге. Все, кто служил в британском флоте, с удовольствием обзаводились такими татуировками. С какой стати я должна была ее видеть?

— Ну же, Робин. Я всегда был тебе другом, я ни разу не осудил тебя за твои поступки. Прекрати выпендриваться.

— О как, — сказала она и отпила из стакана, принесенного Джерри, отчего губы ее стали влажными и прохладными. — Полгода я работаю здесь, а на зиму перебираюсь в форт Лодердель, там у меня есть парочка мест. Спроси своих дружков в полиции нравов.

— Они мне не дружки. Они выставили меня за дверь. Ты знаешь, когда меня отстранили от службы, я понял, что такое настоящее одиночество.

— Жаль, что не пришел ко мне. Ты мне правда здорово нравился, Дейв.

— Да, возможно.

— Ага. Так бы ты и связался со шлюхой, которая каждый вечер раздевается на потеху пьяным уродам. Эй, Джерри, а побыстрее нельзя?

Он забрал ее стакан и наполнил его новой порцией коктейля, однако не удосужился добавить туда ни лед, ни ломтик апельсина.

— Ты — настоящий друг, — сказала она.

— Ну, этого у меня не отнять, — ответил он и, вернувшись к стойке, стал загружать в холодильник бутылки пива, вертя головой то вправо, то влево из опасений, что какая-нибудь из них лопнет.

— Мне пора убираться из этого места, — сказала Робин. — Это дурдом, а не заведение. Если ты считаешь, что у него не все дома, то ты еще не видел его мамашу — ей-то и принадлежит эта дыра плюс сувенирная лавчонка по соседству. У нее волосы как щетка для чистки унитазов, вдобавок она мнит себя оперной дивой. Прикинь, носит длинные платья и обвешивается побрякушками, как новогодняя елка; каждое утро врубает вон ту магнитолау на барной стойке, и оба дряят сортиры и орут оперные арии, как будто им кто вилы в задницу воткнул.

— Робин, мне точно известно, что парень с татуировкой здесь бывал. Мне правда очень нужна твоя помощь.

Она стряхнула пепел с сигареты в пепельницу и ничего не ответила.

— Послушай, ты ничем ему не навредишь. Он умер, — сказал я. — Он был в самолете, который потерпел аварию. Вместе с ним были священник и парочка нелегалов.

Она затянулась сигаретой и убрала от глаз прядь волос.

— Ты хочешь сказать... он был с нелегалами?

— Ну да.

— Не знаю, зачем Джонни Дартезу понадобились нелегалы и к тому же священник.

— Кто он такой?

— Обретался здесь пару лет, служил в морской пехоте. Промышлял уличными кражами.

— Он был карманником?

— Хреновым. Его успевали засечь прежде, чем ему удавалось сцапать бумажник. Он был недотепой. Не понимаю, зачем он тебе понадобился.

— Чем он занимался в последнее время?

— Не знаю. Наверное, подделывал ключи и кредитные карточки.

— Я думал, что ты завязала, детка.

— Это было давно.

— Ну а в последнее время? Что этот парень делал в последнее время?

— Я слышала, какую-то грязную работу для Буббы Рока, — почти шепотом произнесла она.

— Буббы Рока?

— Да. Говори тише.

— Я сейчас. Будешь еще коктейль? — спросил Джерри.

— Да. И еще: мой, пожалуйста, руки после туалета.

— Знаешь, Робин, когда ты вошла, я услышал смешной звук. Я правда слышал, очень близко. Думал, мышцы скребнут. Теперь-то я понял — это твои мозги гниют.

— Кто твой участковый, парень? — спросил я.

— А никто. Я вышел на свободу чистым, оттрубил полный срок. Что, спутал вам все карты? — ухмыльнулся бармен из-под своей черной шляпы.

— Да я вот только заметил вон те бутылки с ромом, там, под стойкой. Что-то не вижу на них акцизной марки. Похоже, ты затариваешься дьюти-фри на островах и подмешиваешь их содержимое в коктейли?

Он опустил руки и глубокомысленно посмотрел на ряд выстроившихся бутылок за своей спиной.

— Наблюдательный, черт, — сказал он. — Спасибо, что обратил на них мое внимание. Робин, не упускай парня.

— Не лезь не в свои дела, Джерри, — ответила она.

— Он знает, я не хочу никому навредить. Я никого не достаю, ни к кому не лезу. Я не хрен моржовый. Ты ж понимаешь, шеф?

— Представление закончилось, — ответил я.

— И это вы мне? Я не мешаю жить людям, я получаю здесь оклад плюс чаевые, и мне не нужно лишнего шума, не нужно.

Я наблюдал, как он идет по направлению к кладовке в глубине бара. Походка у него была еще та, он шел, виляя бедрами, как педик, а руки были неподвижны. До конца жизни у парня будут нелады с законом. Интересно, откуда такие берутся? Генетические мутации или в детстве мало пороли? Даже прослужив четырнадцать лет в полиции Нового Орлеана, я не мог дать ответа на этот вопрос.

— По поводу Буббы Рока и иже с ним, — говорила между тем Робин. — Я тебе ничего не говорила, ты ничего не слышал, о'кей? Бубба — псих. Я знала одну девчонку, она пыталась работать только на себя. Так его парни облили ее бензином и подожгли.

— Можешь быть уверена: все, что я про него знаю, я узнал не от тебя.

Но в ее глазах застыл страх.

— Послушай, я знаю его всю жизнь, — сказал я. — Он все еще живет в доме на окраине Лафайета. Ничего нового ты мне не рассказала.

Она придержала дыхание и отпила из стакана.

— Я, конечно, знаю, что ты был хорошим легавым и все такое, — сказала наконец она, — но есть много такого, с чем не приходилось сталкиваться ни одному из вас. И не придется. Вы здесь не живете, вы лишь заходите. Понял, Седой?

— Мне пора, детка, — сказал я. — Мы живем к югу от Нью-Иберия. Если захочешь продавать червяков, милости просим.

— Дейв...

— Что?

— Приходи еще, ладно?

Я вышел в освещенные неоновым светом сумерки. Из соседних баров неслись оглушительные звуки рокабилли и диксиленда. Я оглянулся на Робин, но ее стул был пуст.

Возвращаясь домой, я ехал по шоссе I-10 вдоль водосбора Атчафалайя. При свете луны прибрежные ивовые деревья и полузатопленные стволы кипарисов отливали серебром. Ветра не было, и на черной поверхности воды отражался диск ночного светила. На фоне неба чернели силуэты нефтяных вышек; тут с залива донесся порыв ветра, зашелестели ивы на дальнем берегу, и безмятежный лик водной глади покрылся морщинами.

Я свернул с моста Бро у Мартинвилля на старую грунтовую дорогу, которая вела к Нью-Иберия. Электрический прожектор освещал белый фасад католической церкви XVIII века, во дворе которой под раскидистым дубом обрели вечный покой Эванджелина^[2] и ее возлюбленный. Стволы нависавших над дорогой деревьев покрылись мхом, в воздухе пахло свежеспаханной землей и молодым сахарным тростником. Но у меня из головы никак не выходило имя Буббы Рока.

Он был из тех немногих белых ребят Нью-Иберия, которых нужда заставляла зарабатывать на жизнь, расставляя кегли для боулинга, а ведь в то время ни о каких кондиционерах и не слыхивали; жара стояла невероятная, кругом с треском падали сбитые кегли, негры сквернословили, по металлическому желобу грохотали шары, способные запросто раздробить берцовую кость. Зимой он ходил без пальто, у него были вечно невымытые волосы, он хрустел суставами пальцев до тех пор, пока те не выросли до гигантских размеров. Он не мылся, от него дурно пахло, ему ничего не стоило плюнуть девчонке на шею за десять центов. Про него ходили легенды: мол, в десять лет его совратила собственная тетка, он перестрелял из духового ружья всех окрестных кошек, пытался изнасиловать негритянку, которая служила в нашей школьной столовой; а еще, что папаша порол его собачьей цепью, а он в отместку поджег дровяной сарай, стоявший между свалкой и стоянкой катеров берегового патруля.

Как сейчас помню его серо-голубые, широко поставленные глаза. Казалось, они не мигали, словно веки были удалены хирургическим путем. Мы с ним как-то боксировали на окружных соревнованиях по боксу, матч окончился вничью. Сдавалось мне, хоть ты все кулаки обломай о его рожу, а он так и будет переть на тебя, сверля немигающим взглядом.

Пора бы мне и поостыть, думал я. В конце концов, какое мне дело до того, что парни Буббы Рока впутались в историю с падением самолета. Пусть себе федералы разбираются. А я постою в сторонке.

Когда я вернулся домой, на ореховые деревья опустилась ночь и только в гостиной слабо мерцал экран телевизора. Приоткрыв застекленную дверь, я увидел, что Энни прикорнула на кушетке возле телевизора; вентилятор раздувал ее кудри. Подле нее на столике стояли два пустых стаканчика из-под клубничного мороженого. Затем в углу я заметил Алафэр, одетую в мою старую джинсовую рубашу вместо пижамы: она не могла оторвать испуганных глаз от телеэкрана. Показывали документальный фильм о Второй мировой войне, солдаты шли строем по грязной дороге, а за их спинами лежал в руинах итальянский городок. За плечами вещевые мешки, в растянутых ухмылкой губах — дымящаяся сигарета; один парень нес щенка, завернув его в полу полевой куртки. Но вовсе не освободители Европы виделись Алафэр. Когда я взял ее на руки, худенькое тело била дрожь.

— Когда придут солдаты? — спросила она по-испански, уставившись на меня испуганными вопрошающими глазами.

Ей много о чем хотелось спросить, но наши с Энни познания в испанском были слишком скудны, чтобы ответить; дело было не только в словах — никому из нас, взрослых,

не хотелось сообщать перепуганному ребенку о смерти матери. Должно быть, девочке и сейчас снились руки, сжимающие ее бедра и подталкивающие дитя к спасительному кислородному мешку; может быть, она даже считала меня, поднявшего ее из морской пучины на свет Божий, кем-то вроде святого, способного воскрешать из мертвых. Она с надеждой смотрела в мои глаза, надеясь увидеть в них отражение глаз своей матери. Но ни у меня, ни у Энни не хватало духу произнести слово *muerto* — «мертвый» по-испански.

— *Adonde ha ido mi mamá?* — вновь спросила она на следующее утро.

Может быть, ее вопрос и предположил самый лучший ответ, который мы только могли дать ей. Она не спрашивала, что случилось с ее матерью, она хотела знать, куда ушла ее мать. И тогда мы все вместе отправились в церковь Св. Петра в Нью-Иберия. Можно, конечно, упрекнуть меня в том, что я нашел самый простой выход. Но, по моему твердому убеждению, лучше уж так, чем напрямую. Слова бессильны решать вопросы жизни и смерти, смерть не станет менее ужасной оттого, что кто-то тысячу раз объяснит на словах, что она неизбежна. Мы взяли ее за руки и ввели в церковь, туда, где под статуями Девы Марии, Иосифа и младенца Иисуса на витых металлических подставках горели восковые свечи.

— Твоя мама у Боженьки, — сказал я ей по-французски, — он взял ее на небо.

Она, моргая, смотрела на меня.

— На небе? — по-испански переспросила она.

— Да, на небе, — повторил я сначала по-английски, затем по-французски.

— *En el cielo*, — сказала Энни. — На небесах.

Сначала Алафэр ошалело уставилась на нас, потом губы ее сжались, а в глазах появились слезы.

— Ну, ну, малышка, — сказал я ей и усадил ее на колени. — Пойдем и поставим свечку. За твою маму, — добавил я по-французски.

Я зажег трут о горящую свечу и отдал его Алафэр, затем, взяв ее руку, помог ей поднести трут к фитильку свечи в красном стеклянном стакане. Капелька расплавленного воска слезинкой упала вниз; мы зажгли другую свечу, затем третью...

В заплаканных глазах Алафэр отражались красные и синие блики от свечей, горящих в стаканах на подставке. Она крепко обхватила ногами мое бедро, обвила руками мою шею, щекой я чувствовал тепло головки. Энни протянула руку и погладила девочку по спинке.

Когда на следующее утро я открыл дверь, чтобы отправиться на работу, верхушки деревьев еще скрывали розовое рассветное солнце. Стояло безветрие, вода у окруженного кипарисами берега была темной и неподвижной, только оттого, что вокруг круглых листьев водяных лилий кормились стайки лещей, по ней расходились круги, точно от капель дождя. Солнце поднималось все выше, оно уже осветило верхушки деревьев и рассеяло туман, державшийся у кипарисовых корней. Все предвещало ясный погожий день, раздолье для тунцов, солнечников и окуней, вплоть до полудня, когда нагреется вода и скроются тени от деревьев. Однако часам к трем стрелка барометра резко упадет вниз, небо быстро затянется серо-стальными кучевыми облаками, с первыми каплями дождя соберутся на кормежку косяки голубого тунца, и чавканье их ртов будет громче, чем шум дождя.

Я выгреб золу из печи для барбекю, сгреб ее в бумажный пакет и отнес в мусор, затем засыпал свежие угли, сверху положил зеленые ветки орешника и разжег огонь; я оставил Батиста — одного из работавших на меня негров — присматривать за станцией и вернулся домой приготовить омлет и кускус на завтрак. Мы уселись за стол красного дерева, стоявший в тени мимозы, а над нами, высоко в небе, распевали свои веселые песни голубые

сойки и пересмешники.

После завтрака я усадил Алафэр в пикап, и мы поехали к ближайшему бакалейщику купить льда для холодильников и мяса креветок для запеканки на ужин. Мы купили еще и большого воздушного змея и, когда вернулись, отправились к пруду, что примыкал к плантации сахарного тростника на краю участка, и я запустил его; он поднимался все выше и выше в голубое, покрытое легкими облачками небо. Удивление и восторг озарили лицо девочки, когда я вручил ей веревку от танцующего на ветру яркого змея.

Тут я увидел, что через затененный двор к нам направляется Энни. На ней были выцветшие джинсы и темно-синяя майка, солнце золотило ее кудри. Я взглянул ей в лицо. Она пыталась казаться спокойной, но, подобно небрежно сделанной скульптором зарубежке на гладкой поверхности мрамора, на лбу ее появилась морщинка.

— Что случилось? — спросил я ее.

— Ничего, — ответила она.

— Правда ничего? А на лице написано, что случилось, — ответил я и провел пальцем по ее загорелому лбу.

— Там, под деревьями, на обочине дороги... там стоит машина, и в ней двое, — сказала она. — Я заметила их еще с полчаса назад, но тогда не обратила внимания.

— Что за машина?

— Не знаю. Какая-то белая, вроде спортивной. Я вышла на крыльцо, и в тот же момент водитель закрыл лицо газетой, вроде как читает.

— Наверное, какие-нибудь парни из нефтеперерабатывающей компании, они вечно тут шастают. Но на всякий случай надо посмотреть.

Я привязал змея к ивовому шесту, воткнул его в землю возле пруда, и мы втроем отправились назад, к дому, оставив игрушку на потеху ветру.

Я оставил их на кухне и выглянул через стеклянную дверь, но открывать ее не стал. На обочине дороги неподалеку от нас был наискось припаркован белый «корвет», мужчина на переднем пассажирском сиденье откинулся назад и спал, укрыв лицо соломенной шляпой. Водитель курил сигарету и стряхивал пепел в окно. Я снял с гвоздя свой японский полевой бинокль времен Второй мировой, прислонил его к ручке двери и начал фокусировать линзы сквозь застекленную дверь. Переднее стекло было тонированным, да и машина стояла в тени, так что я не мог разглядеть сидевших внутри, к тому же номера были сзади, их я тоже не видел. Единственное, что я четко разглядел, — это три серебристые буквы ELK на водительской двери.

Я прошел в спальню, достал свою куртку хаки, в которой обычно охотился на уток, затем отодвинул ящик комода, где под стопкой рубашек лежал завернутый в полотенце американский армейский автоматический пистолет 45-го калибра, купленный мной в Сайгоне. Потом достал тяжелую обойму, зарядил полный магазин, закрыл патронник, поставил пистолет на предохранитель и сунул в карман куртки. Оглянулся.

И увидел стоявшую в дверях Энни. Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза.

— Дейв, что ты делаешь?

— Выйду-ка я посмотрю, что за птица. Пистолета они не увидят.

— Не надо. Если хочешь, давай позвоним шерифу.

— Они на нашей территории, детка. Я просто спрошу у них, что им тут надо, вот и все.

— Не ходи, Дейв. А вдруг они из Департамента по иммиграции? Не стоит их провоцировать.

— Федералы не станут развезать на спортивной машине. Похоже, эти ребята из Нефтяного центра в Лафайете.

— Ага. И поэтому ты берешь пистолет.

— Дурная привычка. Ну, я пошел.

Я прочитал в ее глазах обиду. На мгновение она отвела взгляд.

— Да ладно, я-то тут кто? — спросила она. — Хорошая скво — та, что ждет на кухне, беременная и босая, пока ее мачо развлекается.

— Лет восемь назад у меня был напарник. Однажды за пару кварталов от Френч Маркет он увидел, что кто-то пытается поменять колесо. Он шел с работы, и на поясе у него все еще болтался полицейский значок. Он был добрым парнем, всегда готов прийти на помощь. Он просто подошел и спросил, мол, может, парню нужен больший домкрат? Так тот пристрелил его из девятимиллиметрового.

Она дернулась, словно я ее ударил.

— Я скоро, — сказал я и вышел, держа куртку на руке.

Под моими ногами громко шуршали листья орехового дерева. Обернувшись через плечо, я увидел, что она смотрит на меня сквозь стеклянную дверь, а к ней прижимается Алафэр. Боже, зачем я говорил с ней в таком тоне, мысленно ругал я себя. Она — лучшая женщина в мире, добрая, любящая, я чувствовал это, просыпаясь каждое утро. Это я был подарен ей судьбой, а не наоборот. Обо мне она пеклась много больше, чем о собственном благополучии. И я подумал, смогу ли я когда-нибудь изгнать демона пьянства из своей души.

Я шел по грязной дороге напрямик к припаркованному автомобилю. Внезапно я увидел, что водитель выбросил сигарету и завел мотор. Он выехал так, чтобы я не смог увидеть ни его лица, ни номера машины. Он дал задний ход, солнечные блики заиграли на лобовом стекле, резко развернулся в том месте, где дорога изгибалась и по обоим краям ее росли чахлые дубки. Последнее, что я услышал, — машина с грохотом промчалась по деревянному мосту к югу от участка, затем звук двигателя затих, и автомобиль исчез среди деревьев.

Я вернулся в дом, вытащил из кармана пистолет, достал патроны из магазина, завернул оружие в полотенце и снова убрал в ящик стола. Энни мыла посуду на кухне. Я подошел к ней совсем близко, почти прикоснувшись.

— Я вот что хочу сказать. Может быть, ты и не воспримешь сейчас мои слова, — начал я. — Ты очень дорога мне, и жаль, что пришлось говорить с тобой так. Я не знаю, кто были эти люди, но я не собирался оставлять это дело. Энни, если ты кого-то сильно любишь, ты ведь готов на все, чтобы защитить любимого человека. Так, и только так.

Ее руки застыли над раковиной, она неотрывно смотрела в окно на задний двор.

— Кто были эти люди? — спросила она.

— Не знаю.

Я ушел в гостиную и попытался углубиться в чтение газеты.

Несколько минут спустя я услышал, как она подошла и встала за мое кресло, почувствовал ее руки на своих плечах. Они были влажными и теплыми от воды. Потом она наклонилась и коснулась губами моих волос.

После обеда мне позвонили на станцию. Звонивший представился: Майнос П. Дотрив резидент Управления по борьбе с наркотиками. Он сказал, что хочет поговорить со мной.

— Так говорите, — ответил я.

— Нет, в моем кабинете. Вы можете подъехать?

— У меня куча работы, мистер Дотрив.

— Тогда мы вот как сделаем, — ответил он. — Мог бы приехать я сам, на что у меня нет времени, к тому же мы предпочитаем разговаривать с людьми где угодно, но не на лодочной станции. Вы также можете подъехать сами в любое удобное для вас время, кстати, сегодня славный денек для прогулки. Или мы можем прислать за вами машину.

С несколько секунд я молча наблюдал, как негры ловят рыбу на мелководье на том берегу залива.

— Я приеду где-то через час, — ответил я наконец.

— Вот здорово. Жду с нетерпением.

— Никто из ваших не околачивался возле моего дома с утра пораньше? — спросил я.

— Да нет. А что, вы видели кого-то из наших?

— Если кто из ваших ездит на «корвете», то да.

— Приезжайте, и обо всем потолкуем. Я смотрю, вы тот еще фрукт.

— Что это за треп, мистер Дотрив?

Он повесил трубку. Я отправился на станцию и нашел там Батиста, который мыл в ведре пойманных им сомов. Каждое утро он выходил рыбачить в залив на своей пироге, затем вытаскивал улов на берег, потрошил и чистил рыбу обоюдоострым ножичком, сделанным из напильника, выдираал щипцами плавники и промывал тушки в красной от крови воде. Это был пятидесятилетний негр, совершенно лысый, угольно-черный, словно выкованный из цельного куска железа. Каждый раз, когда я смотрел, как он снимает рубаху и пот стекает по его лицу и широченным плечам, как он чистит рыбу и руки его становятся красными от крови, как он рубит головы сомам, словно полено на чурбаки, а под его эбеновой кожей перекачиваются бугры мышц, я ловил себя на мысли, что рабовладельцам-южанам трудновато приходилось держать в повиновении ему подобных. Нашей же единственной трудностью в общении с Батистом было то, что Энни не всегда его понимала. Так, однажды, когда они вместе отправились на пастбище покормить наших коров, он попросил ее перебросить через изгородь охапку сена, причем полфразы произнес на ломаном английском, а вторую половину — по-французски, а Энни фактически не знала этого языка.

— Мне надо в Лафайет на пару часиков, — сказал я ему, — и я хочу, чтобы ты проследил, не появятся ли тут двое парней на «корвете». Если появятся, позвони шерифу, а сам иди в дом и присмотри за Энни и девочкой.

— Что такое «корвет», Дейв? — спросил он по-французски.

— Спортивная машина. У них она белая.

— Что они делают, эти люди?

— Не знаю. Возможно, ничего.

— Что я должен сделать с этими людьми?

— Тоже ничего. Понял? Только позвони шерифу и присмотри за Энни.

— *Qui e'est ti vas fire si le sheriff pas vient pour un neg*, Дейв? — спросил он и сам посмеялся своей шутке. — А если шериф не поедет к негру, Дейв, тогда что? Батист тоже не должен ничего делать?

— Я серьезно. Не связывайся с ними.

Он ухмыльнулся и снова принялся чистить рыбу.

Я сказал Энни, куда я собрался, и через полчаса уже парковал машину у административного здания в центре Лафайета, где и располагался штаб Управления по борьбе с наркотиками. Здание было большое, современное, эпохи Кеннеди и Джонсона, со стеклянными дверьми-вертушками, окнами тонированного стекла и мраморной плиткой на полу; однако прямо напротив располагалось старенькое здание полицейского управления и не менее древняя тюрьма — серенькое приземистое бетонное строение с решетками на окнах первого этажа, уродливое напоминание о недавнем прошлом. Так, даже я помню, как в пятидесятых годах в этой тюрьме казнили человека на электрическом стуле, который привезли из федеральной тюрьмы. Во дворе здания на грузовике с безбортовой платформой стояли два генератора, от которых к одному из зарешеченных окон тянулись пучки проводов. Чудесным летним вечером, часиков этак в девять, посетители близлежащего ресторана слышали крик и увидели вспышку света в решетке окна.

Впоследствии жители с неохотой вспоминали об этом. Сразу после казни эта часть тюрьмы была закрыта, и в ней поместили на хранение сирену гражданской обороны. Теперь мало кто из жителей помнил о тех событиях.

В то туманное майское утро, когда я подъехал к зданию, я поднял голову и увидел, как из окна первого этажа вылетел бумажный самолетик. У меня появились смутные подозрения насчет того, кто его запустил.

И когда я вошел в открытую дверь кабинета Майноса П. Дотрива, я увидел высокого мужчину с ежиком стриженных волос, который откинулся в кресле; узел галстука у него был ослаблен, верхняя пуговица на воротнике расстегнута, одна его нога покоилась на корзинке для бумаг, вторая застыла в воздухе, готовясь запустить очередной бумажный самолетик. Его светлые волосы были так коротко острижены, что сквозь них просвечивал обтянутый кожей череп, на его гладко выбритом, холеном и довольном лице словно отражался солнечный свет. На его столе красовалась открытая желто-коричневая папка, из которой торчали несколько телексных листов. Он швырнул самолетик на стол, убрал ногу с корзинки для бумаг и так энергично потряс мою руку, что чуть не свалил меня с ног. Мне показалось, что я где-то его видел.

— Сожалею, что вытащил вас сюда, — сказал он, — но вы же не в обиде, правда? Вот читал на досуге ваше досье. Весьма занятное чтиво. Присаживайтесь. Вы и вправду наворотили всю эту ерунду?

— Не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Ладно скромничать, у вас там тот еще послужной список. Дважды ранен во Вьетнаме, причем второй раз подорвался на mine. Четырнадцать лет в полицейском управлении Нового Орлеана, во время службы пара сурьезных грешков. С чего это вдруг парень с дипломом преподавателя английского решил стать легавым?

— Так я приперся сюда только затем, чтоб ответить на этот вопрос?

— Успокойтесь, не за этим. Наше дело — бегать туда-сюда и собирать матерьяльцы для прокурора. Вам это прекрасно известно. Но согласитесь, ваше досье — весьма занимательная штука. Помимо всего прочего, там сказано, что на вашей совести три трупа, причем один из этих ребят был самым известным наркоторговцем и сутенером Нового Орлеана и вдобавок охраняемым свидетелем, по крайней мере до того, как вы вышибли ему мозги. — Он громко рассмеялся. — Слушайте, расскажите, как вам удалось, а? Завалить охраняемого свидетеля — дело нешуточное, мы обычно глаз с них не спускаем.

— Его телохранитель выстрелил в моего напарника. Обычная проверка, и часа бы не

заняла. Так что этот парень сделал глупость. Совсем незачем было стрелять и тем самым навлекать неприятности на свою задницу. Профессионалы так не делают. Понимаете, к чему я?

— А то нет. Типа мы, федералы, делаем глупости и провоцируем вас, полицейских. А вот вам еще кое-что, мистер Робишо. Как вы думаете, чем занимался парень, который вышел на лодке в Мексиканский залив и стал свидетелем авиакатастрофы? В вашем досье сказано, что вы — большой любитель скачек. Итак, что вы на это скажете?

— Вы это о чем?

— Нам известно, что на борту самолета был некий Джонни Дартез. Это имя означает одно — наркотики. Он был наркокурьером на службе у Буббы Рока. В частности, занимался тем, что сбрасывал наркотики с воздуха в море в резиновых шарах.

— И вы подумали: уж не я ли их подбирал?

— Ну уж не знаю.

— По-моему, вы слишком много времени тратите на запуск бумажных самолетиков.

— Предлагаете заняться чем-нибудь другим? Может, продавать хот-доги или податься в политику?

— Вспомнил. Баскетбольная лига, лет пятнадцать назад. Прозвище Доктор Данкенштейн. Вы были в составе Национальной сборной.

— Так точно. Отвечайте на вопрос, мистер Робишо. Объясните мне, почему человек с вашим прошлым находился в открытом море именно тогда, когда упал самолет? И к тому же у этого человека был аппарат для погружения, так что он стал первым, кто нырнул к месту крушения.

— Послушайте, за штурвалом самолета был священник. Подумайте головой.

— Ага, священник. Который отмотал срок в Денбери.

— В Денбери?

— Именно там.

— Вон как. А за что?

— Незаконное вторжение.

— А поподробнее?

— Он, пара монахинь и пяток других священников проникли на территорию одного из заводов компании «Дженерал Электрик» и повредили кое-какие детали ракет.

— И вы считаете, что он вдобавок наркокурьер?

Он скомкал самолетик и швырнул его в корзинку для бумаг.

— Нет, не считаю, — ответил он, не отрывая взгляда от облаков, собиравшихся на полуденном небе.

— А что говорят ребята из Департамента по иммиграции?

Он пожал плечами, пальцы его забарабанили по крышке стола. У него были длинные тонкие пальцы с чистыми розовыми ногтями, и руки скорее напоминали руки хирурга, чем бывшего баскетболиста.

— Если верить им, то никакого Джонни Дартеза на борту не было, — сказал я.

— У них своя компетенция, у нас — своя.

— Они мешают вам работать, ведь так?

— Послушайте, мне нет дела до того, чем занимается департамент. Я хочу засадить за решетку Буббу Рока. Мы потратили уйму времени и денег на то, чтобы изловить этого Дартеза и еще одного кадра из Нового Орлеана по имени Виктор Ромеро. Вам знакомо это

имя?

— Нет.

— Им обоим удалось ускользнуть прямо у нас из-под носа пару месяцев назад. Поскольку судьбу Дартеза мы оба прекрасно знаем, ценность этого Ромеро резко возросла.

— Вам не достать Буббу таким манером.

Он оттолкнулся от стены носком ботинка, его кресло описало круг. Ни дать ни взять мальчишка в парикмахерской.

— И откуда вы только все знаете? — спросил он.

— В старших классах он устраивал представления. Он мог проглотить лампочку, открыть зубами банку колы или воткнуть канцелярские кнопки в собственные коленные чашечки.

— Да, они это могут. В Атланте у нас есть для них специально оборудованное помещение, где они могут часами демонстрировать друг другу свое искусство.

— Тогда успехов.

— Так, думаете, нам его не достать?

— Да какая разница, что я думаю? Кстати, что говорит Комиссия по расследованию транспортных происшествий по поводу причин катастрофы?

— Пожар на борту. Точно сказать нельзя. Когда водолазы проникли на борт, было темно. К тому же самолет провалился в углубление на дне и наполовину погрузился в ил.

— Думаете, только пожар?

— Такое бывает.

— Пускай осуществят повторное погружение. Послушайте, я туда дважды опускался. По-моему, на борту произошел взрыв.

Он долго смотрел на меня.

— А по-моему, мне следует кого-то предупредить, что он вмешивается в федеральное расследование.

— Я тут ни при чем, мистер Дотрив. Вам мешают ваши же друзья-федералы из соседнего ведомства. Они убирают свидетелей, похищают трупы. Вот за ними и следите. Буду вам весьма признателен, если не станете сваливать вину на меня.

Я увидел, как он напрягся и начал нервно комкать ластик своими длинными пальцами.

— Нам, государственным служащим, все время приходится работать, оглядываясь на федеральные законы, мы скованы по рукам и ногам бюрократическими препонами, — тихо проговорил он. — Нам и не светит действовать напрямую и играть в открытую, как это здорово получается у вас, простых полицейских. Помните тот случай несколько лет назад, когда в Новом Орлеане пристрелили легавого, а его сослуживцы решили самолично расквитаться с убийцей? По-моему, они просто-напросто явились домой к этому парню, разумеется речь шла о чернокожем, и пристрелили его прямо в ванне, вместе с женой. Ну а те самые черномазые бунтовщики, которые напали на бронированный автомобиль, убив при этом охранника, смылись куда-то в район Миссисипи. Мы их два года пасли, и почти все было готово, а потом ваши ребята сцапали одного из них и заставили признаться, и вся наша работа — коту под хвост. Вполне в вашем духе — всем показать, кто здесь главный.

— Если у вас больше нет вопросов, то я, пожалуй, пойду.

— Да, пожалуйста. — Натянув резинку, он запустил скрепкой для бумаги в картотечный шкаф у другой стены.

Я поднялся. Его внимание было направлено на поиски новой цели для «стрельбы».

— Среди вашей клиентуры нет никого, кто ездит на белом «корвете» с буквами ELK?

— Это те самые, кто приезжал к вам утром? — спросил он, по-прежнему не глядя на меня.

— Да.

— Не знаю. Нам и то повезло, что удалось установить наблюдение за этой парочкой. — Теперь он смотрел на меня в упор ничего не выражающими глазами. — Наверно, это люди, кому вы продали тухлую рыбу.

Я вышел на улицу. Ветер играл ветками мимозы, негр-садовник поливал из шланга цветочные клумбы и только что подстриженный газон, пахло мокрой землей и свежесрезанной травой, лежащей кучками под деревьями. Я посмотрел вверх, туда, где было окно кабинета Майноса П. Дотрива, потом сжал и разжал кулаки, с шумом втянул в себя и выдохнул воздух. Мне надо было успокоиться.

Что ж, подумал я, так тому и быть. Зачем тыкать в парня палкой, если его уже и так загнали в клетку? Хорошо, если ему удастся добиться вынесения обвинительного приговора для одного из десяти арестованных, к тому же бедняге наверняка придется тратить добрых полдня на борьбу с бюрократами, вместо того чтобы ловить преступников, и высшим своим достижением он считает то, что как-то добился конфискации трети имущества какого-нибудь наркодельца, погубившего сотни людей.

Только я собрался вырулить на трассу, как вдруг увидел, что он выбежал из здания и машет мне рукой. Его чуть не сбила проезжавшая машина.

— Погодите минутку. Хотите мороженого? Я угощаю, — сказал он.

— Мне пора на работу.

— Пойдите. — Он купил два стаканчика мороженого у мальчишки-негра, уселся на пассажирское сиденье моего грузовичка, едва не задев дверью какой-то автомобиль, и вручил мне порцию. — Этот чувак на «корвете». Возможно, это был Эдди Китс. Он был мелкой сошкой в Бруклине. Потом переехал сюда, ему очень по душе здешний климат. У него здесь пара кабаков, на него работает несколько проституток, и он считает себя крутым бандитом. Как считаете, есть ли у подобного парня причина ошиваться вблизи вашего дома?

— Вы меня уели. Первый раз о нем слышу.

— Подсказка первая. Этот Эдди Китс иногда выполняет мелкие поручения нашего старого приятеля Буббы Рока, за просто так, ну, иногда Бубба что-нибудь подкидывает. Вот такой парень. Поговаривают, это он как-то поджег проститутку, которая взбунтовалась против Буббы. — Он замолчал и с любопытством уставился на меня. — В чем дело? Можно подумать, за годы службы в убийном отделе вы никогда не слышали ни о чем подобном. Неужели не знаете, что такое сутенеры?

— Я тут говорил с одной стриптизершей из Нового Орлеана, она знает про Дартеза. Она мне и сказала, что тот работал на Буббу Рока. Теперь я опасаюсь за ее жизнь.

— Это меня и тревожит.

— Что именно?

— Я не шутил, когда просил вас не вмешиваться в ход федерального расследования.

— Послушайте, газеты сообщили о трех погибших в авиакатастрофе, но я-то знаю, что их было четверо. Выходит, что я либо был пьян, либо полный идиот. Или и то и другое.

— Хорошо, успокойтесь. Может, нам взять эту вашу девицу под охрану?

— Нет, это не ее стиль.

— А валяться с перерезанной глоткой — ее стиль?

— Она — алкоголичка и наркоманка. И скорее съест полкило пауков, чем вяпается в дельце с органами.

— Хорошо, сделаем таким образом. Если еще раз увидите этот автомобиль около дома, позвоните нам. Мы все уладим. А вы не вмешивайтесь. Идет?

— Да я и не собирался.

— Берегите себя, Робишо. Если ваше имя снова попадет в газету, пусть уж это будет заметка о рыбной ловле.

Я пересек мост через реку Вермиллион и покатил по старой двухполосной дороге через Бронсар в Нью-Иберия. Ровно в три часа хлынул дождь. Я смотрел на серую стену дождевых струй к югу впереди меня, потом слушал, как первые капли орошают поле сахарного тростника и стучат по обитой железными листами крыше здания заброшенного сахарного заводика на окраине Бронсара. Как раз в середине я увидел косые лучи солнца, пробивающиеся сквозь *тучи*, как святое сияние на детской рождественской открытке. Мой отец всякий раз говаривал: «Это Бог, он дает знать, что дождь скоро кончится».

Когда я приехал домой, дождь все еще лил, Энни и Алафэр ушли помогать Батисту прислуживать рыбакам, которые сидели под полотняным навесом и пили пиво с жареными колбасками. Я поднялся наверх и позвонил в справочную службу Нового Орлеана, чтобы узнать номер телефона Робин, но там его не оказалось. Тогда я набрал номер бара, где она работала. Тот, кто взял трубку, не представился, но голос и манера говорить выдали его с головой.

— Ее нет, она не приходит раньше шести, — ответил он.

— У вас есть ее домашний телефон?

— Вы что, издеваетесь? Кто вы вообще такой?

— Дай мне ее телефон, Джерри.

— Как же я сразу не догадался! Господин легавый собственной персоной, — сказал он. — Хотите знать? У нее нет телефона. А еще хотите кое-что знать? Тут вам не справочное бюро.

— Когда вы видели ее последний раз?

— В два часа ночи. Блевала в сортире. Я его только что вымыл. Послушай, шутник, если тебе нужна эта шлюха, приезжай сюда сам и поговори с ней. А я пойду мыть швабру. Вы с ней друг друга стоите.

Он положил трубку. А я так и остался смотреть на дождь. Хоть бы с ней ничего не случилось. То, что мужчины пользовались ее телом и избивали ее, было для этой женщины обычным делом, равно как алкоголь и наркотики, без которых она не обходилась ни дня. Может быть, я лишь из тщеславия полагал, что наш разговор может ей как-то повредить. К тому же не факт, что за рулем «корвета» был именно бандит из Бруклина по имени Эдди Китс.

Святые не нуждаются в предостережениях потому, что считают их неуместными. Дураки же не обращают на них внимания, полагая, что только молния в небесах и раскаты грома над лесной чащей — загадочные знаки судьбы. И Робин, и Майнос П. Дотрив пытались меня предупредить. Я же стоял и смотрел, как вспышки молний озаряют южную сторону горизонта. И мне не хотелось думать ни о каких авиакатастрофах, преступниках, федеральных агентах и наркоманах. Я послушал, как дождь шелестит листвой ореховых деревьев, и отправился помогать Энни и Батисту подготовить станцию к приему полуденных посетителей.

Глава 3

Если бы в детстве меня попросили рассказать об окружающем мире, я стал бы взахлеб описывать сцены, которые наполняли меня чувством семейного уюта и благополучия. Пусть моя мать умерла, когда я был совсем маленьким, пускай мы жили в бедности, а отец порой напивался в баре и проводил ночь в участке, но у нас троих — у меня, у отца и братишки — был свой дом на берегу залива, да что там — целый мир! В этом доме было безопасно, зимой нас согревало тепло очага, а ореховые деревья дарили прохладу в летний зной; собственный дом, который принадлежал нашей семье с тех давних пор, когда в 1755 году в Луизиану приплыли первые французские поселенцы. Я рассказал бы о своей трехногой дворняжке, о нашей пироге, привязанной к кипарису, в котором торчал ржавый штырь, а к нему была прикрепена цепь — должно быть, в свое время ими пользовался сам Жан Лафит; об огромном закопченном котле, стоявшем на заднем дворе: там отец летними вечерами готовил на ужин лещей и жарил коровье вымя. Я поведал бы, как хороши оранжево-пурпурные осенние закаты, когда косяки летящих уток пересекают небо от горизонта до горизонта, а с деревьев, кружась, опадают листья в те особенные октябрьские дни — теплые и холодные одновременно, о ковре прелой листвы в лесной чаще, о коптильне, которая покрывалась инеем в морозное утро и пахла дымом, где на крюках висели свиные окорока, и с них капал сок прямо на тлеющие угли. Но больше всего я рассказывал бы об отце — огромном загорелом весельчаке, который запросто мог расколоть доску в щепы голыми руками, перебросить через забор чугунный бак для купания, полный кирпичей, и вытащить за хвост из воды аллигатора размером в добрых шесть футов.

Но как описать мир детства шестилетнего ребенка, родившегося в примитивных условиях деревушки, затерявшейся где-то в Центральной Америке, куда технический прогресс попадал исключительно в виде современных — и самых разрушительных — средств поражения противника?

Единственный из моих знакомых в Нью-Иберия, кто говорил по-испански, был Феликс — торговец застекленными дверьми, работавший в Эванджелин-Даунз в Лафайете и в одном из торговых комплексов Нового Орлеана. В эпоху диктатора Батисты он был карточным шулером в Гаване, и его лавандового цвета рубашки, белые манжеты, легкие костюмы из жатого ситца и напомаженные волосы придавали ему вид человека, который никак не мог забыть о былой роскошной жизни. Основным его недостатком, как и ему подобных, было нежелание искать постоянную работу или общаться с простыми людьми.

Когда я вернулся из Лафайета, где имел приятную беседу с агентом Управления по борьбе с наркотиками, небо почти очистилось, на западе догорало закатное солнце, в тени деревьев стрекотали цикады и то и дело в сумерках вспыхивал огонек светляка.

Мы сидели в гостиной, и Феликс тихо расспрашивал Алафэр по-испански о ее родителях и деревне — ярком мирке с тропической почтовой марки, единственном, который был ей знаком, — а я, слушая их, вспоминал совершенно другой мир, от которого меня отделяли несколько океанов и два десятка лет. Мне вспоминались другие деревни, пахнущие тухлой рыбой, навозом, курятниками, закисшей грязью, стоячей водой и человеческими испражнениями; я видел покрытых язвами голоногих детишек, которые мочились прямо посреди дороги, и ко всему этому примешивался другой запах — кислый тяжелый дух немытого солдатского тела и провонявшей потом одежды; казалось, зловонны сами мысли

этих людей, сводившиеся только к похоти да слепому желанию изрубить противника в капусту.

Но я отвлекся. Ее история важнее моих воспоминаний, ведь у меня было право выбора, а у нее — нет. Я сознательно дал согласие прийти с автоматом АК-47 или М-16 и напалмом к безоружным рисоводам. А вот Алафэр невольно пришлось иметь дело с людьми, которые аналогичным образом знакомили страны третьего мира с благами цивилизации.

Ее рассказ напоминал пересказ плохого фильма, в котором она смогла понять только часть, мы с Энни постоянно переглядывались, точно опасаясь увидеть вместо друг друга австралопитеков, коими мы себя и ощущали. Феликс переводил:

— У солдат были ножи и плоскогубцы, которыми они уродовали до неузнаваемости лица людей из деревни. Мой дядя хотел убежать в заросли тростника, а на следующий день мы нашли его на том месте, где его бросили. Моя мать попыталась закрыть мне глаза ладонями, но я все равно увидела. Его руки были связаны проволокой, а лица не было. В тростнике было жарко, мы слышали, как жужжат зеленые мухи; запах был такой, что некоторым людям стало плохо, и их вырвало.

Тогда мой отец тоже убежал. Мать сказала, что он убежал на холмы, вместе с другими людьми из деревни. Их иногда искали вертолеты, мы видели тени от них — прямо над домом, потом над полями и дорогой, потом они зависали в воздухе и начинали стрелять. Сбоку у них были трубки, из которых шел дым, и от выстрелов разлетались во все стороны камни и падали деревья на холмах. Деревья были сухими и загорелись, мы видели огонь высоко на холмах и чувствовали запах дыма...

— Спроси, что стало с ее отцом, — попросил я Феликса.

— *Donde esto tu padre ahora?*

— Может, его увезли на грузовике. На холмы ездили грузовики, потом они возвращались, и в них было много людей из деревни. Их увезли туда, где жили солдаты, и больше мы их не видели. Мой двоюродный брат сказал, что где-то далеко есть тюрьма, где солдаты держат много людей. Может быть, там и мой отец. Священник из Америки сказал, что он попытается узнать, что с ним, но мы должны уйти из деревни. Он сказал, что они могут сделать с моей матерью то, что они сделали с другой женщиной, которая работала...

Она затихла, неподвижно сидя на диванчике и неотрывно глядя сквозь застекленную дверь на светлячков, то и дело мигавших в сумраке. На ее загорелом лице вновь появились бескровные пятна — такие же, как в тот день, когда я спас ее из затонувшего самолета. Энни погладила ее коротко стриженную макушку и обняла за плечи.

— Дейв, может, хватит, — умоляюще сказала она.

— Нет, пусть расскажет все. Такая малышка не должна держать в себе подобное, — ответил я. Потом спросил Феликса: — И что же было с той женщиной?

— *Quien es la otra senora?* — спросил он.

— Она работала в клинике вместе с мамой. У нее был большой живот, и от этого она ходила вперевалку, как утка. Однажды пришли солдаты и выволокли ее за руки на дорогу. Она звала на помощь своих друзей, но все боялись солдат и попрятались. Потом солдаты заставили нас выйти и смотреть, что они будут с ней делать...

Ее глаза были широко раскрыты и совершенно пусты, как глаза человека, который смотрит на пламя.

— *Que hicieron los soldados?* — мягко спросил Феликс.

— Они пошли в дом лесоруба и взяли его мачете. Им недавно рубили мясо, и лезвие

было красным от крови. Один из солдат взял в руки мачете и достал им ее ребенка. Теперь люди плакали и старались закрыть лицо. Из церкви выбежал священник, но солдаты сбили его с ног и избили. А толстая женщина и ее младенец так и остались лежать на дороге. И запах... такой же, как и там, в тростнике, когда мы нашли моего дядю. Так пахло во всех домах, и, когда мы проснулись, запах остался, он стал еще сильнее...

В тени деревьев громко стрекотали цикады. Никто из нас не промолвил ни слова — да и что мы могли сказать? Как можно объяснить ребенку, что такое зло — особенно если этот ребенок повидал его столько, сколько нам и не снилось? Я сам видел в Сайгоне детей, один взгляд которых заставлял неметь, прежде чем ты даже пытался промямлить жалкие извинения за все зло, причиненное взрослыми. Чтобы хоть как-то ее утешить, я купил ей упаковку шоколадок.

Потом мы отправились в кафе «У мулата» близ моста Бро, чтобы поесть пирога с орехами пекан и послушать академический ^[3] струнный оркестрик, а после этого прокатились на увеселительном пароходике вдоль залива Тек. Стало совсем темно, и на лужайках возле некоторых домов зажглись японские бумажные фонарики, запахло кострами для барбекю и крабами, которых варили в бесчисленных летних домиках, разбросанных там и сям вдоль зарослей тростника, росшего по берегам. Бейсбольная площадка в парке была залита белым светом гигантского фонаря, кричали и свистели болельщики, игра шла полным ходом. Словом, провинциальная сценка из фильма времен войны. Алафэр сидела на деревянной скамье между мной и Энни, наблюдая, как мимо проносятся кипарисовые деревья, темные лужайки и причудливые дома постройки XIX столетия. Слабое, конечно, утешение — но это все, что у нас было.

* * *

Было прохладно, а когда я отправился на станцию, на небе еще не погас малиновый утренний отсвет и не рассеялись низкие красноватые облака. Я работал до девяти, потом оставил станцию на Батиста и вернулся домой завтракать. Допивая последнюю чашку кофе, я услышал телефонный звонок. Это был Батист:

— Дейв, ты помнишь того цветного, который утром взял у нас напрокат лодку?

— Нет.

— Он еще так смешно говорил. Он не отсюда.

— Не помню такого. А что случилось?

— Он сказал, что его лодка налетела на мель и что-то случилось с мотором. Он спросил, не приедешь ли ты помочь?

— Где он?

— К югу от излучины. Может, я сам посмотрю?

— Не стоит. Я буду там через две минуты. Ты дал ему запасную срезную чеку?

— Ну да. Но он говорит, дело не в этом.

— Хорошо, Батист. Не беспокойся, я сам справлюсь.

— Спроси его, из какой он дыры, если не умеет управлять лодкой.

Через несколько минут, усевшись в лодку с подвесным мотором, я уже плыл по заливу к месту аварии. Этот случай не был редкостью. Стоило людям, взявшим лодку, залить глаза, и начиналось: то на мель налетят, то наткнутся на плавучую колоду или кипарисовый пенек, а

то и просто перевернутся на повороте из-за собственного попутного потока. На воде играли солнечные блики, и стрекозы присаживались отдохнуть на плоские листья водяных лилий, которые подпрыгивали и опускались на поднимаемых лодкой волнах, точно кто-то легонько подталкивал их снизу, и слышно было, как плещется прибой, разбиваясь о корни кипарисов. Я доплыл до старого, обшитого досками магазинчика, откуда, должно быть, этот парень и позвонил Батисту. К одной стене была прибита ржавая вывеска, а на веранде под сенью дуба сидело несколько негров в комбинезонах, они ели сэндвичи и пили лимонад. Заросли кипарисов и тростника по берегам стали сгущаться, и вдали показалась моя лодка, привязанная к стволу молодой сосны и лениво покачивающаяся на волнах прибоя.

Я выключил мотор, медленно подплыл к берегу и привязал лодку рядом с первой. Мелкие волны гулко отдавались по стенкам алюминиевого корпуса лодки. Поодаль я увидел высокого чернокожего мужчину, который стоял, прислонившись к дубовому пню, и потягивал абрикосовое бренди из четвертной бутылки. У его ног лежала начатая буханка хлеба и жестянка сосисок. Мужчина был одет в адидасовские кроссовки, грязные белые хлопчатые брюки и оранжевую майку, плечи и грудь поросли жестким курчавым черным волосом. Его длинные пальцы украшала полдюжина золотых колец, а цвет кожи был значительно темнее, чем у большинства чернокожих юга Луизианы. Он положил под губу добрую щепотку нюхательного табаку и молча уставился на меня.

— В чем дело, друг? — спросил я.

Он еще раз отхлебнул бренди, но ничего не ответил.

— Батист сказал, ты налетел на мель.

И снова никакого ответа.

— Ты меня хорошо слышишь? — спросил я и улыбнулся ему.

Но по-видимому, говорить со мной он не собирался.

— Ладно, посмотрим, что тут у нас, — сказал я. — Если дело в чеке, я ее заменю, и все будет в порядке. Но если погнулся пропеллер, то мне придется отбуксировать тебя на станцию, и, боюсь, на сегодня свободных лодок больше нет.

Я снова посмотрел на него, потом повернулся и направился к лодке. Услышал, как он выпрямился и смахнул с одежды хлебные крошки, как забулькало бренди в перевернутой бутылке, и вот тут-то почувял неладное и резко обернулся — как раз вовремя, чтобы заметить его налитые кровью глаза и занесенную надо мной бутылку.

Удар пришелся по голове сбоку, я еще успел почувствовать, как бутылка отскочила и пролетела мимо плеча; я ничком упал на землю, точно она внезапно ушла из-под ног. Я хрипло дышал через рот, все поплыло перед глазами, в ушах зашумело, и я почувствовал, как по лицу стекает струйка крови.

Он презрительно перешагнул через мое распростертое тело и небрежным движением ухватил меня рукой за подбородок так, чтобы я мог видеть, как в другой его руке поблескивает лезвие опасной бритвы с перламутровой рукояткой. Он поднес лезвие к моей голове и прижал за ухом. От него пахло спиртным и табаком. Потом я увидел ноги еще одного человека, который появился из-за деревьев.

— Не верти головой, мужик, — заговорил тот, другой. У него был странный выговор — то ли бруклинский, то ли ирландский. — Вот так-то лучше. Сегодня не твой день. Туут мастерски владеет ножом. Одним движением он снимет с тебя скальп, и твоя башка будет похожа на голову манекена.

Он зажег сигарету и защелкнул крышечку зажигалки. Запахло дымком. Краем глаза я

видел его ковбойские сапоги из лиловой замши, широкие серые брюки и украшенную золотым браслетом узкую белую руку.

— Смотри сюда, придурок. Я повторять не люблю, — сказал он. — Ты можешь выбраться отсюда живым — либо Туут с удовольствием проткнет тебя прямо между сосков, с него станется. В свое время он был тонтон-макутом^[4] на Гаити, и один раз в месяц спит в могиле, чтобы не терять связь с духами. Расскажи ему, что ты сделал с той шлюхой, Туут.

— Кончай трепаться. Я жрать хочу, — сказал чернокожий.

— Туут постарался. Он у нас парень с выдумкой. У него есть пачка поляроидных снимков с Гаити. Хочешь посмотреть? Догадайся, что он с пей сделал?

Капелька крови упала с моих ресниц на землю, оставив на грязи красную звездочку.

— Догадайся! — повторил он и пнул носком сапога мою правую ягодицу.

Я стиснул зубы и сжал кулаки.

— Ты что, оглох? — Он двинул меня в бедро.

— Пошел ты!..

— Что?

— Что слышал. Что бы ты со мной не сделал, я отомщу, а не я, так другие.

— У меня для тебя есть новости. Первая: ты пока жив только потому, что у меня хорошее настроение. Вторая: ты сам во всем виноват, придурок. Нечего было болтать с чужими девками и совать свое рыло куда не просят. Таковы правила. Такая старая крыса из убойного отдела, как ты, уж должна была это знать. И последнее. Шлюха легко отделалась. Туут хотел сделать с ней то же самое, что и на этих поляроидных снимках. Но эта шлюха — живые деньги, она кое на кого работает, и мы не стали усердствовать — надеюсь, ясно, о чем я. Он просто-напросто защебил ей палец дверью и сломал его.

— Эй, не грусти, приятель! — почти ласково сказал он. — Она была рада. Я говорю, она не возражала. Умная девка, знает, с кем связалась. Тебе не повезло, у тебя нет дырки между ног, на тебе нельзя делать деньги.

— Заканчивай! — сказал темнокожий.

— Ты же не спешишь, Робишо, ведь правда? — Тут он двинул мне ногой в пах.

— Ладно, округляюсь, а то ты напомнил мне ту собаку, — продолжал говорить ирландец. — У тебя есть дом, свое дело, жена — чего тебе еще надо? Так что не стоит соваться не в свое дело. Сиди дома, забавляйся с мамулей и червячками. А иначе сам знаешь, что будет. К примеру, подумай, какво спать с безносой бабой.

— А вот тебе еще кое-что на прощание.

Лезвие у моего уха исчезло, и в тот же момент удар остроносого ботинка пришелся мне прямо в мошонку. В кишках будто кто огонь зажег, кусок раскаленного железа словно бы засел в печенках, и я издал нечеловеческий вопль. И когда я почти свернулся в петлю, как выпотрошенная туша, чернокожий почти с балетной грацией двинул мне ногой с полулета прямо в челюсть.

Я остался лежать на боку в позе эмбриона, сплевывая кровь изо рта, а эти двое уходили в заросли деревьев, словно два закадычных друга, которых пустячный разговор отвлек на пару минут от приятной прогулки в погожий день.

Жаркое, солнечное утро; я смотрю вниз из кабины санитарного вертолета, пока мы поднимаемся над верхушками индийских смоковниц и зарослями слоновей травы. Постепенно воздух становится прохладней, уже не адово пекло, что стоит на земле; впереди нас, пересекая рисовые поля, сточные каналы, грязные дороги, по которым тянутся повозки и едут велосипедисты, несется наша тень. Врач, италяшка из Нью-Йорка, делает мне инъекцию морфина и обмывает лицо из фляги. По его обнаженной груди стекает пот, резиновые подтяжки крест-накрест пересекают живот. Попрощайся с Дерьмоградом, лейтенант, — говорит он. Ты вернулся живым в 1965 год. Я чувствую гнилостный запах собственных ран и засохшей мочи на своих штанах, пока под нами проносится карта наших передвижений за последние десять месяцев: сгоревшие дотла городишки, беззубые ухмылки траншей, где мы прижали их к стенке и подожарили, как цыплят, иззубренные края каналы, рисовые поля с воронками от разрывов, где они накрыли нас стеной огня с обоих флангов. Эй, лейтенант, не трогай руками, не надо, — говорит врач. Тебе что, руки связать? Там, в полевом госпитале, есть холодильник. Плазма. Кто-нибудь, держите ему руки, черт подери. Он ведь так повязку сорвет.

* * *

— Там у тебя компресс со льдом, — говорил врач — плотный седой мужчина в очках без оправы, защитного цвета брюках и футболке. — Так быстрее спадет опухоль. Похоже, ты хорошо спал после того укола, сильная, кстати, штука. Тебе что-нибудь снилось?

По тому, как снаружи на дубовые деревья падал солнечный свет, я понял, что уже за полдень. На лужайке перед больницей колыхалась на ветру лиловая глициния и цветущие ветви мирта. Над заливом Тек подняли подвесной мост, и я видел, как играют блики солнца на колесе маленького двухпалубного парходика, катавшего туристов.

Во рту у меня было сухо, в уголки губ будто кто проволоку напихал.

— Пришлось наложить девять швов на затылке и шесть — возле рта. Придется на месяц-другой отказаться от соленых орешков, — улыбнулся он.

— Где Энни? — хрипло спросил я.

— Я отправил ее выпить кофе. Сейчас придет. И чернокожий тоже с ней. Здоровый такой парень. Сколько ему пришлось тебя нести?

— Пять сотен ярдов, до самой излучины. У меня там... все в порядке, док?

— Ничего серьезного, ни разрывов, ни переломов. Пару ночей не будешь доставать его из пижамных штанов, вот и все. Послушай, откуда у тебя шрамы на бедрах?

— На память о службе в полиции.

— Так я и думал. Похоже, там не один кусок металла.

— Иногда в аэропорту детектор срабатывает.

— Ночью побудешь здесь, а завтра мы отпустим тебя домой. С шерифом сейчас побеседуешь или отложим?

Поначалу я не замечал мужчину, сидевшего на стуле в углу. На нем была коричневая полицейская униформа, на коленях покоилась фуражка с лакированным козырьком, он почтительно кивнул мне. Пока его не уговорили занять место шерифа, он держал прачечную. Местные полицейские за двадцать лет сильно изменились. Я помню те времена, когда шериф носил синий костюм-тройку, из жилетного кармана у него свисала толстенная

золотая цепь, а из кармана плаща торчал тяжелый револьвер. Ему не было дела ни до борделей на Рейлроуд-авеню, ни до игровых автоматов всего округа Иберия, он смотрел сквозь пальцы на то, как подростки из белых семей избивали черных сверстников субботними вечерами. При виде белокожей дамы на Главной улице он приподнимал свою стетсоновскую шляпу, а с пожилой негритянкой обращался так, словно перед ним было пустое место. А этот был председателем местной торговой ассоциации.

— Ты знаешь, кто были эти люди, Дейв? — спросил он. Черты его лица начинали расплываться, как у большинства людей его возраста, на щеках уже появилась сеточка красно-синих прожилок.

— Белого парня звали Эдди Китс. Ему принадлежит парочка баров в Новом Орлеане и Лафайете. Второй парень был чернокожим. Его имя Туут. — Я отпил из стакана, стоявшего на столике возле кровати. — Возможно, он с островов. Вы знаете кого-нибудь похожего?

— Нет.

— А самого Эдди Китса?

— Тоже нет. Но можно оформить ордер на его задержание.

— Я не видел его лица. Я не смогу опознать его.

— Не понимаю. Откуда тогда тебе известно, что это был он?

— Вчера он околачивался возле моего дома. Позвоните лафайетскому агенту Управления по борьбе с наркотиками, у него есть досье на этого Китса. Он вроде подручного Буббы Рока.

— Этого только не хватало.

— Послушайте, его же можно арестовать по подозрению. Ну, пришейте ему что-нибудь, ну, там, травка в кармане, хранение оружия, просроченная кредитная карточка, — придумайте что-нибудь, всегда есть за что зацепиться. — Я вновь отпил из стакана. Казалось, моя мошонка под компрессом стала размером с шар для боулинга.

— Я не знаю, что тут можно сделать. Это в компетенции лафайетского округа. Вроде как отправиться поохотиться на чужой территории. — Он мягко посмотрел на меня, будто надеялся, что я войду в его положение.

— Хотите, чтобы он вернулся? — спросил я. — А он вернется, если его не припугнуть как следует.

Он что-то записал в своем блокноте, сунул блокнот с карандашом в карман рубашки и предусмотрительно застегнул его.

— Ладно, я позвоню в управление и в окружную полицию Лафайета, а там посмотрим, — сказал он.

Потом он задал еще пару незначительных вопросов, попрощался и ушел. Я не ответил на его прощание.

А что я хотел? Я ведь и сам не был до конца уверен, что белым парнем был именно Эдди Китс. В Новом Орлеане полно людей ирландско-итальянского происхождения с акцентом, похожим на бруклинский. Я сам признал, что не смогу опознать его, да и о черномазом я знал лишь то, что его звали Туут и раз в месяц он спит в могиле. Что может знать о них бывший владелец прачечной, который одевается как разносчик пиццы, спрашивал я себя.

Однако черная мыслишка нет-нет да и всплывала из глубин моего подсознания, соблазнительная картинка того, как бы полицейские рассчитались с этим Кит-сом лет этак двадцать назад. К нему в бар заявила бы парочка ребят в штатском (обычно они носили

готовые костюмы, сидевшие на них как на корове седло), содрали бы со стены и утопили в сортире разрешение на торговлю спиртным, побили бы все стекла на его автомобиле полицейской дубинкой, приставили бы ко лбу револьвер с единственным холостым патроном в барабане и спустили курок.

Не то чтобы я одобрял подобные методы. Вовсе нет. И тем не менее соблазн был велик.

Явился Батист, пахнувший вином и рыбой. В руках у него были цветы (подозреваю, что он утащил их из вазы, стоявшей в холле), которые он поставил в бутылку из-под колы. Услышав, что чернокожий по имени Туут был тонтон-макутом, он спутал его с французским *loup-garou*^[5] — это нечто вроде злого духа-оборотня, в которого верили местные жители, и стал убеждать меня, что надо сходить к колдуну, чтобы найти его и насыпать ему в ноздри горсть земли с ведьминой могилы. Тут я увидел, что из заднего кармана его комбинезона торчит бутылка вина с обернутым бумагой горлышком, и он заерзал в кресле, чтобы я ничего не заметил; однако бутылка звонко стукнулась о ручку кресла и выдала сама себя. Он не знал, куда деться от стыда.

— Эй, приятель, с каких пор у тебя есть от меня секреты? — спросил я.

— Я не должен был пить, ведь мне надо смотреть за мисс Энни и за девочкой.

— Я тебе доверяю, Батист.

Он по-прежнему не смотрел мне в глаза, его руки, лежащие на коленях, задергались. Хотя мы дружили с детства, но, когда я, белый, начинал доверительно с ним беседовать, ему всякий раз становилось не по себе.

— Где сейчас Алафэр? — спросил я его.

— С моей женой и дочкой. С ней все в порядке, не беспокойся. Ты знаешь, она понимает по-французски. Мы готовим ужин, я говорю *rain* — она знает, что это значит «хлеб», говорю *saucе rіquante* — она знает, что это значит «острый соус». Откуда она все знает, Дейв?

— В испанском и французском много похожих слов.

— О! — сказал он. Потом, помедлив: — А почему?

Я не нашелся что ответить, но тут меня спас приход Энни. Батисту трудно было объяснить те вещи, которые не были частью его тесного мирка, и всю информацию он пропускал через смесь африкано-креольско-акадийских нравов, обычаев и поверий, полагающихся на которые было для него так же естественно, как носить монетку на шнурке, повязанную вокруг щиколотки, чтобы отвратить заклятье колдуна. Энни просидела со мной весь вечер; тени становились длиннее, свет — мягче, закатное небо окрасилось красновато-коричневым и оранжевым, словно пламя спиртовой горелки, были слышны голоса подростков, направлявшихся в парк посмотреть бейсбол. Окно было открыто, и я видел костры для барбекю, поливальные машины, цветы магнолии и жасмина. Потом небо нахмурилось, на фоне темных грозовых туч то и дело вспыхивали снопы белых молний.

Энни прилегла рядом со мной, потерлась щекой о мою грудь и поцеловала в глаза.

— Убери компресс со льдом и придвинь к двери стул, — сказал я.

— Нет, Дейв.

— Отчего же? Доктор разрешил.

Нежно касаясь губами моего уха, она прошептала:

— Не сейчас, сладенький.

Я сглотнул.

— Пожалуйста, Энни.

Она приподнялась на локте и с любопытством заглянула мне в глаза.

— В чем дело?

— Ты моя жена. Ты нужна мне.

Она нахмурилась, на секунду отвела глаза и вновь посмотрела на меня.

— Так в чем же дело? — спросила она.

— Ты вправду хочешь знать?

— Дейв, ты для меня все. Конечно, я хочу знать, что с тобой!

— Эти сукины дети сбили меня с ног и побили как собаку.

В ее глазах застыла боль. Она провела ладонью по моей груди и шее.

— Их поймают, Дейв. Тебе это известно.

— Нет. Они — охраняемые свидетели, эти сволочи. Их никто не побеспокоит, за исключением разве что бывшего хозяина прачечной, нацепившего форму шерифа.

— Ты больше не работаешь в полиции. У нас все хорошо. Ты живешь в собственном доме. Все в городе любят и уважают тебя, у нас замечательные соседи. Теперь у нас появилась Алафэр. Неужели ты позволишь каким-то подонкам помешать нашему счастью?

— Дело не в том, Энни.

— А по-моему, именно в том. Почему ты ищешь только плохое, забывая о хорошем?

— Так ты собираешься приставить к двери стул?

Она замолчала. У нее теперь был целеустремленный вид. Она выключила свет и приставила тяжелый, обитый кожей стул к двери, спинка его касалась дверной ручки. Лунный свет, просачиваясь сквозь оконное стекло, серебрил ее светлые волосы. Она отогнула край простыни, убрала компресс и прикоснулась к тому месту рукой. От боли я едва не взвыл.

Она вздохнула и вернулась на свое место на самом краешке кровати.

— Мы так и будем спорить друг с другом, чуть что?

— С тобой никто не спорит, детка.

— Еще как спорит. Дейв, прошлое есть прошлое. Как только что-то идет не так, ты снова берешься за старое.

— Ничего не могу поделать.

— Может быть. Но не забывай, что ты теперь не один. У тебя есть я, — она взяла меня за руку и вновь прилегла рядом, — а теперь еще и Алафэр.

— Я расскажу тебе, каково это. Может, сейчас ты поймешь. Помнишь, я рассказывал тебе, как в Северном Вьетнаме нас окружили солдаты и капитану пришлось сдаться? Они привязали нас проволокой к деревьям и по очереди мочились на нас. В этот раз я испытал нечто подобное.

Долгое время она молчала. Было так тихо, что я слышал ее дыхание. Затем она глубоко вздохнула и положила мне руку на грудь.

— Мне и вправду очень плохо, Дейв, — сказала она.

Я ничего не ответил. А что я мог ответить? Даже самые близкие люди пострадавшего от нападения никогда не смогут до конца понять его чувств. По долгу службы мне сотни раз приходилось допрашивать жертв изнасилования, уличных нападений, людей, в которых стреляли психопаты, и подвергшихся нападению банды байкеров. У всех у них были одинаково застывшие лица, они избегали смотреть прямо в глаза, этих людей объединяло схожее чувство — будто они странным образом сами повинны в том, что с ними случилось, чувство абсолютного, безраздельного одиночества. И частенько окружающие подливают

масла в огонь, давая понять, что произошедшее — результат их собственной неосторожности, гордо добавляя про себя: «Вот со мной такого никогда не случится».

* * *

Зря я так с Энни. Она и вправду очень страдала, однако в жизни каждого бывают моменты, когда от собственных мыслей голова гудит и хочется остаться наедине с собой. Именно так я себя и ощущал.

В ту ночь я глаз не сомкнул. Собственно, бессонница и я — старые знакомые.

Пару дней спустя опухоль между ног стала спадать, и я смог ходить нормально, а не так, словно забор оседлал. Ко мне на станцию явился шериф и рассказал, что связался с полицией Лафайета, а также позвонил Майносу П. Дотриву. Лафайет послал пару полицейских допросить Эдди Китса в одном из его баров, но тот утверждал, что в день нападения катался на яхте вместе с двумя работающими у него танцовщицами, которые подтвердили его слова.

— И они поверили? — спросил я.

— А что им оставалось делать?

— Им? Узнать, чем занимались эти девицы пару дней назад.

— Ты знаешь, сколько у этих ребят работы?

— Знаю, шериф. Тем не менее. Такие, как этот Китс, думают, что им все сойдет с рук.

Что сказал Майнос П. Дотрив?

Шериф слегка покраснел, и в углах его губ показалось нечто вроде ухмылки.

— По-моему, он сказал что-то вроде того, чтобы ты волок свою задницу к нему в кабинет.

— Так и сказал?

— Именно так.

— С чего это он на меня взъелся?

— Насколько я понял, ему не нравится, что ты суешь нос в федеральное расследование.

— Он знает что-нибудь о гаитянце по имени Туут?

— Нет. Я сам перекопал все, что мог, вплоть до базы данных Национального информационного центра криминалистики в Вашингтоне. На него ничего нет.

— Выходит, что он — нелегал, раз на него нет документов.

— И Дотрив так сказал.

— Ловкий парень, этот Майнос П.

Я сразу заметил, что моя реплика задела шерифа, и пожалел о сказанном.

— Обещаю, что сделаю все возможное, Дейв.

— Спасибо. Вы и так неплохо поработали.

— Боюсь, я сделал слишком мало.

— Послушайте, этих ребят так просто не достать, — сказал я, — как-то я два года работал над делом одного гангстера, который столкнул собственную супругу с балкона четвертого этажа прямиком в пустой бассейн. Он сам мне в этом признался. И ему ничего не было, потому что мы изъяли ее дневник, явившись в квартиру без ордера на обыск. Как насчет такого образчика первоклассной работы? Всякий раз, когда я встречаю его в баре, он заказывает мне выпивку. Неплохо, а?

Он улыбнулся и пожал мне руку.

— Еще кое-что, пока я здесь, — сказал он. — Вчера ко мне в контору приходил некий Монро из Департамента по делам иммиграции. Он спрашивал о тебе.

В водах залива играло солнце, от кипарисов и дубов на прибрежный песок ложились синие тени.

— Он являлся ко мне вскоре после крушения, — ответил я.

— Он спросил, не живет ли у тебя в доме маленькая девочка.

— И что вы ему ответили?

— Я ответил, что не знаю и вдобавок не мое это дело. Но у меня создалось впечатление, что не из-за девочки он так тобой интересуется.

— Я сорвался в разговоре с ним.

— Знаешь, Дейв, я плохо знаю федералов, но почему-то не думаю, что кто-то из них стал бы таскаться из Нового Орлеана только потому, что хозяин лодочной станции с ним как-то не так поговорил. Что ему надо, Дейв?

— Откуда мне знать?

— Послушай, Дейв, я ни в коем случае не хочу вмешиваться, но тем не менее: если вы с Энни помогаете малышке, которая осталась без родителей, то почему и другие не могут ей помочь?

— Вы знаете, мой покойный папаша говаривал, что у сома есть усы и поэтому он никогда не заберется внутрь полой колоды, если не сможет там развернуться. Не доверяю я этим из департамента, шериф. Играй по их правилам — и проиграешь.

— Думаю, ты порой рассуждаешь чересчур пессимистично.

— Уж поверьте мне.

Он уехал по грязной дороге под пологом склонившихся деревьев. С минуту я наблюдал за ним, постукивая пальцами по дощатому забору. Затем вернулся в дом, и мы с Энни и Алафэр сели завтракать.

Час спустя я достал из ящика стола свой пистолет 45-го калибра и полную обойму патронов, завернул в полотенце и направился к пикапу, где положил сверток в бардачок. Энни наблюдала за мной с веранды, опершись на некрашенные деревянные перила. Мне было видно, как под джинсовой рубашкой вздымалась ее грудь.

— Я еду в Новый Орлеан. Вернусь к вечеру.

Она не ответила.

— Послушай, это нельзя так оставлять, — заговорил я. — Шериф — славный парень и все такое, но ему бы лучше продолжать стирать штаны, а не бороться с преступностью. Случаи нападения находятся вне компетенции федеральных агентов. А у лафайетских служаков и без меня работы по горло. Получается, что если не я, то никто. Усекла?

— Наверное, по-своему ты прав. Ну, там, мужское достоинство и все такое. Дело не в том. Когда наконец Дейв перестанет страдать ерундой и ругаться с женой, хотелось бы знать.

Она продолжала смотреть перед собой ничего не выражающим взглядом.

Некоторое время я слушал, как ветер шелестит листвой ореховых деревьев, потом открыл дверцу пикапа.

— Я возьму немного денег из сбережений. Надо помочь одному человеку. В следующем месяце верну.

— А я что? Как сказала твоя бывшая жена, продолжай в том же духе, родной, —

ответила она и, не сказав больше ни слова, развернулась и вошла в дом.

Шелест ветра превратился в оглушительный шум.

Я завел грузовик, потом, передумав, выскочил из кабины, вернулся на станцию, уселся за деревянную стойку, налил себе «Доктора Пеппера» и набрал номер кабинета Майноса П Дотрива в лафайетском отделении Управления по борьбе с наркотиками. Пока шли гудки, я смотрел в окно на пышную прибрежную растительность.

— Мне тут сказали, чтобы я приволок задницу в твой кабинет.

— Ага. Что, черт подери, происходит?

— А самому приехать и узнать никак?

— Что у тебя с голосом?

— У меня швы в углах рта.

— Тебе здорово досталось?

— Так зачем тебе моя задница?

— Интересно. Хотелось бы знать, откуда у парочки засранцев, которые приторговывают наркотой и девочками, такой повышенный интерес к твоей персоне? Может быть, ты знаешь что-то, чего не знаем мы?

— Ничего я такого не знаю.

— А может быть, ты все еще думаешь, что ты — офицер полиции.

— Ты немного не так смотришь на ситуацию. Когда парню надавали по морде и причинному месту, он становится пострадавшим. Соответственно, те, кто надавал ему по морде и причинному месту, называются преступниками. Преступников надо ловить. Ваша задача — посадить их в тюрьму.

— Шериф сказал, что ты не сможешь опознать Китса.

— Я не видел его лица.

— А этого... зулуса ты тоже раньше не видел?

— Китс или кто он там сказал, что он когда-то был тонтон-макутом.

— И что ты от нас хочешь?

— Если я правильно понял наш предыдущий разговор, вы собирались разобраться.

— Теперь не собираюсь. К тому же тебе прекрасно известно, что нападения не в нашей компетенции.

— А вам никогда не приходилось подбрасывать подозреваемому наркотики?

— Что-о-о?

— Скажите еще, что ни разу. Моей жене и еще кое-кому угрожает опасность. Вы сами сказали, что разберетесь. Ни хрена вы не разбираетесь, а только и знаете, что читать лекции, типа я сам во всем виноват.

— Этого я не говорил.

— Вы дали понять. Вам прекрасно известно, что во всей округе куча народу приторговывает наркотой. А привлечь вам удастся одного из пятидесяти. Это плохо, это портит ежемесячный отчет; каждый раз вы трясетесь, что вас отправят на новое место службы в какую-нибудь дыру в Северной Дакоте. Сам Бог велел отыгаться на гражданских, якобы вмешивающихся в федеральное расследование.

— Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь, Робишо.

— А мне плевать. У меня и так уже швы по всей морде. Хочешь помочь мне — найди способ привлечь Китса.

— Мне жаль, что на тебя напали и что мы не можем ничего сделать. Я понимаю, ты

сейчас зол. Но ты же сам был полицейским и прекрасно знаешь рамки нашей компетенции. Так чего тебе еще надо?

— Тебе известно, что в барах Китса полным-полно проституток. Поставьте там пару патрульных машин, глядишь, его собственные люди и выведут нас на него.

— Это не наш метод, Робишо.

— Так и знал, что ты это скажешь. Увидимся. Не зависай у корзины, приятель. А то все подумают, что ты разучился играть.

— По-твоему, это смешно?

Я повесил трубку, допил свой «Доктор Пеппер», завел пикап и поехал по грязной дороге; теплый ветер колыхал верхушки деревьев, воду залива засыпали опавшие листья, на дальнем берегу на ветвях низко-низко спали водяные щитомордники, почти касаясь поверхности воды. Я с грохотом проехал по подвесному мосту, ведущему в город, снял с нашего счета три сотни, потом повернул и покатил между тростниковыми плантациями Сент-Мартинвилля к шоссе, ведущему в Новый Орлеан.

Когда я проезжал по длинной объездной дороге вдоль болотистых окрестностей Атчафалайя, ветер дул с прежней силой. Небо все еще оставалось нежно-голубым, там и сям проплывали белые облачка, но в воздухе уже чувствовалось приближение бури, и я знал, что к вечеру небо потемнеет, засверкают молнии и загремит гром. Ветер трепал ветви росшей у залива ивы, шевелил пучки мха, свисавшие с поваленных кипарисовых стволов, играл солнечными бликами на воде залива, когда внезапная рябь покрывала ее от берега до берега мириадами солнечных зайчиков. Атчафалайя — это сотни мелких заливов, поросших ивняком островков, песчаных отмелей, насыпей, покрытых зеленой травой и лютиками, широких бухт, берега которых усыпаны поваленными кипарисовыми колодами, кое-где попадаются еще нефтяные вышки, а влажные леса кишат щитомордниками, аллигаторами и тучами москитов. Я хорошо знал этот край; мальчиком я частенько охотился и рыбачил там вместе с отцом, и даже в такой ветреный майский день, как сегодня, мы никогда не возвращались без улова; пускай остальным не удавалось ничего поймать, зато в наших садках трепыхались огромные лещи и пучеглазые окуни. Ближе к вечеру мы подплывали на своей пироге к поросшему ивняком островку и бросали якорь с подветренной стороны. Как раз в это время у поверхности воды начинали роиться москиты; мы забрасывали удочки в спокойную воду у самых зарослей водяных лилий, и часа не проходило, как наши садки были уже полны рыбой.

Но даже самые радостные воспоминания детства не могли заставить меня забыть слова Энни. Она хотела сделать мне больно — что ж, у нее это получилось. Но и сама Энни — она ведь тоже мучается. Произнесенные ею слова моей первой жены означали, что есть в моем характере нечто, некая неуловимая черточка, которую ни она, ни моя бывшая жена, да и вообще ни одна здравомыслящая женщина принять не в силах. Я не просто был пьяницей — меня влекло в этот жестокий иррациональный мир, как влечет летучую мышшь-вампира запах свежей крови.

Моей первой женой была темноволосая красотка с Мартиники по имени Николь, как и я, большая поклонница скачек. К сожалению, больше всего на свете она любила деньги и клубное общество. Я терпел все ее многочисленные интрижки, которые она стала заводить с самых первых дней нашей совместной жизни, терпел до тех пор, пока мы оба не пришли к выводу, что причиной тому стала не страсть к другим мужчинам, а отвращение ко мне, к миру пьянства и темных инстинктов, мной управлявших.

Мы были приглашены на пикник близ озера Понтшартрен, до этого я все утро пил в Джефферсон-Даунз и дошел до такой кондиции, что мне и в голову не приходило покинуть расположившийся под сенью мимоз маленький бар и присоединиться к остальной компании. Дул теплый ветер, слегка качавший верхушки прибрежных пальм, в зеленой ряби озера отражалось красное закатное солнце. Вдалеке было видно, как покачиваются на рейде белые парусные суденышки Южного яхт-клуба. Меня вновь охватило странное чувство контроля над ситуацией, которое всегда приходит с опьянением, глаза мои блестели странным, непостижимым блеском.

Однако рукав моего полотняного костюма угодил прямо в лужицу на барной стойке, а когда я попросил очередную порцию виски с водой, язык не слушался меня и заплетался.

Рядом со мной стояла Николь со своим тогдашним любовником — геологом из Хьюстона. Летом он лазал по скалам; у него был грубовато-красивый римский профиль и широкая мужественная грудь. Одет он, как и все присутствующие, был по тогдашней моде — в одежду мягкой тропической расцветки: на нем была рубашка пастельных тонов, белый полотняный костюм и пурпурный галстук с ослабленным узлом. Он заказал коктейль из виски и вермута для них обоих и, пока чернокожий бармен смешивал напиток, нежно гладил руку Николь выше локтя, будто бы меня вовсе не было рядом.

Я смутно помню, что было потом. В голову мне ударил хмель, будто кто-то шлепнул мокрой газетой по затылку; помню неподдельное выражение страха в его широко раскрытых глазах, когда я кинулся на него, сжав кулаки, и двинул ему по физиономии. Я чувствовал, как он, падая, попытался схватить меня за полы пиджака; потом я взял его за горло и крепко сжал...

Когда меня от него оттащили, он был уже в полумертвом состоянии, кожа его приобрела мертвенно-бледный оттенок, а на щеках остались пятна кровавой пены. Моя жена безутешно всхлипывала в объятьях нашего хозяина.

Когда на следующее утро я проснулся на борту нашего плавучего дома и утренний свет резанул мне глаза, я нашел ее записку:

Милый Дейв,

не знаю, что ты ищешь в жизни, но три года совместной жизни убедили меня в том, что мне бы не хотелось присутствовать в тот момент, когда ты это найдешь. Мне очень жаль. Как говорит твой друг, бывший бейсболист, а ныне бармен: «Продолжай в том же духе, родной».

Николь

Грузовичок направлялся к южной оконечности Атчафалайя. Как только первые капли дождя стали падать в залив, с поваленных кипарисных стволов сорвалась в воздух и улетела ввысь стайка белых журавлей. С болот потянуло сырым песком, мокрым мхом, цветами ялапы; резко запахло поганками, тухлой рыбой и застоявшейся грязной водой. Ветви большой ивы, росшей на берегу, развевались на ветру, словно пряди длинных женских волос.

Когда я наконец припарковал свой пикап возле новоорлеанского трансгентства, дождь лил вовсю. Я знал хозяина, и он позволил мне позвонить по междугородной связи одному приятелю в Ки-Уэст. Потом я купил туда билет за семьдесят девять долларов.

Робин жила в ветхом доме креольской постройки на углу Саут Рампарт. Потрескавшийся известковый кирпич был выкрашен красной краской, красноватая черепица крыши частично обвалилась, а железные перила просевших балконов торчали как попало. Росшие во дворе пальмы и бананы, по-видимому, никто никогда не обрезал, их сухие листья громко шуршали на ветру. На балконе второго этажа парочка темнокожих детишек гоняла на трехколесных велосипедах, двери почти всех квартир были открыты, и даже шум дождя не мог заглушить какофонию телевизоров, латиноамериканских ритмов и орущих друг на друга обитателей.

Я стал подниматься в квартиру Робин, как вдруг меня обогнал грузный мужчина средних лет, в мокром от дождя костюме с приколотым на лацкан значком в виде американского флага, неуверенно косившийся на клочок бумаги, на котором, видимо, был написан адрес. Мне хотелось думать, что это налоговый инспектор, социальный работник или судебный курьер, но его нервозность и бегающие глазки мигом дали понять, что ему здесь надо. Тут он, к своему ужасу, понял, что нужная ему квартира — та самая, куда направлялся и я, его лицо тут же стало пустым и ничего не выражающим, к такому повороту событий он был явно не готов. Мне не хотелось обижать его.

— Она больше не работает, парень, — сказал я ему.

— Не понял?

— Робин сейчас недоступна.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — Его круглое испуганное лицо стало еще более круглым и испуганным.

— Брось, парень. Это ведь ее адрес написан на твоей бумажке, верно? Ты не похож на постоянного клиента. Тебя кто-то прислал. Кто же?

Он попытался пройти мимо, но я поймал его за руку.

— Не бойся. Я не из полиции, не ее муж, я просто друг. Так кто дал тебе этот адрес?

— Один бармен.

— Бармен из «Улыбки Джека», что на углу Бурбон?

— Д-Да.

— Ты заплатил ему?

— Да.

— Можешь не пытаться вернуть эти деньги. Он их все равно не отдаст. Усек?

— Да.

Я отпустил его руку, и он быстро-быстро побежал вниз по лестнице.

Заглянув внутрь квартиры Робин сквозь решетчатую дверь, в полумраке я увидел ее. Она вышла из туалета и направилась в гостиную, на ней были белые шорты и зеленая футболка; тут она заметила меня. Указательный палец на ее левой руке был замотан пластырем. Она сонно улыбнулась, и я вошел. В ноздри сразу же ударил тошнотворный сладковатый запах марихуаны. Тут же я увидел и источник: на кофейном столике в пепельнице дымился косячок.

— В чем дело, Седой? — лениво спросила она.

— Боюсь, я только что спугнул клиента.

— О чем ты?

— Джонни послал к тебе парня, ну, ты знаешь, зачем. Я сказал ему, чтобы он убирался и что ты больше не работаешь. Совсем, Робин. Ты у нас переезжаешь в Ки-Уэст.

— Все это слишком сложно для меня. Послушай, Дейв, я тут слегка того (она кивнула в сторону дымящейся пепельницы)... вот только что собиралась купить пивка. Мамочке надо слегка окосеть, перед тем как вертеть задницей перед своими лысыми поклонниками. Кстати, если хочешь, пошли со мной.

— Никакого пива, никаких мужчин, и в баре ты сегодня не работаешь. Ты улетаешь на Ки-Уэст девятичасовым рейсом.

— У тебя все дома? Какой Ки-Уэст? Там же полным-полно педиков.

— Будешь работать в ресторане моего друга. Это неплохое местечко, прямо на пристани, на углу Дюваль-стрит. Там обедают знаменитости. Даже, говорят, сам Теннесси Уильямс^[6].

— Ты имеешь в виду... певца кантри, что ли? Ничего себе.

— Я собираюсь разобраться с ребятами, которые на нас с тобой напали. А тебе на это время лучше исчезнуть.

— Так вот что у тебя с лицом.

— Это они рассказали мне, что сделали с твоим пальцем. Прости. Все из-за меня.

— Забей. Издержки профессии. — Она присела на набитый волосом диванчик, подобрала из стеклянной пепельницы лежавший там окурок, покрутила его в пальцах, внимательно посмотрела на него и в конце концов выбросила обратно. — Сделай так, чтобы они не возвращались. У того белого парня, ну, в ковбойских сапогах... у него были полярные снимки. Господи, не хочу больше их видеть.

— Ты знаешь этих парней?

— Нет.

— Ты видела их раньше?

— Никогда.

— Уверена?

— Да. — Она сжала руки. — На этих фотографиях были люди, темнокожие... привязанные к каким-то столбам. Они были все в крови. Дейв, некоторые из них были живы. Никогда не забуду их лица.

Я присел с ней рядом и взял ее ладони в свои. В ее глазах стояли слезы, а дыхание разило травкой.

— Если решишься улететь сегодня, то сможешь начать новую жизнь. Я буду справляться о тебе, а мой приятель поможет устроиться. Сколько у тебя денег?

— Пара сотен будет.

— Вот тебе еще двести. До первой зарплаты хватит. Но никаких наркотиков, выпивки и тому подобного. Понимаешь?

— Эй, а этот твой приятель — он не из анонимных алкоголиков? Учти, больше я туда ни ногой.

— Тебя никто и не просит.

— У меня своих проблем выше крыши, а тут еще на мозги капают.

— Тебе решать. Это твоя жизнь, детка.

— Да, вообще-то, но ты всегда прячешься где-то за углом и вмешиваешься. Тебе бы священником быть. Ты все еще ходишь на службы?

— А то.

— Помнишь тогда, когда мы были в соборе Св. Людовика, а потом перешли через площадь и ели оладьи в «Кафе дю Монд»? Знаешь, в тот вечер мне показалось, что ты ко мне серьезно...

— Послушай, можно спросить у тебя кое-что, пока я здесь.

— Да, конечно. Обычно мужчины приходят сюда не вопросы задавать. За исключением разве что тебя да переписчика.

— Я серьезно, Робин. Ты знаешь парня по имени Виктор Ромеро?

— Ну да. Другок Джонни Дартеза.

— Откуда он?

— Здешний.

— Что ты еще о нем знаешь?

— Маленького роста, смуглый, с курчавыми черными волосами; вечно носит берет, типа художник или кто-то в этом роде. Вдобавок он порядочная скотина. Говорят, продавал вместо героина какую-то дрянь и пара пацанов загнулась, не успев вытащить иголку из вены.

— А этот не делал грязную работу для Буббы Рока?

— Не знаю. Мне наплевать. Я его сто лет не видела. И вообще, на кой тебе эти придурки? Ты же у нас теперь вроде семейный человек. Или дома не все в порядке?

— Есть немного.

— И этот парень собирается дать мамочке денег, чтобы она перлась черт-те куда вытирать столики за туристами! Во блин.

— Послушай, вот тебе двести долларов и билет. На конверте написано имя моего друга, того самого. Поступай как знаешь.

Я встал, чтобы уйти, но она удержала меня. Ее роскошная грудь вздымалась под тоненькой футболкой, и я знал, что в глубине моей души кроются те же самые слабости, что и у тех, что каждый вечер приходили глазеть на нее.

— Дейв...

— Что?

— Ты хоть иногда думаешь обо мне?

— Да.

— Я тебе хоть немного нравлюсь?

— Ты прекрасно знаешь, что да.

— Я имею в виду, как женщина, а не ходячая аптека?

— Ты правда очень мне нравишься, Робин.

— Останься хоть на пару минут, а потом я сяду на самолет и улечу в Ки-Уэст. Обещаю.

Она положила руку мне на грудь и прижалась ко мне, как маленькая девочка; ее затылок касался моего подбородка. Ее коротко стриженные волосы были мягкими на ощупь и пахли шампунем; я чувствовал, как она дышит: ее грудь почти касалась моей. На улице был настоящий ливень. Я провел пальцами по ее щеке, слегка сжал ее ладонь в своей. Мгновенье спустя я почувствовал, что она вздрогнула, словно во сне ее покинули давний страх и напряжение. В наступившей тишине я молча смотрел, как струи дождя заливают балконные перила.

Неоновые огни Бурбон-стрит в косых струях дождя были похожи на клубы зеленого и

лилового дыма. На улицах не было негритянских танцоров в ботинках с окованными металлом подметками, и те немногие туристы, что жалась к домам и перебегали от одной сувенирной лавчонки к другой, были по преимуществу люди семейные, которых не интересовали яркие вывески стрип-баров, где зазывалы в соломенных шляпах и жилетах в яркую полоску надрывали глотки, приглашая войти.

* * *

Я стоял около дома напротив бара «Улыбка Джека» и ждал, когда покажется Джерри. Прошло полчаса, и вот он появился, в своей фетровой шляпе и фартуке поверх расстегнутой на вороте рубашки-поло с рисунком в виде маленьких бутылок виски. Он стоял спиной к ярко освещенной сцене, и острые черты его профиля казались вырезанными из жести.

Тяжелый пистолет 45-го калибра оттягивал карман плаща. У меня было разрешение на ношение оружия, но стрелял я из него только раз, когда на берегу залива аллигатор напал на ребенка. Однако когда я служил в полиции и телохранитель первого новоорлеанского наркоторговца и сутенера набросился на нас с напарником, мне тоже пришлось применить оружие. Выстрелы тяжело отдавались в руке, словно это был не пистолет, а отбойный молоток; и когда я прекратил стрелять в окно «кадиллака», в ушах у меня шумело, а в ноздри бил едкий запах бездымного пороха. Долго потом мне снились два тела, превращающиеся в кровавое месиво под градом пуль.

Четырнадцать лет я проработал в этом районе, сначала патрульным, потом сержантом в отделе расследований вооруженных ограблений и наконец лейтенантом убойного отдела. За это время я всякого навиделся: проституток обоего пола, мастеров тату, снайперов-психопатов, засевших на крыше и стрелявших по прохожим, фальшивомонетчиков, взломщиков сейфов, угонщиков машин, уличных наркоторговцев и педофилов. На меня набрасывались с кулаками, в меня стреляли, меня пытались ударить топориком для колки льда и затолкать в бессознательном состоянии в багажник автомобиля, а как-то раз спустили с лестницы трехъярусного гаража.

Я видел казнь на электрическом стуле, помогал доставать останки букмекера из мусорного контейнера и очерчивал мелом силуэт на асфальте, когда женщина с ребенком спрыгнула с крыши приюта для бездомных.

Сотни людей я засадил за решетку; многим из них пришлось несладко, а четверых ждал электрический стул. Однако я не думал, что вношу очень уж большую лепту в то, что политики гордо называют «борьба с преступностью». Спокойнее в Новом Орлеане от этого не стало. Почему же? Наркотики — вот главная причина. И вдобавок за четырнадцать лет службы мне ни разу не пришлось упрятать в тюрьму хотя бы одного владельца ночлежки или какого-нибудь магната районного пошиба, стригущего купоны со всех местных порнокинотеатров и массажных салонов.

Я продолжал наблюдать за Джерри, который тем временем снял фартук и направлялся в дальний угол бара; затем я пересек улицу под проливным дождем и вошел в бар как раз в тот момент, когда Джерри скрылся за занавеской. На освещенной сцене перед зеркалом во всю стену под звуки рок-н-ролла пятидесятых годов танцевали две обнаженные по пояс девицы, весь наряд которых состоял из крошечных, расшитых блестками трусиков да золотой цепочки на щиколотке. Мне пришлось подождать, пока глаза привыкнут к вспышкам

стробоскопа, бликовавшего на телах девушек, на барной стойке, где сидели и пялились на стриптизерш посетители, и затем я направился к занавеске, за которой только что скрылся Джерри.

— Вам помочь, сэр? — спросил второй бармен — блондин в белой тенниске и черном галстучке на резинке.

— У меня тут встреча, с Джерри.

— Джерри Фальго?

— Ну да, вторым барменом.

— Я понял. Вы пока присядьте, а я скажу ему, что вы здесь.

— Не стоит.

— Эй, сюда нельзя.

— Это личный разговор, приятель. Не суйся.

Я прошел за занавеску в кладовку, уставленную бутылками с пивом и более крепкими напитками. Освещалась она всего одной лампочкой под жестяным колпаком; огромный вентилятор гонял туда-сюда горячий воздух. Дверь в маленькую комнатку была приоткрыта, Джерри стоял возле письменного стола на коленях, как в молитве, и сгребал с зеркала белый порошок свернутой в трубочку пятидолларовой бумажкой. Потом он выпрямился, поочередно заткнул каждую ноздрю пальцем и вдохнул; глаза его, моргнув, широко раскрылись, затем он наслонявил палец, с помощью клочка бумаги скатал остатки порошка в шарик и потер им десны.

Меня он не замечал до тех пор, пока не направился к двери. Я скрутил его руки за спиной, положил свою ладонь ему на затылок и наклонил прямо к вентилятору. Его фетровая шляпа слетела; лопасти забарабанили по макушке с резким, чавкающим звуком. Потом я поднял его башку вверх, как делают с утопающим, втокнул спиной вперед в маленькую комнатку и запер дверь изнутри. Лицо его побелело, в широко раскрытых глазах читался испуг, с разбитого затылка по волосам стекали струйки крови. Я рывком усадил его в кресло.

— Черт... черт возьми, парень, ты не своим уме... — заговорил он, заикаясь от ужаса.

— Сколько тебе заплатили, чтобы ты сдал Робин?

— Ничего мне никто не платил. Я не понимаю, о чем ты.

— Слушай сюда, Джерри. Здесь только ты и я. Я не собираюсь рассказывать тебе о твоих правах, ждать твоего адвоката, никаких поручителей, никакой защитной оболочки, чтобы чувствовать себя крутым парнем, ничего. Ты понимаешь?

Он провел ладонью по лбу и ошарашенно уставился на следы крови, оставшиеся на ней.

— Так ты понял меня?

— Чего?

— Последний шанс, Джерри.

— Да ни хрена я не понял. Какого хрена ты набросился на меня, ненормальный?

Тогда я достал из кармана пистолет, дал Джерри убедиться, что он заряжен, и приставил дуло к его голове, промеж глаз.

Он содрогнулся от ужаса, в его волосах заблестели капельки пота. Руки он плотно прижимал к бедрам, словно ему по почкам дали.

— Эй, друг, убери пушку, умоляю. Я не из тех, кого ты ищешь. Я здесь работаю, смешиваю коктейли и мою сортир. Я не крутой бандит, чтобы вламываться ко мне, как Кинг-Конг. Слышишь? Убери пушку.

— Сколько тебе заплатили?

— Сотню баксов. Послушай, я правда не знал, что они собираются ее бить. Просто думал, они предупредят ее, чтобы не путалась с бывшим легавым. Они не бьют проституток. Девки денег стоят. Не знаю, зачем им понадобилось ломать ей палец. Не надо было этого делать. Она все равно ничего такого не знала. Ну же, давай, убери пистолет.

— Это ты подослал к ней Эдди Китса?

— Черт, нет. А что, они его послали? Ведь он убийца.

— Кому ты звонил?

Он отвел глаза от пистолета и уставился на свои колени.

— Мой голос звучит странно, не правда ли?

— Ну да.

— Это потому, что у меня швы в углу рта. Л еще на голове. Подарок одного чернокожего по имени Туут. Ты его знаешь?

— Нет.

— Это он сломал палец Робин. Потом он приехал в Нью-Иберия.

— Богом клянусь, не знаю его. Правда не знаю.

— Ты начинаешь действовать мне на нервы, Джерри. Так кому ты позвонил?

— Послушай, все так делают. Если ты слышишь, что кто-нибудь говорит про Буббу Рока, его людей и вообще, ты набираешь номер, сообщаем ему и получаешь за это столик. За любую ерунду. Говорят, он просто любит знать, что происходит.

— Эй, Джерри, там все в порядке? — раздался за дверью голос другого бармена.

— В полном, — ответил я.

Ручка двери начала поворачиваться.

— Не пытайся открыть дверь, парень, — сказал я. — Если тебе нужен Джерри, он тебя и так услышит, и нечего соваться. Раз уж ты здесь, передай всем, что Джерри отправился за очередной понюшкой.

Я посмотрел прямо в глаза Джерри. На его ресницах застыли капельки пота. Он сглотнул и провел пальцами по высохшим губам.

— Все в порядке, Моррис, — заговорил он. — Я сейчас приду.

Шаги за дверью удалились. Джерри вздохнул и снова устремил взор на оружие.

— Я сказал тебе, что ты хотел. Отпусти меня, ладно?

— Где сейчас Виктор Ромеро?

— Откуда я знаю?

— Ты же знал Джонни Дартеза?

— Конечно. Он частенько здесь бывал. Как тебе, должно быть, известно, он умер.

— Тогда ты должен знать и Виктора Ромеро.

— А вот и нет. Я — бармен. Мне известно то же, что и всем остальным. Этот Ромеро — подонок. Он продавал дерьмовый мексиканский героин, сделанный из какой-то отравы. Так что ему пришлось убраться из города. Потом я слышал, что его и Джонни Дартеза арестовал департамент за то, что они пытались переправить в страну пару нелегалов из Колумбии. Но это, должно быть, треп, ведь Джонни-то был на свободе, когда отправился кормить акул.

— Их арестовывал департамент?

— Да не знаю я. Вечно стоишь за барной стойкой и слушаешь всякий треп. И телик смотреть не надо. Ну ладно, пусти, а?

Я осторожно убрал взведенный курок и опустил пистолет в карман. Джерри облегченно вздохнул, опустил плечи и вытер потные ладони о штаны.

— Еще одно. Забудь о существовании Робин. Даже не думай о ней.

— И что мне теперь — притвориться, что я ее не вижу? Она же здесь работает.

— Уже нет. Вообще-то, на твоём месте я бы убрался из страны.

Он растерянно посмотрел на меня, внезапно до него дошел смысл моих слов, и он вздрогнул.

— Ты правильно понял. Я собираюсь поговорить с Буббой Рокком и непременно скажу ему, кто меня прислал. Так что делай выводы.

Я развернулся и вышел на улицу; дождь уже стихал, и только тоненькие ручейки капали на асфальт с балконных навесов. Воздух стал чистым и прохладным, приятно пахло свежестью, я шел вдоль домов в направлении пересечения Джексон-сквер и Декатюр, туда, где был припаркован мой грузовичок; на фоне темного неба ясно выступали силуэты освещенных башенок собора Св. Людовика. Над рекой стоял густой туман. Официанты из «Кафе дю Монд» уносили стулья с террасы, сырой ветер трепал белые скатерти столиков. С реки послышался гудок далекого парохода.

* * *

Когда я вернулся, было одиннадцать часов вечера; свет в доме не горел. Вокруг дома чернели ореховые деревья, легкий бриз, доносившийся с залива, стряхивал с листьев капельки дождя, и они со стуком падали на крышу галереи. Я заглянул в комнату Алафэр, потом отправился в нашу спальню. Энни спала, лежа на животе, в трусиках и пижамной курточке. Над потолком работал вентилятор, который гнал прохладный воздух; струи его легонько колыхали золотистые волосы на ее шее. Я сунул пистолет в ящик стола и прилег рядом с ней, тут же почувствовав, как меня покидает усталость дня, словно наркотический дурман. Она слегка шевельнулась, потом отвернулась от меня. Я положил руку ей на спину. Она медленно перевернулась, устремив лицо к потолку и прикрыв глаза ладонью.

— Все в порядке? — спросила она.

— Ага.

Некоторое время она лежала молча, потом спросила, и я почувствовал, что у нее пересохло во рту:

— Кто она, Дейв?

— Стриптизерша с Бурбон-стрит.

— Это ей надо было помочь?

— Да.

— Понимаю, ты, наверное, был ей обязан... вот только чем?

— Просто я помог ей оставить это дело.

— Не понимаю, зачем тебе было нужно.

— Потому что она — алкоголичка и наркоманка и не способна сама о себе позаботиться. Они сломали ей палец, Энни. А если она попадется им еще раз, будет еще хуже.

Она вздохнула, сложила руки на животе и уставилась в темноту.

— Так ты еще не закончил?

— С ней — да. А парень, по большей части из-за него-то меня и избили, вынужден спешно смыться из Нового Орлеана. И это здорово.

— Жаль, что я не могу разделить твою радость.

В комнате было тихо, сквозь ветви деревьев ярко светила луна. У меня вдруг появилось ощущение, что я что-то теряю, и, возможно, навсегда. Я обхватил ступней ее ножки и взял ее ладонь. Она была мягкая и сухая.

— Я не искал неприятностей, — сказал я. — Они нашли меня сами. С ними надо бороться, Энни. Если этого не делать, они так и будут идти за тобой по пятам, как бродячие собаки.

— Ты же сам говорил, что один из постулатов Общества анонимных алкоголиков гласит: «Не принимай все близко к сердцу».

— Это вовсе не значит, что я должен закрывать на все глаза. Роль жертвы меня не устраивает.

— А о нас ты подумал? Почему мы все должны расплачиваться за твою гордость?

— Я больше ничего не скажу. Ты меня не понимаешь. И вряд ли поймешь.

— А мне каково, Дейв? Ты как ни в чем не бывало приходишь домой, ложишься в постель и рассказываешь мне, что ты был со стриптизершей, что отправил кого-то из Нового Орлеана и какой ты после этого молодец. Я ничего не хочу знать о преступном мире, Дейв. Да и никому не пожелаю.

— Он существует потому, что люди закрывают глаза.

— Так пусть в нем живут другие.

Она отвернулась от меня и села на другой край кровати.

— Не уходи от меня, Энни.

— А я и не ухожу.

— Приляг, и поговорим.

— Не стоит развивать эту тему.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом. Это пустяки. Бывало и хуже.

Она осталась сидеть на краю кровати, трусики открывали значительную часть ее ягодиц.

Я взял ее за плечи и осторожно уложил на подушку.

— Ну же, детка. Не бросай старика.

Я принялся целовать ее щеки и глаза, гладил ее волосы, обнимал; она положила руки мне на плечи, но сделала это так неохотно, словно выполняла неприятную, но необходимую обязанность.

С минуту я слушал, как в лунном свете с ореховых деревьев падают капли дождя. Мне было плевать на гордость и на то, как я буду себя чувствовать завтра. Я нуждался в ней, я спустил ее трусики, стащил с себя нижнее белье и прижался к ней всем телом. Она обняла меня и легонько поцеловала в щеку, но внутри у нее было сухо, а глаза устремлены в одну точку.

С залива послышался странный звук: это аллигатор звал самку. Я отчаянно потел, несмотря на вентилятор и ночную прохладу; я пытался утешить себя и хоть как-то оправдать свою похоть и желание посвятить ее в мои дела.

Наконец я остановился, отодвинулся от нее и натянул трусы. Она повернула голову на подушке, посмотрев на меня снизу вверх, словно пациент с больничной койки.

— Это был долгий день, Дейв, — тихо сказала она.

— Я не устал. Пойду-ка встряхнусь.

Я встал с кровати и стал натягивать штаны и рубашку.

— Ты куда? — спросила она.

— Куда-нибудь.

— Ложись-ка спать, Дейв.

— Я запрю входную дверь, когда буду уходить. Постараюсь не разбудить тебя, когда вернусь.

Я надел мокасины, вышел на улицу и завел пикап. Сквозь темные облака пробивалась луна, и на размытую дождем дорогу, ведущую из Нью-Иберия, легли тени деревьев. Из-за дождей уровень воды в заливе стал выше, вот из камышей появилась нутрия и быстро поплыла на тот берег, оставляя за собой дугообразный след. Колеса зачавкали по дорожному месиву, и я вцепился в руль с такой силой, что на сжатых кулаках резко выступили костяшки. Когда я проезжал по подвесному мосту, запасное колесо подскочило в воздух на добрых три фута.

* * *

Когда я остановился около бильярдной, Мейн-стрит в Нью-Иберия была тиха и безлюдна. С залива повеял легкий бриз, зашелестев листвой придорожных дубов, подвесной мост был разведен, а по реке медленно и бесшумно проплывал буксирный катерок, мигая красными и зелеными огнями. Было видно, как в освещенной сторожке сидит смотритель моста. За пару домов от бильярдной мужчина в одной рубашке, покуривая трубку, выгуливал своего пса вдоль старой епископальной церкви, которая в эпоху Гражданской войны служила госпиталем для солдат федеральных войск.

Когда я вошел в бильярдную, то словно вернулся во времена своей юности; тогда люди чаще говорили по-французски, чем по-английски, в каждом баре стояли игровые автоматы и тотализаторы, где можно было поставить на лошадь, а бордели вдоль Рейлроуд-авеню работали круглыми сутками; дни, когда остальной мир для нас бы такой же диковиной, как и те техасцы, которые стали приезжать в наши края после войны добывать нефть и прокладывать газопровод. Во всю длину комнаты простирался огромный бар красного дерева, с оловянными перекладинами и плевательницами, а в глубине стояли четыре бильярдных стола, покрытые зеленым сукном; иногда хозяин застилал их клеенкой и ставил бесплатное угощение — чашки гумбо^[7]; где попрохладнее, у вентиляторов с деревянными лопастями, старики резались в карты и домино. На огромной доске, висевшей на одной из стен, были написаны мелом результаты последних баскетбольных матчей Национальной лиги, а по висевшему над баром телевизору шел неизменный бейсбол. Пахло пивом, гумбо, тальком, виски, вареными раками, крепким виргинским табаком, фаршированными свиными ножками, вином и крепкой настойкой.

Хозяином бильярдной был мулат по имени Ти Нег. Когда-то он работал на строительстве газопровода и на нефтяной вышке; на руке у него не было трех пальцев — отхватило сверлильным станком. Я наблюдал, как он наливает пиво в запотевший бокал, снимает пену деревянным черпачком, доликает туда на полпальца чистого виски и подает мужчине в джинсовом костюме и соломенной шляпе, который сидел у барной стойки и курил сигару.

— Надеюсь, ты пришел поиграть на бильярде, Дейв, — сказал Ти Нег.

— Принеси-ка мне гумбо.

— Тебе прекрасно известно, что кухня уже не работает.

— Тогда жареных колбасок.

— Их сегодня не привозили. Налить тебе «Доктора Пеппера»?

— Ничего я не хочу.

— Как хочешь.

— Принеси мне хоть чашку кофе.

— Послушай, у тебя усталый вид. Иди-ка домой и ложись спать.

— Принеси мне кофе, Ти Нег. И сигару.

— Ты же не куришь, Дейв. Что это с тобой сегодня?

— Ничего. Просто я не ел целый день. Думал, кухня еще не закрылась. А хоть сегодняшняя газета у тебя есть?

— Разумеется.

— Я просто посижу здесь и читаю газету.

— Будь как дома.

Он нырнул за барную стойку, извлек оттуда свернутый экземпляр «Дэйли Ибериан» и протянул мне. На первой странице были четкие следы пивных кружек.

— Принеси вон тем старикам пива за мой счет, — сказал я.

— Не стоит.

— Я хочу это сделать.

— Не стоит, Дейв, — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

— Но почему?

— Ладно. Но учти, когда они захотят угостить тебя в ответ, тебе придется самому наливать себе. А я умываю руки.

Я взял газету и попытался прочитать спортивную страничку, но никак не мог сосредоточиться. У меня внутри все ныло, а лицо пылало. Я свернул газету, швырнул ее на столик и вышел на улицу.

Доехав до бухты близ Сайпрморт-Пойнт, я остановил машину, вылез и уселся на край торчавшего из воды пирса. Начался отлив, над полосой серого прибрежного песка кружили чайки, подбирая выброшенную волной морскую мелочь. Когда взошло солнце, небо стало молочно-белым и безоблачным. Я добрал до грузовичка и поехал домой. Воспоминания о бильярдной гвоздем засели у меня в голове, не отпуская ни на секунду, точно долгое похмелье.

* * *

Потом мы с Батистом открыли станцию, я добрался до дома и завалился спать. Когда проснулся, было уже за полдень. На кухонном столе меня ждали два сэндвича с ветчиной и луком, заботливо завернутые в вощеную бумагу, и записка Энни:

Не стала тебя будить, но, как проснешься, не мог бы ты помочь мне найти мужчину средних лет, со странностями и седой прядью волос, который лучше всех умеет заводить канзасских девушек?

С любовью

Э.

Р. С. Давай устроим пикник в парке, а потом пойдем на бейсбольный матч — ты, я и Алафэр? Прости за вчерашнее. Ты все равно самый лучший.

Добрая, заботливая девочка... Но, как ни странно, записка, призванная успокоить меня, только расстроила. Меня пронзила догадка: а вдруг Энни, как и большинство тех, кому приходится жить с алкоголиками, написала так только из страха, что я опять возьмусь за старое?

Но, несмотря ни на что, во мне крепла уверенность, что неприятности, которые начались после катастрофы в Южном проливе, еще не закончились. Как истинный уроженец маленького городка на юге Луизианы, все уроки выживания я получил не из книг, а на охоте, на рыбалке, на спортивной площадке. Никакая книга не дала бы того, что я узнал, охотясь с отцом на болотах, а когда в старших классах стал заниматься боксом, то научился глотать собственную кровь и смотреть противнику в глаза, как бы больно мне не было.

Но самый важный урок преподавал мне пожилой дворник-негр, который когда-то был питчером бейсбольной команды «Канзас Сити Монаркс». Он частенько приходил днем посмотреть, как мы играем, и однажды, когда меня удалили с поля и я направлялся в душевую, он подошел ко мне и сказал: «Скользкие удары и крученный мяч — это, конечно, круто, да и подаешь ты неплохо. Но если захочешь серьезно ответить отбивающему, целясь ему прямо в голову».

Вот я и подумал, что пора запустить хороший мяч кой-кому в голову и пусть-ка попробует его отбить.

Бубба Рок купил ветхий, довоенной постройки дом на берегу реки Вермилион (окраина Лафайета) и потратил четверть миллиона на перестройку. Это был большой белоснежный особняк, когда-то принадлежавший богатому плантатору, с дорическими колоннами такой толщины, что их могли обхватить три человека, не встретившись ладонями. Парадный вход был отделан итальянским мрамором, а по периметру второго этажа проходила уставленная ящиками петуний и геранью веранда, изящные кованые перила которой были сделаны, по слухам, аж в Севилье. Кирпичный каретный сарай был переделан в гараж на три машины, лестницы украшены оловянными сосудами, из которых свисали декоративные лианы, а на месте старых деревянных дворовых построек появился теннисный корт.

Свежеполитая лужайка перед домом так и блестела, по ее краям росли дубы, мимозы, апельсиновые и лимонные деревья, а усыпанная гравием дорожка, которая вела к парадному крыльцу, была окаймлена белым бордюриком и обсажена желтыми розами. Возле дома был припаркован «кадиллак»-кабриолет и новенький, сливочного цвета «олдсмобиль», а из гаража виднелась ярко-красная, как пожарная машина, коллекционная «эм-джи». Под сенью ив на берегу реки покачивался небольшой прогулочный катер, рулевая кабина которого была аккуратно затянута брезентом.

С трудом верилось, что все это великолепие, словно ожившая иллюстрация из глянцевого журнала, принадлежало Буббе Року, который мальчишкой готовился к боксерским поединкам, опуская руки в раствор соляной кислоты, а по утрам устраивал пятимильную пробежку, надев тяжелые армейские ботинки. Дверь открыл пожилой негр-слуга, однако вместо того, чтобы впустить меня, прикрыл дверь перед самым моим носом и удалился в глубь дома. Прошло почти пять минут, когда я услышал голос Буббы. Перегнувшись через перила веранды, он крикнул: «Заходи, заходи, Дейв. Сейчас спущусь».

Прости за прием. Я только что из душа».

Я вошел и остановился посреди холла под огромной люстрой и стал ждать, пока он спустится по винтовой лестнице, ведущей на второй этаж. Внутри дома было странно. Полы обшиты светлыми дубовыми досками, резная каминная полочка красного дерева, антикварная французская мебель. По-видимому, декоратор попытался воссоздать интерьер креольского особняка довоенной поры. Однако в отделке дома явно принял участие кто-то еще. Балки перекрытия кедрового дерева и потолок были расписаны листьями плюща, по стенам висели безвкусные пейзажи маслом, по большей части изображавшие закат на море, — из той мази, что продают художники с Аллеи пиратов; в одну из стен был вделан гигантский аквариум, на дне которого красовались водяные колеса, пластмассовые замки, с одного боку даже притулился резиновый осьминог, а из его уродливой пасти вылетали пузырьки.

По лестнице на цыпочках спустился Бубба. На нем были белые брюки, канареечно-желтая рубашка с воротником «гольф», сандалии на босу ногу, на шее красовалась массивная золотая цепочка, а на руке поблескивали позолоченные часы-браслет, инкрустированные рубинами и бриллиантами; кончики его коротких жестких волос выгорели на солнце, а кожа стала почти оливковой. Он сохранил фигуру атлета — узкие бедра, плоский, как сковорода, живот, широченные плечи и непропорционально длинные руки с узловатыми пальцами. Но самой примечательной чертой его внешности, несомненно, были глаза: широко расставленные, серо-голубые, они неотрывно смотрели на собеседника, не мигая и не щурясь, и оттого становилось не по себе. Улыбался он часто и охотно, однако никто не мог разгадать выражение этих удивительных глаз.

— Чем обязан, Дейв? Рад, что ты меня застал, — я уж собрался в Новый Орлеан. Пойдем-ка во дворик и выпьем. Как тебе дом?

— Впечатляет.

— Слишком большой для меня. У нас есть еще маленький домик на озере Понтшартрен и вилла на Бимини — там мы живем зимой. В них мне больше нравится. Но жена любит бывать здесь, к тому же ты прав — дом чертовски впечатляет. Помнишь, как мы — ты, я и твой брат — расставляли кегли, а черные здорово злились, что мы отнимаем у них хлеб?

— Нас с братом потом выгнали. А тебя и пистолетом было не запугать.

— Да-а, тяжелые были времена, старина. Пойдем, покажу кое-что.

Мы прошли через застекленные двери и очутились в выложенном плитняком внутреннем дворике, в центре которого красовался огороженный бассейн. Солнце золотило листву растущего рядом дуба и играло бликами в бирюзовой воде. За бассейном виднелось маленькое застекленное здание с остроконечной крышей, в котором размещались спортивные снаряды, гантели, маты и боксерская груша.

Он ухмыльнулся, подобрался и внезапно сделал ложный выпад в мою сторону.

— Не желаешь поразмяться, а? — спросил он.

— В последний раз, когда мы с тобой дрались, ты чуть не отправил меня в нокаут.

— Черта с два. Я зажал тебя в углу, ты был весь в поту, но завалить тебя я тогда так и не смог. Хочешь виски с содовой? Кларенс, принеси нам креветок и жареных колбасок. Присаживайся.

— У меня тут проблема, думаю, ты сможешь помочь.

— Ну конечно. Что пить будешь? — Он достал бутылку мартини из маленького холодильника за баром.

— Ничего.

— А, ты же у нас недавно завязал. Есть чай. Кларенс, ты там что, заснул? Неси нам креветок. — Он покачал головой и налил себе большой бокал мартини. Стенки бокала мгновенно запотели. — Совсем дряхлый стал Кларенс. Веришь, он работал с моим стариком на траулере. Ты ведь помнишь моего старика? Погиб два года назад. Заснул на железнодорожных путях. Я серьезно. Мне так и рассказали — прямо на рельсах, прижав к груди бутылку с вином. Он ведь всегда хотел путешествовать, бедный старикан.

— Тут ко мне приходил гаитянин по имени Туут и, возможно, парень по имени Эдди Китс. Они оставили мне на память вот эти швы. А один бармен с Бурбон-стрит сказал, что их подослал ты, после того как он тебе позвонил.

Бубба откинулся на спинку стула напротив меня, держа в руке стакан, и вытаращился.

— Что ты такое говоришь?

— Я думаю, эти парни работают на тебя. Я этого так не оставлю, Бубба.

— Так вот почему ты сюда пришел?

— Выходит, что так.

— Послушай, что я скажу. Знаю я этого Эдди Китса, он родом из какого-то нужника там, на севере. Он на меня не работает. Насколько мне известно, он не оставляет швов, он предпочитает поджигать. А про этого гаитянина я вообще первый раз слышу.

Я говорю тебе это потому, что мы вместе учились. А сейчас давай съедим по креветке и поговорим о чем-нибудь другом.

Он подцепил на зубочистку креветку с принесенного негром подноса, отправил ее в рот, отхлебнул мартини и принялся жевать, не отрывая взгляда от моего лица.

— А один легавый из федералов сказал мне, что Эдди Китс работает на тебя.

— Ему-то почем знать?

— Федералы — забавные ребята. Никогда не знаешь, чего от них ждать. То ты им не нужен, то они готовы вцепиться тебе в глотку.

— А, так ты про Майноса Дотрива? Знаешь, в чем его *беда*? Он такой же простой парень, как и мы, только учился в колледже и стал говорить так, будто вырос в столице. Не нравится он мне. И твои слова мне не нравятся, Дейв.

— Мне сказали, что это ты прислал этих двоих.

Его пальцы забарабанили по стеклянной крышке стола. Снаружи донесся какой-то звук, он обернулся; потом снова уставился на меня. Ногти его были обкусаны, подушечки пальцев сплюснуты и растрескались.

— Сейчас я тебе кое-что объясню, по старой дружбе, — заявил он. — Я много чем занимаюсь: у меня с дюжину траулеров, рыбообрабатывающие заводы в Нью-Иберия и Морган-Сити, рыбные рестораны в Лафайете и Лейк-Чарльз, ночные клубы и эскортное агентство. Я не нуждаюсь в услугах отребья типа Эдди Китса. Но по делу мне приходится общаться с кучей народу — евреями, итальяшками, шлюхами, у которых мозги растут между ног, и прочим сбродом.

В Новом Орлеане у меня сидит юрист по трудовому законодательству — он мне на хрен не нужен, но я плачу ему пять штук, чтоб народ не толпился. Может, многие, кому я плачу, мне не нравятся, может, я не всегда знаю, чем они еще занимаются. Бизнес есть бизнес. Если хочешь, я сделаю пару звонков и попробую узнать, кто подослал к тебе Китса и черномазого. Как звали того языкастого парня из «Джека»?

— Забудь. С ним я уже разобрался.

— Вот как, — сказал он, с любопытством глядя на меня. — Молодец.

— Он тоже так решил.

— А что за друг, которому тоже досталось?

— Не имеет значения.

— Ты мне не доверяешь?

— Не в этом дело. Просто не хочу распространяться.

— Дело твое. Ты у меня в гостях. Вот смотрю я на тебя и думаю, как вчера это было: ты склонился над ведром и харкаешь кровью, твоя спина дрожит, а я хоть и вижу все это, все равно молю, чтобы ты не вышел на третий раунд. Ты до сих пор не знаешь, но во втором ты так мне двинул по почкам, что я уж думал, хана.

— Ты знаешь, что я нашел тело Джонни Дартеза, когда произошла та катастрофа, ну, в Южном проливе? Потом оно исчезло.

Он засмеялся, отрезал кусок колбаски, положил его на сухое печенье и протянул мне.

— Я только что поел.

— Ну и что?

— Я не голоден.

— Возьми, иначе я обижусь. До чего упертый-то, Господи. Послушай, плюнь ты на них всех. Помнишь, я сказал, что мне нравятся далеко не все, кому я плачу. Ты образованный, умный, знаешь, как зарабатывать деньги. Хочешь стать управляющим одним из моих клубов в Новом Орлеане? Будешь иметь шестьдесят штук в год плюс проценты, итого семьдесят пять. У тебя будет шикарная машина, будешь ездить на острова, ну, там, девочки и тому подобное.

— С тобой говорили люди из Департамента по иммиграции?

— Что?

— После того как они арестовали Ромеро и Дартеза за то, что те переправляли в страну нелегалов из Колумбии? Ты должен об этом знать. Об этом все знают.

— Ты про... этих нелегалов?

— А то ты не понял.

— Послушай, если хочешь поговорить о латиносах, это не ко мне. Новый Орлеан кишит ими. Правительству давно пора погрузить их на корабли и отправить обратно.

— Самое странное в этом аресте то, что оба явно на кого-то работали. Однако их не посадили и ни один не предстал перед светлые очи Большого жюри. О чем это может говорить?

— Ни о чем. Мне плевать на этих парней.

— Я полагаю, что они стали сотрудничать с федералами. Если бы они работали на меня, мне бы это явно не понравилось.

— Ты что, думаешь, я стану слушать, что говорят обо мне всякие недоумки? Да я был бы сейчас никто, если бы боялся Управления по борьбе с наркотиками, департамента или засранцев типа этого Майноса Дотрива, которые ни хрена не могут доказать, но вдобавок умудряются пороть чушь газетам и всяким недоумкам, которые это глотают.

Его глаза сверкали, кожа вокруг рта была жесткой и бесцветной.

— Я не понимаю тебя. Я вообще не понимаю, что творится в твоей голове, Бубба.

— Ну, раз так, я не знаю, что, черт подери, тебе еще нужно.

— Взаимопонимание — это улица с двусторонним движением, приятель.

— Вон оно как.

— Именно так. Цитату дарю. Можешь положить в банк. До свидания и спасибо за колбаски.

Я встал, чтобы уйти, и он поднялся вместе со мной; его лицо горело от возбуждения, но по-прежнему ничего не выражало, как акулья морда. Вдруг он ухмыльнулся, встал в стойку и сделал ложный выпад левой в мою сторону.

— Ага, попался! — закричал он. — Без всяких, ты отклонился! Не отрицай.

Я уставился на него.

— Ну что уставился, ладно, я погорячился. А ты молодец, я уже и отвык.

— Мне пора, Бубба.

— Черт, уже? Пойдем-ка, разомнемся. Надо же нам побороться, в конце концов. Вот послушай. Я как-то ходил в карате-клуб в Лафайете, ну, где они дерутся ногами, вроде кенгуру. Ну, вышел я на ринг с одним, тот давай махать и дрыгать в воздухе своими вонючими ногами, и все орут, свистят, типа знают, что он меня сейчас на куски порвет. Ну, я врезал ему пару-тройку раз, и он вырубился, в раздевалку его пришлось нести. Вот так-то.

— Послушай, я давно не тренировался, к тому же мне действительно пора.

— Ерунда. По глазам вижу. Ты же хочешь меня сделать. Ну скажи, ведь не против, а?

— Может быть.

Я еле освободился из медвежьей хватки Буббы, как вдруг через застекленную дверь появилась его жена. Она была моложе его как минимум лет на десять. У нее была смуглая кожа и черные волосы, убранные назад лентой, на ней был пестрый красный с желтым купальник с цветочным рисунком и саронг в тон, повязанный вокруг бедер. В руке у нее была коробка из-под обуви с маникюрными принадлежностями. Она была хорошенькой на тот нежный, непритязательный манер, каковы бывают местные девушки, пока годы и тучность не берут свое. Она улыбнулась мне, уселась в кресло, скрестив ноги, скинула одну сандалию и сунула в рот кусок колбаски.

— Дейв, помнишь Клодетт из Нью-Иберия?

— Ты знаешь, я уже всех позабыл. Шутка ли — четырнадцать лет в Новом Орлеане.

— Ну уж ее мамашу, Хэтти Фоттенто, ты должен помнить.

— А вот это да, — ответил я, глядя прямо перед собой.

— Наверняка ты расстался с невинностью в одном из ее борделей на Рейлроуд-авеню.

— Ты знаешь, этого я тоже не помню.

— Ведь ты и твой брат, вы же разносили газеты как раз в том районе. Что, ни разу не?..

— Да вроде и нет, не помню.

— У нее было два заведения на углу, цветные девочки, — напомнил он. — Мы еще туда ходили бить черномазых, а потом снимали бабу за пару баксов.

— Бубба иногда грубо выражается, я к этому привыкла. Пусть это вас не смущает.

— Да меня и не смущает.

— Я не стыжусь своей матери. У нее было много хороших качеств. Например, она не выражалась в приличном обществе, не то что некоторые. — У нее был сильный местный выговор, а круглые, как у куклы, карие глаза имели необычный красный отблеск.

— Бубба, сделай мне джин с соком.

— Твой термос в холодильнике.

— Ну и что? Тогда налей в бокал. Пожалуйста.

— Целый день глушит джин с соком — и хоть бы что, — сказал Бубба. — У нее, наверное, задница дырявая.

— Ну, уж при Дейве-то не надо.

— А что? Он ведь тоже женат.

— Бубба...

— Что?

— Налей мне, пожалуйста.

— Ну, ладно. — Он достал из холодильника термос и охлажденный бокал. — За что я только Кларенсу плачу? Почти всю его работу делаю сам.

Он налил напиток из термоса в бокал и поставил перед ней, продолжая раздраженно смотреть на нее.

— Послушай, не хочу придирааться, но тем не менее: ты не можешь подпиливать свои ногти в другом месте? Как-нибудь обойдусь без обрезков ногтей в своем супе.

Она вытерла стеклянную крышку стола бумажной салфеткой и стала подпиливать ногти над коробкой из-под обуви.

— Ладно, пойду-ка я. Было приятно увидеться.

— Ага. Мне тоже пора выдвигаться. Проводи его до машины, Клодетт. В Новом Орлеане сразу по приезде сделаю пару звонков, попробую выяснить, кто хочет тебе зла. Если узнаю, сделаю так, чтобы они перестали. Обещаю. Кстати, на месте этого бармена я бы убрался из города.

С секунду он смотрел на меня, покачиваясь на носках, расправив плечи и сжав кулаки, точно боксер на ринге.

— Эй! — Он ухмыльнулся и подмигнул мне, потом вышел из внутреннего дворика и стал подниматься по винтовой лестнице. Я видел его массивную спину, плоские ягодицы и толстые бедра.

Его жена проводила меня до машины. Над лужайкой мириады капелек воды из распылителя, разгоняемые ветром, образовали миниатюрную радугу. На юге собирались грозовые тучи, воздух был душным и спертым. Наверху Бубба врубил старую запись Литтл Ричарда на полную катушку.

— Вы и правда меня не помните? — спросила она.

— К сожалению, нет.

— Я встречалась с вашим братом, Джимми, лет десять назад. Как-то мы приходили навестить вас в рыбацкой хижине. Вы крепко набрались тогда и все твердили, что товарный состав не дает вам спать. А когда он проезжал мимо, вы начали стрелять.

Тут я понял, что жена Буббы — не такая уж простушка.

— Боюсь, в те дни такое было не редкость, — ответил я.

— А мне показалось — смешно.

Я старался быть вежливым, однако, как и большинству тех, кто в завязке, мне было неприятно разговаривать о временах, когда я пил, с теми, кто находил в этом что-то смешное.

— Ну ладно, пока. Надеюсь, еще увидимся.

— Вы тоже думаете, что Бубба — псих?

— Не знаю.

— Вторая жена бросила его два года назад. Так он сжег всю ее одежду. Он не псих, он просто хочет, чтобы все так думали и боялись.

— Может быть.

— Он неплохой человек. Просто не все знают, как трудно ему пришлось.

— Многим из нас пришлось несладко.

— Значит, вы его не любите?

— Просто не так хорошо его знаю. А теперь мне пора.

— Как вас легко смутить.

— Желаю вам удачи, миссис Рок. Думаю, она вам не помешает.

— Я слышала, он предлагал вам работу. Надо было согласиться. Те, кто на него работает, зарабатывают кучу денег.

— А кому-то приходится расплачиваться за это.

— Он никого не заставляет делать то, чего человек не хочет.

— Ваша мать держала бордели, но не торговала людьми и не продавала наркотиков.

Лучшее, что я могу сказать о вашем муже, — то, что он порядочная сволочь. Думаю, он даже не обидится.

— А вы мне понравились. Приходите как-нибудь на ужин. Я почти всегда дома.

* * *

Я поднялся по посыпанной гравием дорожке и отправился обратно в Нью-Иберия, где меня ждали Энни и Алафэр, чтобы пойти на пикник. Яркое солнце озаряло плантации сахарного тростника и крытые жестью сарайчики, притулившиеся с краев. Огромные старые замшелые дубы, росшие вдоль дороги, отбрасывали большие синие тени. Мне было жаль жену Буббы. В Обществе анонимных алкоголиков мы называли это самоотречением. Мы греем змею на собственной груди и с улыбкой смотрим в лицо опасности.

Бубба замаялся, когда услышал, что двое из его людей были арестованы департаментом, — это я заметил. В связи с этим еще острее вставал вопрос о роли департамента во всей этой истории. Совершенно очевидно, что они мешали работать Майносу П. Дотриву из Управления по борьбе с наркотиками; я также полагал, что именно люди из департамента стоят за исчезновением тела Дартеза после крушения, когда силы береговой охраны подняли его на поверхность. Не будь я полицейским, черт возьми, я бы сам взялся за департамент. Конечно, они выставят меня вон, но я-то знаю, как их пронять — написать до востребования их начальству в Вашингтон и заваливать их жалобами о нарушении права индивида на свободу информации до тех пор, пока у них не лопнет терпение. Так что почему бы и нет, спрашивал я себя. И, отвечая себе на этот вопрос, я начал чувствовать, как растет во мне чувство целеустремленности и самоотречения.

Когда я вернулся, Энни и Алафэр заворачивали в вощеную бумагу куски жареной курицы и наполняли лимонадом термос. Я уселся за стол, налил себе стакан чая со льдом, бросил туда пару листиков мяты и стал смотреть в окно, где в ветвях мимозы на заднем дворе шумно возились голубые сойки. Утки в пруду стряхивали воду с крыльев и сбивались в стайки в тени прибрежных камышей.

— У меня странное чувство, — сказал я.

— Вечером пройдет, — улыбнулась Энни.

— Я не о том.

— О чем же?

— Когда я еще был патрульным, в Новом Орлеане был один мерзкий тип по имени Док Стрэттон. Когда социальные работники давали ему место в ночлежке, он являлся в свою комнату и давай выбрасывать на улицу всю тамошнюю мебель: столы, стулья, комоды, лампы, матрацы и прочее — лишь бы в окно пролезало. Ну, все это добро с грохотом летит на тротуар, Док, не давая никому опомниться, выскакивал наружу, подбирал его и тащил в ближайший магазин подержанных вещей. Но что бы он ни вытворял, ему ничего не было. Я был тогда новичком и ничего не понимал, пока мне не объяснили. Ну, во-первых, этот Стрэттон, случись ему высвободить палец из наручников, немедленно совал его в рот и был способен заблевать все сиденья полицейского автомобиля. Он был способен на это где угодно — в тюремной камере, даже в зале суда. К тому же он всюду таскал с собой пушку и чуть что был готов начать пальбу. Такая он был скотина, что даже тюремный надзиратель пригрозил уйти с работы, если Стрэттона опять посадят. Так что Док разгуливал на свободе, годами доводя до белого каления содержателей ночлежек и социальных работников, и если молокососы вроде меня выражали недоумение, нам рассказывали разные поучительные истории.

Лишь много позже я понял, что была еще одна причина, по которой его держали на свободе. Он не только знал весь преступный мир Нового Орлеана, но до того, как пристраститься к бутылке, был слесарем и мог проникнуть в любое помещение быстрее любого взломщика. Так что некоторые ребята из отдела расследований вооруженных ограблений и убийного отдела прибегали к его услугам, если ничего нельзя было сделать законным путем. Однажды к ним поступила информация, что в город приехал из Майами наемный убийца с заданием ликвидировать местного депутата от лейбористов. Так эти ребята сказали Доку, что он назначен специальным агентом новоорлеанского полицейского управления, — тот проник в комнату убийцы в мотеле и стащил его чемодан, пушку, шмотки и чековые книжки, а потом этого парня арестовали по подозрению — как раз была пятница, и они преспокойно продержали его в камере до понедельника, вдобавок посадив к нему парочку трансвеститов.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спросила Энни, не глядя в мою сторону.

— Иногда полицейские оставляют людей в покое с определенной целью.

— Я понимаю, те, про кого ты так много рассказываешь, должно быть, интересные и забавные люди, но ведь прошлое есть прошлое, правда, Дейв?

— Помнишь того типа из Департамента по иммиграции? Он ведь больше не приходил. Я уже было подумал — убедил его, что с нами не стоит связываться.

— Наверное, он просто очень занят. Не станет же весь департамент охотиться за одной маленькой девочкой? — На Энни были выцветшие джинсы Levi's и белый топ, открывавший усеянную веснушками спину. Когда она нагнулась над корзиной, я залюбовался плавной линией ее бедер.

— Правительство интересуется тем, чем считает нужным, — ответил я. — Теперь-то я понял, что они просто выжидают. Они дали мне это понять, а я не догадался.

— Хочешь честно? По-моему, ты все это придумал.

— Этот тип из департамента, Монро, расспрашивал обо мне шерифа, хотя ему абсолютно незачем было это делать, достаточно было прийти сюда с ордером и все посмотреть самому. Вместо этого он или его начальство решили узнать, не связан ли я как-то с делом этого Дартеза.

— А нам-то что? — спросила Энни.

— Ты не знаешь, что такое бюрократическая машина в действии.

— Прости, но я не собираюсь тратить свое время на то, чтобы сидеть и гадать, что люди могут со мной сделать.

Алафэр переводила взгляд с меня на Энни: наш тон ее явно озадачил. Энни нарядила ее в розовые шортики, футболку с Микки-Маусом и розовые кеды с резиновыми носами и белыми буквами: ЛЕВЫЙ и ПРАВЫЙ. Энни погладила ее по голове и вручил полиэтиленовый пакет с остатками хлеба.

— Пойди-ка покорми уточек, — сказала она.

— Покормить уточек?

— Ну да.

— Покормить уточек сейчас?

— Ну конечно.

— А Дейв поедет в парк? — спросила она по-испански.

— Поедет, поедет.

Алафэр одарила меня широкой улыбкой и быстро направилась к пруду, на ее загорелых икрах играли солнечные блики.

— Вот что, Дейв. Что бы эти люди из департамента ни сделали, я им ее не отдам. Пусть не мы ее родители, но она — наша.

— Я не досказал тебе про Дока Стрэттона. Когда он окончательно спился, его отправили в мандевильскую психушку.

— И что теперь? Станешь мальчиком на побегушках для департамента?

— Нет.

— Так мы идем в парк?

— Я за этим и приехал, детка.

— Странно все-таки.

— О чем это ты, милая?

— А о том. Дейв, почему ты хочешь сделать из нас сообщников каких-то своих тайных планов? У тебя уже бзик на этой почве. Мы только об этом и говорим, или ты вообще нас не замечаешь. И как я, по-твоему, должна себя чувствовать?

— Постараюсь исправиться.

— Ну-ну.

Она присела за кухонный стол напротив меня. В глазах ее блестели слезы.

— Господь пока не дал нам своих детей, Дейв, — чуть не плача, заговорила она, — а

теперь послал эту малышку. Да мы с тобой самые счастливые люди на свете. Вместо этого мы все время боремся, боимся того, что не случилось. Мы без конца говорим о людях, которых я не знаю и знать не хочу. Это все равно что добровольно приглашать домой всякое отребье. Помнишь, ты же сам говорил, что на собраниях анонимных алкоголиков вас учили, что надо положиться на волю Всевышнего. Так почему, почему ты этого не сделаешь?

— С таким же успехом можно попытаться вылечить злокачественную опухоль, стараясь забыть о ней.

Стало тихо. Слышно было, как возятся в ветках мимозы голубые сойки и хлопают крыльями утки, которым Алафэр бросала хлебные крошки. Энни повернулась и принялась упаковывать корзину для пикника, потом встала и быстрым шагом направилась к пруду, хлопнув дверью.

В тот вечер в парке было полно народу: все пришли посмотреть бейсбольный матч. В открытом павильоне угощались вареными раками пожарники. Закатное небо расцветилось лиловым и розовым, прохладный южный ветер обещал дождь. Мы сидели за деревянным столиком, поглощали принесенную с собой снедь и смотрели бейсбольный матч.

Стайки старшеклассников и студентов сновали туда-сюда между стадионом и парковкой, где у них в пикапах в ведерках со льдом было припрятано пиво. Вдоль залива курсировал небольшой прогулочный колесный пароходик с освещенными палубами, видно было кипарисы и старинные довоенные дома того берега. Пахло костерком, раками из павильона и жареными кровяными колбасками, которые продавал негр с тележки неподалеку. Потом оркестрик в павильоне заиграл «Jolie Blonde»^[8], половина слов которой была на английском, а вторая половина — на французском. И я в который раз будто перенесся в машине времени в ту далекую Южную Луизиану, где прошло мое детство.

Но ни я, ни Энни не заговаривали друг с другом, мы даже избегали смотреть друг другу в глаза. Вместо этого мы весело болтали с Алафэр, катали ее на качелях и каруселях, угощали мороженым. Той ночью в безмолвной темноте нашей спальни мы занимались любовью, повинаясь животному инстинкту, и лишь в конце легонько коснулись губ друг друга. Лежа на спине и прикрыв глаза ладонью, я почувствовал, как она отняла от меня руки и отвернулась. И мне подумалось: наверное, ей так же тяжело, как и мне.

Не прошло и получаса, как я проснулся. В комнате было прохладно, но все тело мое горело, как от солнечного ожога, а шрамы на лице и в паху ныли.

Стараясь не разбудить Энни, я встал, умылся, нацепил брюки защитного цвета и старую гавайку и поплелся на лодочную станцию. Светила луна, и росшие у пруда ивы, казалось, отлиты из серебра. Я уселся за прилавком, не зажигая свет, и уставился на воды залива и покачивающиеся на приливных волнах лодки и пироги, легонько стукавшиеся бортами. Потом встал, открыл холодильник, достал пригоршню льда и растер им лицо и шею. В лунном свете горлышки пивных бутылок сияли янтарем, холодно поблескивали крышки и этикетки, и все вместе походило на странный ночной натюрморт. Я закрыл холодильник, зажег свет и набрал домашний номер Майноса П. Дотрива.

Секунду спустя он взял трубку.

Я посмотрел на часы. Полночь.

— Что происходит, Данкенштейн? — спросил я.

— О Господи.

— Извини, что так поздно.

— Что тебе надо, Робишо?

— Как называются клубы, которыми владеет Эдди Китс?

— Ты только затем и позвонил?

Я не ответил. Он вздохнул.

— В прошлый раз, когда мы говорили по телефону, ты бросил трубку. Мне это не понравилось. По-моему, у тебя плохо с манерами.

— Ладно, извини. Скажи, как называются эти клубы?

— Я тебе вот что скажу. Ты там что, пьяный?

— Нет. Так что с клубами?

— Да, сразу до тебя не доходит. Так ты собираешься навестить нашего бруклинского приятеля?

— Поверь мне, Майнос.

— Пытаюсь. Честно.

— В Лафайете куча народу может дать мне эту информацию.

— Тогда какого было меня-то будить?

— Ты сам должен знать.

— А я не знаю. Ты у нас вообще личность загадочная: не слушаешь, что тебе говорят, играешь по каким-то одному тебе известным правилам, все еще думаешь, что служишь в полиции и что тебе можно совать нос в федеральное расследование.

— Я позвонил тебе, так как считаю, что только ты способен помочь мне разобраться с этими козлами.

— Думаешь, я польщен?

— Значит, нет?

С минуту он молчал.

— Послушай, Робишо, — сказал он наконец. — Хоть у тебя и кочан капусты на плечах, парень ты неплохой. В данном случае это означает, что мы не хотим, чтобы с тобой еще что-нибудь случилось. Брось ты это дело. Мы сами со всем разберемся. Вот, к примеру, скажи мне, на кой тебе вчера понадобилось встречаться с Буббой Роком. Не самая лучшая была...

— Откуда ты знаешь, что я там был?

— Э-э, парень, у нас свои источники информации. Есть некие люди, которые записывают номера машин. Их не запугаешь, даже если попытаешься, — они просто зафиксируют место и время — и ты попался. Так что забудь про Эдди Китса и ложись спать.

— У него есть семья?

— Нет, только случайные связи.

— Спасибо, Майнос. Извини, что разбудил.

— Ничего, ничего. Кстати, как тебе жена нашего Буббы?

— Целеустремленная барышня.

— Во романтик-то, блин. Она бисексуалка, приятель, и вдобавок отсидела три года в тюрьме за избиение своей подружки-лесбиянки. И где этот Бубба таких находит?

После этого я позвонил старому приятелю-бармену из Лафайета. Сам того не зная, Майнос сказал мне больше, чем собирался. Мой друг сообщил, что Эдди Китсу принадлежат два заведения — одно в здании отеля в Новом Орлеане, а второе — на обочине дороги близ моста Бро на окраине Лафайета. Если то, что сказал про него Майнос, — правда и если Эдди был сейчас в одном из своих баров, то я знал, в каком именно.

Когда я учился в колледже, на шоссе близ моста Бро располагалось множество

питейных заведений самого низкого пошиба, склады нефтяных компаний, ипподром, игорные дома и бордель с чернокожими девочками. В субботу вечером здесь собирался весь лафайетский сброд, возле столкнувшихся автомобилей на шоссе валялись осколки разбитого стекла и мелькали огни карет скорой помощи, из открытых настежь дверей кабаков доносился оглушительный грохот дискотек и потасовок. За один вечер можно было напиться, накуриться, подраться и снять девочку, не потратив и пяти долларов.

Я припарковался на другой стороне улицы и посмотрел в сторону бара Китса. Вывеска гласила «Джунгли», само здание бара соответствовало названию: длинная, приземистая, сложенная из шлакоблоков постройка, выкрашенная в бордовый цвет и разрисованная кокосовыми пальмами. Они освещались висящими на деревьях прожекторами. Уголкем глаза я заметил на стоянке близ бара два неосвещенных трейлера; видимо, там-то шлюхи Китса и занимались своим древним ремеслом. Проторчав на улице с полчаса, я так и не дождался появления белого «корвета».

Никакого плана у меня не было, и я уж было пожалел, что не послушал совета Майноса. Но сердце мое билось все сильнее, тело горело, а дыхание участилось. Ровно в полвторого я сунул пистолет в карман брюк, одернул гавайку и двинулся к бару.

Входная дверь была выкрашена в ярко-красный цвет — такого цвета бывает лак для ногтей; ее приоткрыли, чтобы выпустить на улицу клубы сигаретного дыма. Освещены были только барная стойка да бильярд в боковой комнате. На огороженной сцене в глубине зала под музыку оркестрика, ухмыляясь, раздевалась рыжеволосая девица; тело ее было сильно напудрено, чтобы скрыть веснушки. Посетителями были в основном работяги с нефтепромыслов и со строительства газопровода. В глубине зала маячили вышибалы в белых воротничках. На официантках были коротенькие черные блузки, открывающие ребра, черные туфли на высоких каблуках и донельзя облегающие розовые шортики.

За барной стойкой сидели и беседовали с посетителями несколько проституток; когда я входил, они окинули меня быстрым оценивающим взглядом. Над стойкой висела клетка, где на игрушечной трапедии апатично восседала маленькая обезьянка; пол клетки был усыпан ореховыми скорлупками и ее испражнениями.

Тут я понял, что мне придется заказать выпивку, ведь, если я попрошу принести «Севен-ап», могут возникнуть подозрения. Я не буду это пить. Я не буду это пить. Хорошенькая официантка принесла мне бутылку пива «Джэкс» за три доллара. Наливая пиво в стакан, она улыбнулась.

— Чтобы остаться на шоу, надо заказать как минимум две порции, — сообщила она. — Как закончите эту, принесу вам вторую.

— Туут не появлялся? — спросил я ее.

— Кто-кто?

— Приятель Эдди, чернокожий.

— Я тут недавно работаю. Скорее всего, я его не знаю. — И она ушла.

Через некоторое время трое посетителей вышли на улицу, и сидевшая за стойкой проститутка осталась одна. Она допила свой бокал, взяла из пепельницы недокуренную сигарету и направилась в мою сторону. На ней были белые шорты и темно-синяя блузка, а черные волосы убраны под голубую бандану. Она была круглолицей и слегка полноватой, и, когда присела рядом со мной, в ноздри мне ударил запах ее духов, лака для волос и сигарет. Ее глаза светились пьяным блеском, а губы еле сдерживали улыбку.

Перед ней выросла официантка, и она заказала коктейль с шампанским. У нее был

северный выговор. Она зажгла сигарету и принялась пускать колечки дыма с такой сосредоточенностью, словно пыталась создать из них причудливую картину.

— Ты не видела Туута?

— Ты имеешь в виду того черномазого? — В ее глазах играла лукавая улыбка.

— Ну да.

— А зачем он тебе?

— Просто давно не видел ни его, ни Эдди.

— Интересуешься девочками?

— Бывает.

— Иногда хочется, правда?

— Иногда.

— А когда хочется, но никого нет, тебе становится плохо. Очень. — Она положила ладонь мне на бедро и провела пальцами по моему колену.

— Когда появится Эдди?

— Ты что-то очень любопытен, милый. Смотри, я уже начинаю плохо думать о тебе.

— Я просто спросил.

Она надула губы, коснулась ладонью моего лица, рука ее скользнула по моей груди.

— Не заставляй меня думать, что ты пришел сюда не за девочкой, а с какой-то дурной целью.

Ладонь ее тем временем опускалась все ниже и ниже, как вдруг пальцы ее нащупали рукоятку пистолета. Она испуганно посмотрела мне в глаза, потом вскочила с места, порываясь уйти, но я остановил ее, схватив за руку.

— Ты — легавый! — взвизгнула она.

— Неважно, кто я. Во всяком случае, для тебя. Тебе ничего не грозит. Понимаешь?

Она мгновенно протрезвела, в глазах ее отразились испуг и злоба.

— Где Эдди? — спросил я.

— Он ходит посмотреть на собачьи бои недалеко отсюда, потом возвращается, чтобы подсчитать выручку. Попадись ему на глаза, если хочешь неприятностей.

— Но тебя-то это не касается, ведь так? У тебя машина есть?

— Что-о?

— Машина, говорю, есть у тебя?

— Д-да, а что...

— Сейчас я отпущу тебя, и ты выйдешь на улицу, якобы подышать воздухом, пройдешь к стоянке, сядешь в машину и уедешь. По пути где-нибудь перекусишь. И только попробуй сюда позвонить.

— Ублюдок!

— Выбор за тобой, детка. У меня есть подозрение, что скоро сюда нагрянет куча фараонов. Хочешь остаться — дело твое. — Я отпустил ее руку.

— Сволочь!

Я кивком указал на дверь. Она соскользнула с обитого винилом сиденья, попросила у бармена свою сумочку. Он дал ей сумку и вновь принялся мыть стаканы. Она быстро-быстро направилась к парковке.

Через пару минут телефон действительно зазвонил, однако снявший трубку бармен так ни разу и не взглянул в мою сторону. Закончив говорить, он налил себе виски с молоком и принялся вытряхивать пепельницы. Разумеется, я знал, что еще немного — и нервы этой

девицы не выдержат. Она, конечно же, боялась меня, да и вообще полиции, но еще больше боялась Эдди Китса и, конечно, вернется посмотреть, случилась драка или перестрелка, и постарается как-то выкрутиться.

Помимо этого, скоро должно было начаться это самое представление, и официантка сновала туда-сюда среди столиков, чтобы убедиться, что все заказали по две порции. Я неловко повернулся и нарочно сшиб локтем бутылку.

— Простите, — сказал я, когда она подошла ко мне. — Принесите мне вторую, ладно?

Она подняла бутылку с пола и принялась вытирать со стола. Ее белокурые волосы блестели, тело было крепким — видно, ей приходилось много работать физически.

— Так вы не хотите, чтобы кто-нибудь составил вам компанию?

— Не сейчас.

— Вот как?

— Перебьюсь как-нибудь.

— Здесь не место для неприятностей, милый, — тихо сказала она.

— А что, я похож на того, от кого могут быть неприятности?

— Много от кого могут быть неприятности. Вот от нашего хозяина — точно. Сама видела, как он для смеху нагревал зажигалкой прутья клетки с обезьянкой.

— Почему ты тогда здесь работаешь?

— Не взяли в монастырь, — ответила она и удалилась, унося поднос с напитками.

Вскоре в бар вошел накачанный мужчина, заказал бармену бутылку пива и принялся грызть арахис и болтать с одной из проституток. На нем были ковбойские сапоги лиловой замши, дорогие брюки кремового цвета, красновато-коричневая махровая майка с V-образным вырезом, а с шеи его свисала полдюжина золотых цепочек и медальонов. Свои длинные волосы он красил в светлый цвет и гладко зачесывал назад, как профессиональный борец. Он достал из кармана брюк сигареты и закурил, не переставая щелкать орешки. Меня он видеть не мог: я сидел слишком далеко, в баре царил полумрак, к тому же он не смотрел в мою сторону. Но я-то его хорошо видел, я сразу же узнал, хотя прежде никогда не видел в лицо.

У него была большая голова, бычья шея и живые зеленые глаза; когда он жевал орешки, у него очень заметно перекачивались желваки. Кожа вокруг рта была сероватой и шершавой, как наждачная бумага. Руки его были под стать всему остальному — пальцы-сосиски, запястья в узлах вен. Шлюха, с которой он разговаривал, курила сигаретку, наблюдая за отражением красного огонька в зеркале позади барной стойки; должно быть, ей хотелось казаться равнодушно-надменной, однако всякий раз, когда отвечала ему, ее голос снижался до шепота.

Его-то голос я слышал прекрасно: никогда не забуду этот гнусавый выговор; таким голосом не говорят, а приказывают. Вот и теперь он отчитывал девицу за то, что она слишком много пьет: его бар — не место, где каждая шлюха может накачиваться спиртным на халяву.

Ранее я сказал, что никакого плана у меня не было. Это не так. У каждого алкоголика всегда есть план; пусть глубоко в подсознании, он всплывет наружу, когда придет время.

Я соскользнул с обитого вином стула. По пути я чуть было не отпил пива из бокала; в бытность пьющим я никогда не оставлял на столе недопитого. От старых привычек не так-то легко избавиться.

У входа к бильярдную я заметил прислоненный к стене кий и взял его в руки. Кий был

тяжелый, сужающийся книзу. Я медленно двинулся в его сторону. Поначалу он не заметил меня, болтая с барменом и поедая арахисовые орешки. Тут взгляд его зеленых глаз остановился на моей персоне, он прищурился, словно оба его глаза соединяла некая пружинка на переносице, отряхнулся и уставился на меня.

— Ты на моей территории, ублюдок. Начинай — и ты проиграешь. Уйдешь — никто тебя не тронет.

Я молча подходил к нему все ближе и ближе. Я заметил, как изменилось выражение его глаз, он нагнулся за бутылкой, в карманах его зазвенели монетки, одна нога оперлась на подставку. Тут он понял, что уже слишком поздно, правая рука его поднялась, защищая лицо.

Это неправда, что зло — абстрактное понятие. Злодеяние всегда убийственно конкретно и от этого еще более отвратительно.

Ухватив кий двумя руками за заостренный конец, я с силой развернул его в воздухе, как бейсбольную битку; тяжелая рукоятка, тоненько свистнув, обрушилась на его переносицу. Послышался глухой удар; глаза его едва не вылезли из орбит, он рухнул на усыпанный окурками и арахисовой шелухой пол. Он лежал скрючившись, закрыв лицо руками; из-под его пальцев ручьем бежала кровь. Говорить он не мог, только дрожал всем телом. В баре воцарилась мертвая тишина; никто — ни бармен, ни проститутки, ни посетители, ни полураздетая мулатка-стриптизерша — не проронил ни звука. Застыв точно статуи, они неподвижно стояли в клубах сигаретного дыма.

Тут я услышал, что крутят телефонный диск, и вышел на улицу.

На следующее утро я вернулся в Нью-Иберия, прихватив с собой мотыля, дождевых червей и другой приманки. День выдался ясный и теплый, и свободных лодок у меня практически не осталось. Все время, пока я обслуживал посетителей, стоя за прилавком, я смотрел, не покажется ли машина шерифа, но дорога была пуста. В полдень я набрал номер рабочего телефона Майноса П. Дотрива.

— Мне нужно приехать к тебе. Есть разговор.

— Нет, тебе не следует показываться в Лафайете. Я сам приеду.

— Что так?

— Не думаю, что тебя там будут рады видеть.

Через час около станции притормозил автомобиль, он припарковал его неподалеку и направился ко мне, по привычке пригнувшись на пороге магазинчика. На нем были полотняные брюки, мокасины из блестящей кожи, светло-голубая спортивная рубашка и галстук в красную и серую полоску, с ослабленным у ворота рубахи узлом.

Его коротко постриженные светлые волосы сверкали на солнце. Он огляделся и с улыбкой обратился ко мне:

— Здорово тут у тебя.

— Спасибо.

— И что тебе здесь-то не сидится?

— Что будешь — кофе или шипучку?

— Не пытайся заговорить мне зубы. Ты у нас герой дня. Я даже на работу опоздал сегодня утром, мне ночью позвонили и рассказали о незабываемом ночном представлении в баре «Джунгли». Я же говорил тебе, что мы не занимаемся подобными вещами. Наше дело — бланки заполнять, сообщать этим засранцам об их правах и убеждаться, что им дали адвоката. Слышал, крови было столько, что пришлось тряпкой вытирать.

— На меня уже есть ордер?

— Он не стал писать заявление, хотя к нему в больницу и приходил помощник шерифа.

— Он хотя бы опознал меня?

— Да этого и не надо. Одна из его проституток записала номер твоей машины. Эдди Китс не любит иметь дело с законом, так что не беспокойся, никто к тебе с наручниками не явится. Но вот с лафайетскими легавыми тебе тоже лучше не связываться. Не очень-то приятно, когда в твоём округе появляется некто и начинает лупить людей кием по переносице.

— Сами виноваты. Надо было привлечь его, когда он мне по причинному месту врезал.

— У тебя нездоровый вид.

— Я плохо спал в последнее время. Так что претензии потом, ладно?

— Ну, знаешь... Я всегда знал, что от тебя всякого можно ожидать, но такого... Ты же его чуть не убил.

* * *

В магазин вошли два рыбака и купили приманку и дюжину бутылок пива. Я ссыпал деньги в старый кассовый аппарат.

— Давай-ка прокатимся, — предложил я ему.

Я оставил станцию на Батиста, и мы с Майносом побрели к моему пикапу. Солнце так и пекло.

— Я позвонил тебе сегодня не просто так, — сказал я. — Если тебе не нравятся мои методы, мне очень жаль. Но пойми: не я искал неприятностей, они сами меня нашли. Так что не стоит отчитывать меня в моем собственном магазине, на глазах у моего помощника и покупателей.

— Тоже верно.

— Я никогда раньше так не делал. Неприятное ощущение.

— Всегда трудно играть по чужим правилам. Но если уж ты и решился врезать кому-то кием по башке, то лучшей кандидатуры, чем Эдди Китс, и не придумаешь. Помнишь, я рассказывал, что он поджег проститутку? Так в его досье есть кое-что похуже. Вот, к примеру, год назад был похищен ребенок охраняемого свидетеля. Как ты думаешь, где мы его нашли?..

— Тогда почему вы его не уберете?

Он не ответил, только уставился на негров-рыболовов, сидевших на берегу залива.

— Уж не используете ли вы его как информатора?

— Мы не используем для этих целей убийц.

— Да ладно. Для вас все средства хороши.

— Гангстеров — никогда. Наше ведомство обходится без них. — Он смотрел мне прямо в глаза, на его щеках появились красные пятна.

— Так почему бы вам тогда не упечь его за решетку?

— Ты, наверное, думаешь, что на работе мы только самолетики пускаем. Вовсе нет. Мы делаем много такого, о чем ты даже не подозреваешь. Мы не охотимся за одним человеком, наша цель — накрыть как можно больше этих подонков одним ударом. Единственный способ это сделать — заставить одних давать показания на других. Надо потерпеть.

— Вы хотите добраться до Буббы Рока, так ведь? И поэтому собираете досье на все его

окружение, а тем временем его молодчики разгуливают по округе с бейсбольными битами.

— Ничем тебя не проймешь. И вообще, зачем ты мне позвонил?

— Поговорить про Департамент по делам иммиграции.

— Послушай, я сегодня не завтракал. Давай остановимся где-нибудь и перекусим.

— Ты знаешь, что этот Монро из департамента вынюхивает что-то в окрестностях Нью-Иберия?

— Ну да, я про него слышал. Ты беспокоишься за девочку, что живет у тебя в доме?

Я ошарашенно уставился на него.

— У тебя есть удивительное свойство — все время попадаться нам на глаза. Останови-ка здесь, я правда хочу есть. Кстати, тебе придется меня угостить, я забыл дома бумажник.

Я остановился у небольшого заведения, мы уселись за деревянный столик. Негр-хозяин принес нам сэндвичи со свиной отбивной и рис с приправами.

— Так что там про департамент? — спросил Майнос.

— Я слышал, они арестовывали Ромеро и Дартеза.

— Ты-то откуда знаешь? — Он смотрел на бегавших неподалеку чернокожих ребятишек, но взгляд у него стал обеспокоенный.

— Сказал один новоорлеанский бармен.

— Не самый достоверный источник информации.

— Ничего подобного. Ты и сам прекрасно знаешь, что Дартез был связан с какими-то людьми из департамента, иначе зачем им тогда было похищать его тело?

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что департамент использовал этих ребят для контроля за действиями священнослужителей, способствующих незаконной переправке в страну нелегалов.

Он облокотился о крышку стола и стал наблюдать за негритятами, бросавшими бейсбольный мяч.

— А что еще твой приятель-бармен рассказывает про Ромеро?

— Больше ничего.

— А кто он, собственно, такой? Потолковать бы с ним.

— Бубба Рок спросил то же самое. Так что я полагаю, что этот парень в ближайшее время смоемся из страны.

— Ну ты даешь. Теперь ты признаешься, что спровадил из города человека, обладавшего ценной информацией. Разреши спросить, как это так получается, что тебе рассказывают то, чего нам ни за что не узнать?

— Я приставил к его башке заряженный пистолет.

— А, ну да. Ты ведь многое узнал о процедуре допроса за время службы в новоорлеанском полицейском управлении.

— Тем не менее я прав, так ведь? Департамент использует их.

— Может быть, и так. Все равно это тебя не касается. Вот что. Мы, из Управления по борьбе с наркотиками, — славные ребята. Наша цель — засадить за решетку как можно больше этих подонков. Мы уважаем парней типа тебя, у которых самые благие намерения, да мозгов маловато. Но советую — не суйся в дела департамента, в особенности если у тебя в доме нелегал.

— Я смотрю, не любишь ты их.

— Мне на них наплевать. А вот тебе следует быть поаккуратней. Однажды я беседовал с высокопоставленным чиновником из службы по делам иммиграции и натурализации, в

Белый дом парень метил. Так знаешь, что он мне сказал? «Если поймаете кого из департамента, чистить и жарить их вам придется самим». Так что вот.

— Звучит как очередная байка.

— Ты — прелесть, Робишо.

— Не хочу портить тебе аппетит, но тем не менее: тебе не кажется, что этот самолет затонул потому, что на борту взорвалась бомба? Кто-то хотел убить священника и бедных женщин, бежавших из Сальвадора, после той бойни, что мы там устроили.

— Так ты у нас спец по политике в Центральной Америке?

— Нет.

— Ты там вообще хоть раз был?

— Никогда.

— Ну вот и не говори глупостей.

— Ты просто не пробовал спрятаться от артобстрела в полуразрушенной деревне.

— Хватит пороть ерунду. Я тоже там был, приятель. — Кусок хлеба за его щекой напоминал напряженный желвак.

— Тогда не позволяй этим засранцам из департамента совать нос в твои дела.

Он отложил сэндвич на край тарелки, отхлебнул чая со льдом из своего стакана и задумчиво посмотрел на игравших в тени деревьев ребятишек.

— Ты никогда не задумывался, что с тобой пьяным легче, чем с трезвым? — спросил он. — Прости, я не то хотел сказать. Я тут вспомнил, что у меня в кармане рубашки завалилась кое-какая мелочь. Так что я сам заплачу за обед. Нет-нет, не настаивай. Встреча с тобой — одно удовольствие.

* * *

В церкви было темно, прохладно и пахло камнем, воском, водой и благовониями. Сквозь приоткрытую боковую дверь был виден сад, где мальчишкой вместе с другими ребятами я участвовал в крестном ходе в Великую Страстную пятницу. Как сейчас помню залитый солнцем сад, аккуратно подстриженную лужайку и клумбы желтых и пурпурных роз. В глубине сада в искусственном гротике журчал водопад и стояло каменное распятие.

Я вошел в исповедальню и стал ждать священника. Мы с ним знали друг друга уже двадцать два года, и я ценил его участие в бедах простых людей и за это прощал все — и его всепрощение, и нежелание осудить, — как он в свою очередь охотно отпускал мои немудреные грехи. Наконец он появился: это был крупный широкоплечий мужчина с круглой головой и бычьей шеей. В исповедальне стоял маленький настольный вентилятор с резиновыми лопастями, и ветерок слегка шевелил его волосы.

Я рассказал ему про Эдди Китса. Все: и то, как я набросился на него, как ударил кием по переносице, как он лежал на грязном полу, закрыв лицо руками, а между его пальцев сочилась кровь.

С минуту он молчал.

— Ты желал смерти этого человека?

— Нет.

— Уверен?

— Да.

— Ты бы смог сделать так еще раз?

— Нет, если он оставит меня в покое.

— Тогда забудь.

Я продолжал смотреть на него.

— Тебя все еще что-то беспокоит, Дейв?

— Да.

— Ты во всем признался. Не пытайся судить о том, правильно ты поступил или нет. Что сделано, то сделано. Пускай ты поступил дурно, но ведь это он тебя спровоцировал. Этот человек угрожал твоей жене. Неужели Всевышний не поймет тебя?

— Я сделал это не потому.

— Почему же?

— Я поступил так потому, что хотел напиться. Я все время хотел напиться, аж все нутро горело.

— Не знаю, что и сказать.

Я отворил боковую дверь и вышел в сад. Там пахло розами и цветущими деревьями, журчал водопад. Я присел на каменную скамью возле гротика и уставился на носки своих ботинок.

* * *

Вернувшись домой, я застал Энни в огороде; стоя на коленях, она пропалывала грядки с помидорами, бросая сорняки в ведро. На ней были джинсы и майка, ноги ее были босы, на лице выступили капельки пота. В то утро, еще в постели, я рассказал ей про Эдди Китса. Она ничего не ответила, только молча поднялась с кровати и отправилась на кухню готовить завтрак.

— Почему бы тебе не свозить Алафэр к своим канзасским родственникам? — спросил я, держа в руке стакан чая со льдом.

— С чего это? — На меня она не смотрела.

— Из-за этого Китса.

— Думаешь, он вернется?

— Не знаю. Иногда их достаточно припугнуть, и они отстанут, но, как будет в этот раз, я не знаю. Но рисковать не хочу.

Она набрала пригоршню сорняков и бросила их в ведро, лоб ее был испачкан землей.

— А пораньше нельзя было сказать? — Она по-прежнему не смотрела в мою сторону.

— Прости. Но тем не менее я все равно хочу, чтобы вы с Алафэр уехали.

— Не хочу показаться напыщенной, Дейв, но я никогда не принимаю решений касательно меня или моей семьи из-за подобных людей.

— Энни, это серьезно.

— Конечно. Для тебя. Ты пытаешься строить из себя крутого полицейского, да семья мешает. Вот ты и решил сплавить нас подальше от Луизианы.

— По меньшей мере, подумай об этом.

— А я уже подумала. Сегодня утром. Целых пять секунд. Даже не думай. — Она прошествовала мимо меня с полным ведром, подошла к овражку на краю участка и вытряхнула туда сорняки.

Вернувшись, она несколько минут серьезно смотрела на меня, потом вдруг рассмеялась.

— Дейв, это уже чересчур. По крайней мере, мог бы предложить нам съездить в Билокси или Гальвестон^[9]. Помнишь, что ты сказал, когда посетил Канзас? «Пожалуй, это единственное место в Америке, которому атомная война пошла бы на пользу». И после этого ты хочешь меня туда отправить?

— Ну ладно, поезжайте в Билокси.

— Не выйдет, сладенький. — Она направилась па задний двор, воинственно помахивая ведром взад-вперед.

* * *

В тот вечер мы отправились на праздник в Сент-Мартинвилль. Движение по главной улице было перекрыто, чтобы люди могли потанцевать, и на импровизированной дощатой эстраде, устроенной прямо на берегу залива, сменяя друг друга, выступали акадский струнный оркестр и рок-группа. На фоне лавандово-розового неба зеленели верхушки деревьев, легкий бриз шевелил листву дубов в церковном саду. По странной причине рок-н-ролл в Южной Луизиане остался таким же, как в пятидесятые годы — в эпоху Джимми Рида, Клифтона Шенье, Фэтса Домино и Альберта Эммонса. Я сидел за деревянным столиком близко к эстраде, слушал музыку и смотрел на танцующих; передо мной стояла тарелка с красной фасолью, рисом и жареным выменем. Энни и Алафэр отправились искать туалет.

Вскоре с запада поползли черные тучи, порывы ветра понесли по улице опавшие листья, скомканные газеты, бумажные тарелки и пластиковые стаканчики. Однако концерт продолжался, всем было наплевать на дождь и гром; в конце концов, жизнь-то одна — так давайте веселиться. Я сидел и размышлял о том, почему мы становимся именно такими, а не другими. Почему я стал пить: были ли то остатки инстинктивной тяги маленького ребенка к бутылочке с соской, а может, дело в генетической предрасположенности или влиянии окружающих. Вспомнился мне сержант из нашего взвода, и я подумал: вот уж на кого окружающая среда никак не смогла повлиять.

Он вырос в закопченном промышленном городке где-то в Иллинойсе, одном из тех мест, где самый воздух пропитан дымом и выхлопами, а река настолько загажена сточными водами и химикалиями, что как-то раз даже загорелась. Он жил с матерью в низеньком двухэтажном доме, и весь мир его ограничивался работой — он служил стрелочником на железной дороге — и пивной да бильярдной в субботу вечером. По всем признакам он должен был стать одним из тех людишек, что обречены прожить серую, безрадостную жизнь, единственными мало-мальски заметными событиями которой стали бы безрадостная женитьба да повышение зарплаты. Ничего подобного — он был отважным человеком, хорошим другом и заботливым командиром, и, когда мое мужество и сметливость отказывали мне, его хватало на двоих. Мы прослужили бок о бок семь месяцев, однако всякий раз, когда я вспоминаю о нем, передо мной встает одна и та же картина.

Мы только что вернулись в лагерь после двухдневного пребывания под палящим солнцем и перестрелки, в которой вьетнамские солдаты были на расстоянии каких-то пяти миль от нас и в ходе которой мы потеряли четверых. Все тело ныло от усталости, и даже сон не спасал. Это была моя дурацкая идея — устроить эту бессмысленную и бесполезную

ночную вылазку; мы моментально напоролись на засаду, были атакованы с флангов и потеряли наших лучших людей. День давно наступил, солнце жарило вовсю, а мне все чудились автоматные очереди из АК-47, вспышками прорезающие черно-зеленый полумрак джунглей.

Тут мой взгляд упал на Дейла, нашего сержанта; склонившись над жестяным тазом с водой, он выжимал свою рубаху. На его загорелой спине отчетливо выступали позвонки, ребра выпирали, а черные волосы были влажными от пота. Он повернул ко мне свое худое славянское лицо. Столько доброты и тепла было в этих глазах, ни одна женщина на меня так не смотрела.

Неделю спустя, когда круживший над деревьями в поисках места для посадки вертолет вдруг завалился на бок и рухнул, он погиб.

Да, личность моего покойного друга явно противоречила всем гипотезам о законах становления характера человека. Тем временем к загородке подкатило с полдюжины мотоциклов «Харли Дэвидсон», на каждом из которых сидело по две женщины, и к толпе танцующих присоединились Клодетт Рок и ее подруги. Наездницы были одеты в промасленные джинсы и черные рубашки с надписью «Харли», под которыми явно ничего не было. Кроме того, их украшали усыпанные заклепками широкие ремни, банданы на индейский манер, цепи, татуировки и сапоги-казаки с металлическими набойками. В руках у каждой была упаковка пива, а из карманов рубах торчали сигаретные пачки. Было в них что-то странно притягательное — как у героинь комиксов про воинов-варваров в кольчугах и кожаных одеждах.

Совсем иначе выглядела жена Буббы. На ней был черный лиф с рисунком из красных сердечек, открывавший для взора пышную грудь, джинсы на бедрах, позволявшие видеть оранжево-пурпурную татуировку в виде бабочки возле пупа. Тут она заметила меня в толпе и двинулась в мою сторону, покачивая бедрами.

Она нагнулась над столиком и улыбнулась мне. От нее разило пивом и марихуаной. В ее глазах играла ленивая улыбка, она закусил губу, словно не давая слететь с языка непристойному предложению.

— Где супруга-то? — спросила она.

— Сейчас придет.

— Она разрешит тебе потанцевать со мной?

— Боюсь, я не очень хороший танцор, миссис Рок.

— Ну, значит, у тебя хорошо получается что-то другое. У каждого есть свой талант.

— Наверное, я — один из тех несчастных, которых природа обделила.

Она томно улыбнулась.

— Солнце спряталось, — сказала она. — А я-то хотела еще подзагореть. Как ты думаешь, я достаточно загорела?

Я ковырнул в тарелке и попытался изобразить на лице добродушную ухмылку.

— Говорят, что у нас в роду были негры и индейцы, — сообщила она. — А мне все равно. Как говорили цветные девочки моей мамы, у черной ягодки сладкий сок.

Тут она сняла пальцем капельку пота, выступившего на моем лбу, и засунула палец в рот. Сидевшие вокруг уставились на меня, и я почувствовал, что краснею.

— Так мы идем танцевать? — И принялась двигать бедрами в такт песне Джимми Клэнтонна, звучавшей со сцены в тот момент. Грудь ее колыхалась, бедра гуляли туда-сюда, она постоянно облизывала губы, точно мороженое ела, и неотрывно смотрела на меня.

Сидевшее за соседним столиком семейство пересело подальше от нас. Синие джинсы плотно обтягивали ее ягодицы, руки с растопыренными пальцами были согнуты в локтях у груди. Танцуя, она опускалась все ниже и ниже, демонстрируя незагорелую верхнюю часть своих буферов всем желающим. Я отвернулся и уставился на сцену и тут заметил, что к нам направляется Энни, держа за руку Алафэр. Энни и Клодетт Рок встретились взглядом и мгновенно все поняли, как это могут только женщины. Но Клодетт несколько не смутилась, в ее красновато-карих глазах продолжала играть ленивая улыбка. Она подмигнула нам, нехотя положила руку на плечо одному из танцевавших поблизости мужчин, и он увлек ее за собой в толпу.

— Кто это? — спросила Энни.

— Жена Буббы Рока.

— Похоже, вы тут без меня славно провели время.

— Судя по всему, она курила «мута».

— Что-что?

— Травку.

— Мне понравилась эта ее оранжевая бабочка. У нее здорово получается ею двигать.

— Она ходила в танцевальную студию. Ладно тебе, ничего такого не было.

— Бабочка? Оранжевая бабочка? — спросила Алафэр. На ней была желтая бейсболка с изображением утенка Дональда, с козырьком в форме клюва, который кричал, если на него нажимали. Я усадил ее себе на колени и пару раз нажал на клюв. Мы все трое рассмеялись, и я был рад, что отвлек внимание Энни. Уголком глаза я успел заметить, как Клодетт Рок танцует с парнем, крепко прижавшись к нему.

На следующий день врач снял швы. Когда я проводил языком в уголке рта, кожа на ощупь напоминала велосипедную камеру. Потом я отправился на собрание анонимных алкоголиков. Вентилятора в комнате не было, стояла духота и воняло сигаретным дымом. Я никак не мог ни на чем сосредоточиться.

* * *

До лета оставалась неделя-другая, и дни становились все жарче. Однажды мы сидели за столиком на веранде и ужинали. Я пытался читать газету, но строчки разбегались у меня перед глазами. Тогда я сходил на станцию посмотреть, все ли лодки вернули, потом вернулся в дом и заперся в дальней комнате, где у меня хранились тяжелоатлетические снаряды и коллекция старых джазовых пластинок. Я поставил старую пластинку с концертом Банка Джонсона и под хрустально-чистые звуки его саксофона принялся поднимать сорокакилограммовую штангу, чувствуя, как с каждым рывком мои мускулы становятся тверже и все быстрее бежит по жилам кровь.

Через четверть часа я порядком вспотел; скинув рубашку, я нацепил тренировочные штаны и кроссовки и устроил себе пробежку вдоль берега залива. Опухоль в паху, появившаяся после удара Эдди Китса, почти полностью спала, дыхание мое было ровным, пульс — в норме. Мне бы радоваться, что в моем немолодом уже теле осталось столько сил и выносливости, но мне было слишком ясно, что эти приятные ощущения не в силах способствовать подъему жизненной энергии; я не замечал ни живописности майских сумерек, ни мерцающих в ветвях деревьев светляков, ни плесканья рыбы в зарослях водяных

лий. Летние вечера в Южной Луизиане сказочно красивы, но теперь я не чувствовал этой красоты.

Странная была ночь. Звезды на темном небе напоминали горящие угольки. Ветра не было, и листья деревьев казались отлитыми из меди. Вода залива была гладкая и неподвижная, как стекло. Когда взошла луна, легкие облачка на темном небе превратились в длинные серебристые перья.

Я принял холодный душ и прилег на кровать рядом с Энни. Она провела пальцами по моей груди. Она лежала близко-близко, и я чувствовал ее дыхание.

— Ничего, Дейв, переживем и это. В семейной жизни всякое бывает. Не стоит расстраиваться.

— Ты права.

— Может быть, я была эгоисткой, хотела, чтобы было так, как хочется мне.

— Ты это о чем?

— Я просто думала, что с твоим прошлым покончено, что ты сможешь взять и вычеркнуть из своей жизни пятнадцать лет службы в полиции Нового Орлеана. Но ведь так не бывает.

— Я сам принял решение уйти со службы. Ты тут ни при чем.

— Ты написал заявление об уходе, вот и все. Но ты не смог уйти.

Я молча уставился в темноту. На наших телах играли лунные блики.

— Может быть, тебе стоит вернуться? — спросила Энни.

— Не стоит.

— Потому что ты думаешь, что одна я на станции не управлюсь?

— Потому что полиция — выгребная яма.

— Говори что хочешь — я-то знаю, что ты чувствуешь на самом деле.

— Я всегда искренне восхищался своим первым напарником. Это был честный, мужественный и добрый парень. Однажды случилась автокатастрофа, и маленькой девочке отрезало руку осколками лобового стекла. Так он кинулся в ближайший бар, набрал льда в полу плаща и завернул в него руку девочки, и потом ее благополучно пришили на место. Но перед тем, как уйти в отставку, он изменился.

— И как же он изменился?

— В худшую сторону. Стал брать взятки, обирать проституток, а однажды застрелил чернокожего подростка.

— У тебя такой возмущенный голос. Ты сейчас взорвешься.

— Я не возмущаюсь. Я констатирую факты. Ты варишься в этом, начинаешь говорить и думать как преступники, потом совершаешь поступок, на который, тебе казалось, ты не способен, — и тогда ты понимаешь: все, я скатился. Это тяжелый момент.

— Но ты-то не такой и никогда таким не станешь. — Она положила руку мне на грудь.

— Потому что нашел в себе силы уйти оттуда.

— Это ты так думаешь. В душе ты так и остался полицейским. — Она положила на меня свою ногу и провела ладонью по моей груди и животу. — Тут одному офицеру не помешает капелька женского внимания.

— Завтра я схожу к монахиням и запишу Алафэр в детский сад.

— Неплохая идея, шкипер.

— А потом мы все вместе сходим в бассейн и где-нибудь в Сент-Мартинвилле поужинаем.

— Как скажете, офицер. — Она крепче прижалась ко мне. — Какие еще будут планы?

— Завтра вечером в парке будет бейсбольный матч. Давайте устроим себе маленький праздник.

— Разрешите вас здесь потрогать? О-о, а я-то думала, офицер такой правильный, на него женские чары не действуют. Мой пупсик, оказывается, неплохой актер.

Она поцеловала меня в щеку, потом в губы, уселась на меня верхом и, смеясь, заглянула в глаза. Ее милое лицо, загорелое тело и пышная белая грудь в лунном свете казались серебристыми. Она приподнялась, помогая мне войти в нее, ее рот округлился; я принялся целовать ее волосы, шею, грудь, гладить ее плечи, спину и упругие бедра. Наконец-то вся усталость и напряжение трудного дня, спрятанные в моем теле, как спрятан солнечный свет в бутылке виски, покинули его, растворились в ритме ее дыхания, в ласке рук и во всей ее любви, огромной, неумолимой и всепоглощающей, как море.

* * *

Сны уводили меня в тысячи мест. Порой мне грезилось, как мы с отцом рыбачим с пироги; рано-рано — еще не растаял предрассветный туман — я забрасываю спиннинг рядом с поваленным стволом кипариса, и вот уже трепыхается на поверхности воды золотисто-зеленый большеротый окунь. В ту ночь мне приснились военные вертолеты; они летели низко-низко над пологом джунглей и реками цвета кофе с молоком. Во сне они летели беззвучно и были похожи на огромных стрекоз на фоне лавандового неба. Когда они подлетели ближе, я увидел стрелка, высунувшегося из кабины и пускавшего очередь за очередью вниз, по деревьям. Поток воздуха, поднимаемый лопастями, пригибал верхушки деревьев, пули вздыбливали воду в реках, стучали по крышам брошенных рыбацких деревень, вспахивали жидкую грязь придорожных канав, взрыхляли рисовые поля. Я видел лицо стрелка — оно казалось испуганным и постоянно дергалось от отдачи автомата. Мне был виден только один его глаз — сощуренный, слезящийся от бездымного пороха, в нем словно в зеркале отражались горящие деревни, жители которых попрятались под землю, как мыши, опустошенные земли и туша водяного буйвола, лежащая и гниющая на жаре. Его руки покраснели и распухли, палец намертво вцепился в спусковой крючок, во все стороны летели стреляные гильзы. Стрелять-то, собственно, было уже не в кого, но он не переставал жать на курок. Он до конца жизни ни на миг не забудет этот уголок земли, который разорил собственными руками, который стал его наркотиком, его карой. Тишина в этом сне была хуже крика.

Я проснулся от раскатов грома, звука подъезжавшей машины и резкого кваканья лягушки-быка на пруду. Меня никогда не интересовало толкование сновидений, мне достаточно было проснуться и понять, что это был всего лишь сон. Во мне еще теплилась надежда, что когда-нибудь подобные сны прекратятся. Помнится, я где-то читал, что Оди Мерфи — самый прославленный американский солдат времен Второй мировой — всегда ложился спать, положив под подушку пистолет 45-го калибра. Наверняка это был славный малый и храбрый воин, но он так и не смог до конца избавиться от воспоминаний о пережитом, они настигали его во сне. Древние греки молились Морфею, чтобы отогнать мстительных фурий. Я просто-напросто просыпался, успокаивался и ждал, когда снова смогу заснуть.

Но слишком много звуков и воспоминаний наполняли ту ночь, и я не смог прибегнуть к своей обычной тактике. Я напялил шлепанцы, прошел на кухню, налил себе стакан молока и, не одеваясь, медленно побрел к пруду. Утки спали, сбившись в кучу в зарослях камыша, вода в пруду напоминала опрокинутое зеркало, в котором отражался небосвод. Я уселся на скамейку близ покосившегося старого сарая и стал глядеть на пастбище и маленькую плантацию сахарного тростника на соседском участке. К одной из стен сарая была прибита ржавая вывеска «Хадакол», по меньшей мере тридцатипятилетней давности.

Производство этого напитка было организовано неким сенатором, и он славился не только содержанием такого количества алкоголя и витаминов, что мертвого поднимет, но и тем, что, собрав определенное количество упаковок, можно было выиграть билеты на шоу, в котором участвовали Джек Демпси, Руди Уолли и канадский великан шести футов росту. Да, как мало надо было человеку для счастья во времена моего далекого детства.

Внезапно с юга сверкнула молния, налетевший порыв ветра взлохматил гладь пруда и зашелестел листвой деревьев в моем саду. Коров уже давно согнали с пастбища, запахло дождем и серой, и я почувствовал, что давление резко упало. Я допил молоко, привалился к стенке сарая и закрыл глаза. Вдыхая свежий, омытый дождем воздух, я понял, что моей бессоннице конец, вот сейчас я вернусь в свою спальню, лягу рядом с женой и крепко просплю до рассвета.

Но, открыв глаза, я увидел, как два темных силуэта, которые незамеченными пробрались сквозь сад, быстро метнулись к крыльцу. Я мгновенно вскочил на ноги, отогнав мысль, что все еще сплю; у меня внутри все оборвалось. Подобное ощущение мне довелось испытать во Вьетнаме, когда противопехотная мина взорвалась прямо у меня под ногами. Я бросился бежать к дому, услышал, как они пытаются взломать дверь, но еще раньше я с ужасом понял, что самым страшным моим кошмарам суждено сбыться в эту ночь и пробуждение не спасет меня. Я споткнулся, скинул шлепанцы и побежал босиком; земля была жесткой, берег усыпан щепками и ржавыми гвоздями, упавшими с просевшей крыши сарая, но я продолжал бежать к дому, крича: «Я здесь! Это я!»

Но звук моего голоса потонул в раскатах грома, стуке дождевых капель о крышу веранды, гулких ударах лома о дверной замок, скрипе петель, сухом щелчке подавшегося замка, когда дверь наконец открылась и они прошли в гостиную. Мой собственный крик, казалось, был не громче комариного писка; тут я услышал пальбу и увидел вспышки огня в окне спальни. Они стреляли и стреляли, с щелчком перезаряжая оружие, вспышки огня озаряли комнату, где моя жена осталась лежать в одиночестве, укрытая простыней. Пули разбили окно спальни, и во двор со звоном посыпались осколки стекла и клочки занавесок, пули искромсали угол деревянной стены, со свистом отскакивали от лопастей вентилятора. Очередная вспышка молнии выхватила из темноты мое побелевшее лицо.

Выстрелы стихли. Я стоял под дождем, запыхавшийся, босой, полуголый, не отрывая взгляда от разбитого окна спальни, откуда сквозь обрывки занавесок на меня воззрился человек с автоматом в руках. Тут я услышал щелчок затвора. Он заряжал обойму.

Я кинулся к стене дома, вжался в кипарисные доски стены и медленно-медленно пополз под окнами к крыльцу. Мне было слышно, как кто-то из них споткнулся о телефонный провод, сорвал аппарат с рычага и швырнул на пол. Ступни мои были разбиты в кровь, на лодыжке зиял рваный порез, но я не чувствовал боли. В голове у меня шумело, во рту пересохло, я судорожно соображал, понимая при этом, что я безоружен, что соседи в отъезде и я бессилен спасти Энни. По моему лбу словно назойливые насекомые ползли

капли дождя и пота.

Оставалось одно — бежать на лодочную станцию, где был телефон. Вдруг дверь распахнулась, и оба стрелявших вышли на веранду; мне было слышно, как скрипят половицы под их ногами. Сначала шаги слышались в одном направлении, потом в другом. Единственное, что оставалось сделать одному из них, чтобы достать меня в упор, — перелезть через перила веранды. Внезапно шаги стихли, и я понял, что что-то привлекло их внимание. По грунтовой дороге в направлении моего дома с грохотом ехал грузовик-пикап, освещая себе путь единственной фарой. Я понял, что это Батист: он жил неподалеку отсюда и наверняка слышал выстрелы даже в такую грозу.

— Ч-черт, грузовик-то, похоже, сюда, — сказал один.

Второй что-то на это ответил, но из-за дождя я не разобрал слов.

— Можешь оставаться здесь и пристрелить его, раз тебе приспичило. Зря я сюда перся. Про бабу ты мне вообще ничего не сказал, — вновь заговорил первый. — С-сука, грузовик поворачивает. Я сматываюсь. В следующий раз сами разбирайтесь.

Я услышал, как он быстро-быстро побежал по ступенькам. Его сообщник некоторое время медлил — я слышал, как скрипит под его ногами пол, — потом резко развернулся и последовал за первым. Они бежали через сад с оружием наперевес, как пехотинцы во время марш-броска.

Я вбежал в спальню и зажег свет; сердце мое так и билось. Пол был усыпан стреляными гильзами и крупными дробинами, на спинке кровати и на цветастых обоях виднелись следы пуль. Простыня, которой она была по-прежнему укрыта, намочла от крови. Она лежала, отвернувшись к стене, ее белокурые волосы разметались по подушке, одна рука безжизненно свисала.

Я коснулся ее ступней, ее залитой кровью икры, я взял ее руку в свои, я гладил ее белокурые волосы. Наклонившись над кроватью, я поцеловал ее глаза, поднял ее руку и поднес ее к губам. Тут меня стало трясти, и я как подрубленный упал на колени возле кровати и уткнулся головой в подушку.

Не знаю, сколько времени я так пролежал, не помню, как поднялся на ноги; тело мое горело, я задыхался, желтый электрический свет резал глаза, на ватных ногах я добрался до комода и дрожащими руками достал из ящика пистолет и снял его с предохранителя. В моем мозгу уже рисовалась картина, как я бегу через сад наперерез их машине, и голос чернокожего парнишки из нашего взвода покричал над самым ухом: «Чарли надоело тут торчать. Бежим в туннель. Надерем им задницы, лейтенант».

Внезапно я понял, что нет никакого парнишки из нашего взвода, что мне все это пригрезилось. Батист стоял рядом со мной и крепко держал мои руки своими черными лапищами, заглядывая мне в глаза.

— Они ушли, Дейв. Оружие не поможет, — сказал он.

— Подъемный мост. Мы перережем им дорогу.

— Не поможет. Они ушли, — повторил он, на сей раз по-французски.

— А грузовик на что?

Он отрицательно покачал головой, потом осторожно забрал у меня пистолет, обхватил меня за плечи, довел до гостиной и усадил на диван.

— Сиди здесь и ничего не делай, — сказал он. Из кармана его джинсов, оттопырившись, торчал пистолет. — Где Алафэр?

Я тупо уставился на него. Он с шумом выдохнул и облизал губы.

— Оставайся тут. Не двигайся. Понял, Дейв? — спросил он.

— Понял.

Он вошел в комнату Алафэр. На черном небе бесновалась молния, и сквозь развороченную дверь в дом проникал холодный ветер. Я закрыл глаза.

Я встал с дивана и на негнущихся ногах прошел в спальню Алафэр. У двери я помедлил, точно горе сделало меня чужим в собственном доме. Батист сидел на краю кровати, держа на коленях судорожно всхлипывавшую Алафэр.

— С ней все в порядке. И ты скоро успокоишься, Дейв. Батист позаботится о вас, вот увидите, — сказал он. — Господи, Господи, как жесток мир к этой малышке.

Он грустно покачал головой.

Глава 6

В день похорон Энни шел дождь. Собственно, дождь шел всю неделю. Вода капала с листьев, стекала ручейками с крыш, собиралась в грязные лужи во дворе; поля и плантации сахарного тростника казались серо-зелеными сквозь пелену дождя. Я встретил в лафайетском аэропорту родителей Энни, прилетевших самолетом из Канзаса, привез их в залитую дождем Нью-Иберия и устроил в мотеле. Отец, рослый фермер с волосами песочного цвета, могучими руками с заскорузлыми ладонями и мускулистыми запястьями, курил сигару и смотрел в окно на раскисшие от дождя окрестности, лишь изредка открывая рот. Мать, плотно сбитая набожная сельская женщина, розовощекая, светловолосая и голубоглазая, пыталась скрыть неловкость, толкуя о перелете из Вичиты и о том, что ей впервые в жизни пришлось лететь на самолете, но голос ее звучал как-то неуверенно, а глаза все время избегали моего лица.

Когда мы поженились, они отнесли ко мне с предубеждением. Я был старше Энни, к тому же лишь недавно бросил пить, а моя служба в убойном отделе, среди преступников, казалась такой же чужой и далекой, как и мой выговор и французская фамилия.

Я был уверен, что они — по меньшей мере, отец — винили меня в гибели дочери. Да и я сам по большому счету винил себя.

* * *

— Похороны в четыре, — сказал я. — Сейчас я отвезу вас в мотель, а в половине четвертого заеду за вами.

— Где она сейчас? — спросил отец.

— В морге.

— Отвези меня к ней.

— Гроб закрыт, мистер Баллард.

— Отвези нас к ней. Немедленно.

Энни похоронили на нашем старинном семейном участке старого кладбища при церкви Св. Петра в Нью-Иберия. Кирпичные склепы там были покрыты слоем белой штукатурки самые старые из них просели и поросли плющом. Дождь заливал бетонные дорожки кладбища и стучал по брезентовому пологу над нашими головами. Когда помогавшие на похоронах сотрудники морга опустили гроб с телом Энни в склеп и собрались запечатать вход мраморной плитой, один из них отвинтил прикрепленное к двери распятие и вручил мне.

Я не помню, как вернулся в лимузин, помню только лица присутствовавших — матери и отца Энни, Батиста и его жены, шерифа, нескольких наших друзей. Путь с кладбища тоже не остался в моей памяти. Единственное, что отпечаталось в мозгу, — струи дождя, что заливали красный кирпич улиц и литую кладбищенскую ограду и стекали по моим волосам на лицо. Свисток товарного поезда где-то вдали — и потом я вдруг осознаю, что стою посреди газона у здания морга с его полыми деревянными колоннами и декоративным фасадом довоенной поры, который от дождя казался серым, и слышу звук отъезжающих машин.

— Пошли в грузовик, Дейв. — Батист тронул меня за плечо. — Давай, ужин готов. Ты весь день не ел.

— Надо отвезти родителей Энни в мотель.

— Они уже уехали. На вот, хоть плащ накинь. Ты же не собираешься стоять здесь и мокнуть, как утка?

Он улыбнулся мне, по его лысой макушке стекали капли дождя, зубы его были большими, как лопаты. Я позволил ему крепко взять меня за руку и отвести к пикапу, где у открытой дверцы в цветастом хлопчатом платье и с зонтом в руке стояла его жена. Все время поездки я тихо сидел между ними. Сперва они пытались заговорить со мною, но потом поняли, что это бесполезно, и я молча смотрел сквозь лобовое стекло на размытую, покрытую лужами дорогу, на мокрые стволы дубов, на легкую, словно навевающую сон, завесу тумана над заливом. Нависшие над дорогой деревья, освещенные серым светом дня, казались тоннелем, сквозь который можно было проникнуть под землю, в холодную закрытую комнату, где раны исцеляются сами собой, где червь не тронет плоть, а приподняв крышку закрытого гроба, можно увидеть сияюще-прекрасное лицо.

* * *

Я вновь вернулся к своей работе на лодочной станции; сдавал напрокат лодки, торговал приманкой, накрывал на стол и откупоривал пивные бутылки, улыбаясь резиновой улыбкой. Я вдруг почувствовал, что окружающие очень добры и внимательны ко мне, как бывает с тем, кто теряет близких; однако вскоре мне уже хотелось бежать от всех этих бесконечных соболезнований, рукопожатий и похлопываний по плечу. Скорбь — эгоистичное чувство, и порой его не хочется ни с кем делить.

Вот так и со мной. Когда следователи во главе с шерифом свернули окровавленные простыни и собрали все гильзы в качестве вещественных доказательств, я запер дверь в нашу спальню, словно заключив в эту комнату всю свою боль и память, которую можно было воскресить поворотом ключа. Когда жена Батиста с ведром и тряпкой пришла замыть кровь с досок пола, я примчался со станции и наорал на нее по-французски, со всей грубостью и бесцеремонностью белого рабовладельца, бранящего черную рабыню; на ее лице появилось выражение обиды и замешательства, она развернулась и побрела к пикапу.

В ту ночь меня разбудил топот босых ног и странный звук, будто кто-то поворачивает ручку двери. Я приподнялся с дивана (оказывается, я заснул в гостиной под работающий телевизор) и увидел, что Алафэр пытается войти в нашу спальню. На ней были пижамные штаны, а в руках — пластиковый пакет, в котором мы хранили черствый хлеб. Ее глаза были открыты, но лицо было как у спящего. Я подошел к ней. Она смотрела на меня невидящими глазами.

— Покормить уточек с Энни.

— Это сон, малышка, — сказал я.

Я попытался забрать у нее пакет, однако ее руки продолжали крепко сжимать его, она продолжала двигаться вперед с упорством лунатика. Я погладил ее волосы и легонько потрепал щеки.

— Пойдем-ка обратно в постельку, — сказал я.

— Покормим уточек с Энни?

— Мы покормим их утром. Завтра, — добавил я по-испански. Я попытался улыбнуться и поднял ее на ноги. Она схватилась за ручку и повертела ее туда-сюда.

— Где она? — спросила Алафэр по-испански.

— Она ушла, малышка.

А что еще я мог сказать? Я подхватил ее на руки, отнес в ее комнату, уложил на кровать и накрыл простыней. Присев рядом, я погладил ее мягкие волосы. Она лежала на кровати, залитая лунным светом, маленькая и несчастная. Вдруг ее глаза открылись, губы задрожали, совсем как тогда, в церкви, она посмотрела на меня, и я со сжавшимся сердцем понял, что она догадалась: а как же иначе — ведь мир, в котором она появилась на свет, был гораздо страшнее любого ночного кошмара.

«Les soldados llegaron en la lluvia y le hicieron dan o a Annie?»^[10]

Единственными словами, которые я понял, были «солдаты» и «дождь». Но даже если бы я понял все, все равно не смог бы ей ответить. Пожалуй, мне самому требовался ответ на этот вопрос, ибо теперь я навечно обречен спрашивать себя, почему я ушел из дома, чтобы предаться воспоминаниям о прошлом и пытаться побороть свой алкогольный невроз именно тогда, когда моя жена больше всего нуждалась во мне?

Я притянул Алафэр к себе и прилег рядом. Ее ресницы были мокры от слез.

* * *

В один прекрасный день, когда на голубом небе витали легкие облачка, а работа шла своим чередом — словом, без всякого видимого повода, — я откупорил бутылку пива «Джэкс», поглядел, как с янтарного горлышка стекает пена, орошая дощатый пол моего магазинчика, и залпом выпил. Двое моих приятелей-рыбаков, сидевших в этот момент за деревянным столиком поодаль, переглянулись; лица их словно окаменели. В наступившей тишине я услышал, как Батист, чиркнув спичкой, закурил сигару. Когда я взглянул на него, он швырнул спичку в окно, и она с шипением упала в воду. Он отвернулся от меня и стал смотреть в окно, пуская дым.

Я достал бумажный пакет, сунул туда пару бутылок пива, насыпал сверху льда и сунул пакет под мышку.

— Я прокачусь на лодке вдоль залива, — сказал я ему, — через час-другой закрой станцию и присмотри за Алафэр, пока я не вернусь.

Он молчал, не отрывая взгляда от залитого солнцем залива и прибрежных зарослей тростника и водяных лилий.

— Слышишь меня? — переспросил я его.

— Ты делай что хочешь. Можешь не беспокоиться, о малышке я позабочусь. — Он отправился в дом, где Алафэр раскрашивала книжку, сидя на ступеньках крыльца.

Я сел в лодку и поплыл вдоль берега, наблюдая, как приливная волна с пеной разбивается о стволы кипарисов. Всякий раз, когда я подносил бутылку ко рту, ее пронизывал солнечный луч. Я плыл бесцельно: не выбирал ни направления, ни пункта назначения, у меня не было планов не только на этот день, но даже на ближайшие пять минут. Да и какой прок в планах? Ни лесной пожар, ни наводнение, смывшее городок в штате Кентукки, не имели никаких планов, как не было их и у молнии, что поразила фермера в вымокшем поле. И никто ведь ничего не заметил! Раз строить планы

бессмысленно, с какой стати я, Дейв Робишо, должен был что-то планировать? Так что я решил пустить все на самотек. Американская военная политика давно оценила преимущества подобной тактики. Суть проста: какой-нибудь политически нестабильный и географически неудобный регион объявляется зоной свободного огня; ну а потом, стоя посреди сожженной напалмом земли, можно было преспокойно придумать причину: зачем, собственно, нужно было нападать на несчастную страну.

К вечеру у меня кончилось горючее; днище лодки к тому времени было усыпано пустыми бутылками из-под пива и размокшей коричневой бумагой, а от растаявшего льда образовалась изрядная лужа. Я подгрел к берегу, бросил якорь, выбрался из лодки и в сумерках добрал до ближайшей закуской, где купил упаковку пива и полпинты «Джим Бим». Затем я вернулся в лодку, выгрел на середину и предоставил свое суденышко воле течения. Над моей головой кружили светляки, поодаль на поверхности показалась голова стремительно плывущего аллигатора. Я отхлебнул виски и запил его пивом. Виски всегда действовало на меня по-разному: иногда мгновенно воспламеняло изнутри, как в момент сгорают в огне кусок целлофана, иногда же я мог пить целыми днями, впадая в состояние тихой эйфории и при этом полностью себя контролируя, так что вполне мог сойти за трезвого. Тогда-то мне в голову и начинали лезть неприятные воспоминания, которые мне хотелось спалить напрочь, как фотопленку на горячих углях.

Вот и теперь вспомнилось мне, как мы с отцом однажды отправились на утиную охоту. Мне в ту пору было лет тринадцать. Мы устроили засаду на берегу пролива Сабин, как раз возле того места, где он впадает в Мексиканский залив, день выдался пасмурный и ветреный, местность кишела дикими утками и прочей водяной птицей, и с утра нам удалось настрелять достаточно. Но через какое-то время отец стал отвлекаться, вероятно, потому, что вечером порядком набрался, в дуло его двенадцатизарядного дробовика забились грязь, и когда высоко над нами — слишком высоко для хорошего выстрела — пролетели три канадских гуся, он встал в позу, прицелился, неловко повернув ружье под углом к моей голове, и выпустил всю обойму. В воду посыпались обрывки пыжа, мелкая дробь, порох и стальные иглы. Я стоял, оглушенный выстрелом, все лицо было в черных точках горячего пороха, точно в крупницах молотого перца. Потом я помню, как он вытирал мне лицо влажным носовым платком, в его глазах застыло выражение стыда, а изо рта разлило пивом. Он попытался отшутиться, мол, вот что бывает с теми, кто забывает ходить в церковь, но мне было слишком знакомо это выражение его глаз — оно появлялось всякий раз, когда его запирали на ночь в участке за дебош в каком-нибудь баре.

До нашего лагеря была всего четверть мили — достаточно было переплыть залив, и там, среди зарослей травы и тростника, стояла хижина на сваях. Он сказал, что только возьмет другой дробовик и вернется, а я в это время могу начать ощипывать и потрошить уток, лежавших аккуратной кучкой на смятой пожухшей траве. Вдобавок эти гуси скоро опять прилетят, — добавил он.

Но стоило ему сесть в лодку, как он тут же налетел на полузатонувшее бревно и сломал винт, как тростинку.

Я прождал его два часа, мой нож уже был весь в крови. С юга подул колючий ветер, небо еще больше нахмурилось, с тexasского побережья доносились выстрелы — там тоже кто-то охотился на уток.

На берегу была привязана чья-то пирога. Я разрядил дробовик, собрал ловушки для птиц, сложил выпотрошенные тушки уток в холщовый ягдташ и, разместив все это на носу

лодки, сел в нее и поплыл к нашей хижине.

Тем временем ветер переменялся и задул резкими порывами с северо-востока, и, как усердно я ни работал веслами, меня продолжало неумолимо сносить в сторону Мексиканского залива. Я греб и греб, стирая в кровь ладони; попытался было бросить якорь, но по тому, как натянулась веревка, понял, что он не достигает дна, и в отчаянии посмотрел на стремительно удаляющийся берег Луизианы.

Волны бросали мне в лицо хлопья пены, я чувствовал соленый вкус морской воды; волны играли моей пирогой, точно скорлупкой, я намертво вцепился в борта лодки, и каждый раз, когда деревянное днище лодки ударяло мне по копчику, сердце мое сжималось от испуга. Я попытался вычерпать воду консервной банкой, да только весло потерял; его стремительно унесло течением. Потоки воды заливали лежавший на носу лодки груз; рядом со мной плыли вырванные с корнем кипарисы и даже перевернутая деревянная хибара с крыльцом, похожим на разверзнутую пасть, жадно глотающую воду.

Вскоре меня подобрал небольшой рыболовный катер, на борту которого находился и мой отец. Меня обсушили, переодели, накормили горячими бутербродами и напоили какао с молоком. Но с отцом я стал разговаривать только на следующее утро: сон помирил меня с ним, чего не смогли сделать его объяснения про винт.

— Все оттого, что тебя бросили. Когда тебя кто-то бросает, неважно почему, ты очень злишься. Когда твоя мама сбежала от меня с тем типом, мне было плевать, что это я ее довел. Я уложил его на землю у нее на глазах, а когда он попытался встать, я снова ему врезал. Потом я узнал, что у него в кармане был пистолет и ему ничего не стоило пристрелить меня прямо там. Но она не позволила ему, она знала, что я успокоюсь; и я на тебя не сержусь, потому что знаю, что ты сейчас чувствуешь.

Самое противное, Дейв, это когда ты остаешься один по своей вине. Прямо как енот, Дейв: когда он попадает в капкан, то отгрызает собственную лапу, чтобы удрать.

И вот теперь, когда я сидел в лодке посреди залива, смотрел на розовое закатное небо и пурпурные облака, плывущие с запада, и глотал теплый воздух пополам с виски — теперь-то я понял, что тогда имел в виду мой отец.

У енота острые зубы, ему небось хватает двух минут. У меня же впереди была целая ночь, чтобы проесть себя до костей. И вот я нашел идеальное место, чтобы это сделать, — небольшой бар, выстроенный из красного кирпича, стоявший в стороне от грунтовой дороги, в сени дубовых деревьев. Одно из тех местечек, где у каждого в кармане опасная бритва, где безбожно смешивали бурбон с чем ни попадя, а музыка была оглушительной — аж стекла тряслись. Через два дня пышногрудая негритянка в пурпурном платье подняла мою голову из лужи пива. Солнце едва-едва взошло, и его лучи заливали окна равномерным белым пламенем.

— Твое лицо — не тряпка, милый, — сказала она, глядя на меня сверху вниз, уперев руку в бок; в пальцах у нее дымилась сигарета.

Затем она ловко сунула руку в задний карман моих брюк, извлекла оттуда мой бумажник и открыла его. Я обессилено смотрел на нее.

— Я не краду деньги у белых, — вновь заговорила она, — они мне их сами отдают. Обман, торговля или путешествие, милый; похоже, что тебе выпадает путешествие.

Она сунула мой бумажник обратно, смяла в пепельнице свою сигарету и направилась к телефону на стойке, а я так и остался сидеть, размякнув в кресле, с мокрой от пива щекой и больной головой. Минут через десять автомобиль шерифа округа Сент-Мартин доставил

меня на берег, где ждала моя лодка, и оставил там, одинокого, больного и дрожащего.

* * *

Когда я наконец добрался до лодочной станции, я попросил Батиста посмотреть за Алафэр еще денек и три часа проспал на диване с включенным вентилятором, потом встал, побрился и принял душ, думая, что к концу дня приду в норму. Но вскоре у меня в желудке начались жуткие спазмы, и некоторое время я провел, склонившись над раковиной.

Потом я опять залез в ванну и пятнадцать минут простоял под холодным душем, почистил зубы, надел чистые штаны и джинсовую рубашку и заставил себя съесть чашку мюсли. Даже после холодного душа при работающем вентиляторе рубашка на мне вмиг пропиталась потом.

Я забрал Алафэр у Батиста и отвез ее к своей двоюродной сестре, учительнице-пенсииерке, которая жила в Нью-Иберия. Мне было мучительно неудобно, что приходится таскать Алафэр из одного дома в другой, я и так уже пропьянствовал два дня, а ее совсем забыл; но иного выхода у меня не было, ведь и Батист, и его жена работали, а сам я был слишком измотан душевно и физически, чтобы позаботиться о себе, не говоря уже о ком-то еще. К тому же существовала вероятность, что убийцы могут вернуться в дом.

Я попросил сестру присмотреть за Алафэр пару дней, а сам поехал в здание суда, чтобы встретиться с шерифом. Но когда я припарковался перед зданием суда, то уже взмок от пота, на влажных ладонях ясно отпечатались следы руля, а голова гудела. Я добрал до бильярдной на Мейн-стрит, и там, в прохладном баре, наслаждаясь ветерком от вентиляторов, выпил три порции коктейля, наконец ощутив, как понемногу отпускает жуткое похмелье, последствие вчерашнего виски.

Но я знал, нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, иначе завтра я сделаю то же самое, и так далее, и так далее, и в конце концов мой долг вырастет до чудовищных размеров; так раздувается голодный удав, проглотивший кролика. Но тогда мне было наплевать. Энни погибла из-за того, что я не смог расстаться с прошлым. Я ушел из новоорлеанского полицейского управления — вечно пьяный мальчик на побегушках, который вообразил, что ему до чертиков надоели лицемерие и жестокость правоохранительной системы большого города, на самом же деле я наслаждался всем этим, упивался своим знанием человеческих пороков, и мне была противна обычная жизнь, тоскливая и однообразная; мой отравленный алкоголем организм привык к адреналину, прилив которого он испытывал, почуяв опасность.

Я купил бутылку водки, но не притронулся к ней до утра.

* * *

Сто грамм, которые я выпил за завтраком, жгли стенки желудка. Мне пришлось полчаса обтираться мокрым полотенцем, чтобы перестать потеть, я почистил зубы, побрился, принял душ, надел кремового цвета брюки, черную рубашку-поло, галстук в красно-серую полоску и через полчаса уже сидел напротив шерифа. Тот писал, время от времени с любопытством поглядывая на меня и в нерешительности слушал мои слова.

— Тебе жарко? Ты весь красный, — сказал он.

— А ты на улице был? Жара дикая.

Он рассеянно кивнул, почесал ногтем щеку в красно-синих прожилках и положил перед собой чистый лист бумаги. Через застекленную дверь его кабинета я видел, как склонились над своими столами его помощники. Здание было новым и обладало особым прохладным, кондиционированным запахом современного офиса, однако помощники шерифа остались прежними долговязыми недотепами, и даже плевательницы возле каждого стола никуда не делись.

— Откуда ты знаешь об открытии нового участка?

— В газетах писали.

— Дейв, служащие этого участка будут получать около восемнадцати тысяч в год. В Новом Орлеане тебе платили гораздо больше. Неужели ты согласишься на столь низкое жалование?

— Не в деньгах дело. У меня есть лодочная станция и собственный дом, а мне больше ничего и не надо.

— Несколько моих помощников метят на этот пост. Им это не понравится.

— Их проблемы.

Он сунул лист бумаги в ящик стола и воззрился на меня. По выражению его лица было очевидно, что некая мысль не дает ему покоя с тех пор, как я высказал свою просьбу.

— Я никому не собираюсь давать жетон шерифа, чтобы развязать ему руки, — наконец сказал он.

— Ну, для этого мне жетона не потребуется, — ответил я.

— Еще как потребуется.

— Я был хорошим полицейским и нарушал правила только тогда, когда меня вынуждали.

— Я знаю. Но мы говорим не о прошлом, а о настоящем, Дейв. Ты хочешь сказать, что сможешь быть объективен, расследуя убийство собственной жены?

Я облизнул губы. Хмель вдруг со страшной силой ударил мне в голову. Спокойно, думал я, стиснув зубы, у тебя почти получилось.

— Когда расследуешь любое убийство, очень трудно быть объективным, — возразил я. — Когда ты догадываешься, чья это работа, то начинаешь разыскивать этих парней. Как говорил мой старый напарник: «Ловишь их и lupишь по задницам». Но я никогда не убивал зазря, я скручивал им руки за спиной и доставлял в участок, хотя вполне мог оставить их валяться на тротуаре, и ничего бы мне за это не было. Послушай, некоторые из твоих помощников, должно быть, иногда выходят за рамки дозволенного. А все оттого, что они непрофессионалы. Когда-нибудь они бросят это дело и пойдут содержать бары, водить грузовики или просто поколачивать своих жен. Им никогда не стать настоящими полицейскими.

Он моргнул.

— Они могут нарассказать тебе, что парень сопротивлялся во время задержания, а иной раз их пошлешь арестовать проститутку, а они даже не смогут ее найти, а уж если отправить их в негритянские кварталы, они весь город на уши поставят.

— Дело не только в этом, Дейв. Выпивка.

— Если я стану неадекватен, можете меня уволить.

— Все в округе любят и уважают тебя, Дейв, — сказал он. — И мне не нравится, что ты

опять берешься за старое.

— Со мной все в порядке, шериф, — ответил я, заглянув ему прямо в глаза. Не хотелось обманывать ничего не подозревавшего человека, но куда мне было деваться? Козырей у меня на руках почти не осталось.

— Такое впечатление, что ты недавно... эээ... перегрелся на солнце, — сказал он.

— Я пытаюсь бороться с этим. В основном успешно. Если я когда-нибудь заявлюсь на работу нетрезвым, можете смело меня уволить, вот и все. Как вы думаете, где сейчас убийцы Энни?

— Не знаю.

— Они занимаются своими делами, снимают девочек, а может быть, сидят в баре и потягивают мятный коктейль. Они чувствуют в себе столько силы, сколько нам с вами и не снилось. Я слышал, как кто-то из них сравнивал это с «приходом».

— Почему ты мне все это рассказываешь?

— Потому, что знаю, о чем они сейчас думают. Не думаю, что тебе и твоим помощникам это известно. Знаешь, что они сделали сразу после того, как убили Энни? Они отправились в бар, не в первый попавшийся, нет, они тщательно выбирали, в какой именно, потом молча сидели там, курили и потягивали «Джек Дэниэлс». Захмелев, они посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись... Посмотрим с другой стороны. Какие у вас на них улики?

— Гильзы и пули, которые мы извлекли из стены и подобрали с пола, ну, еще монтировка, которую они бросили на крыльце, — ответил он.

— Но ни одного отпечатка.

— Нет.

— Выходит, почти ничего. Остаюсь я. Убивать приходили меня, а не Энни. Вскоре все ваше расследование к этому и сведется. Вам придется допрашивать меня что ни день.

Он облокотился о письменный стол и закурил сигарету, задумчиво глядя на своих помощников, один из которых в это самое время нагнулся над плевательницей и сплюнул.

— Мне надо переговорить с людьми, но, думаю, проблем не будет, — сказал он наконец. — Но учти, Дейв, тебе придется заниматься не только расследованием убийства своей жены, но и выполнять множество рутинной работы, как обычному полицейскому.

— Разумеется.

Он выпустил клуб дыма и сквозь него посмотрел на меня: не изменилось ли выражение моего лица? Потом, словно отгоняя непрошеную мысль, он спросил:

— Как ты думаешь, кто мог это сделать?

— Не знаю.

— За день до убийства ты сказал то же самое; тогда я тебе поверил. Но прошло уже почти две недели, и у тебя наверняка появились гипотезы на сей счет. Я не хочу думать, что ты чего-то не договариваешь и все-таки решил действовать самостоятельно.

— Просто слишком у многих был мотив. К примеру, у этого новоорлеанского бармена рука на любого поднимется, а я не только сунул его башкой в вентилятор и приставил пистолет к самому его носу, я еще и натравил на него Буббу Рока, так что ему пришлось убраться из города. Я врезал Эдди Китсу кием по физии на глазах у его проституток, пришел в дом к Буббе Року и сказал: если узнаю, что это он подослал ко мне Китса и гаитянина, то ему придется пенять на себя. Возможно, это был Туут и еще кто-то, кого я не знаю. Может быть, заезжие наемные убийцы, которых подослали Бубба или Эдди Китс. А может быть, кто-то из прошлого. Иногда случается, что человек выходит из тюрьмы и начинает мстить.

— В Новом Орлеане считают, что бармен уехал на острова.

— Может быть. Хотя сомневаюсь. Этот Джерри — крыса, а крысы прячутся в норы. Буббы он боится гораздо больше, чем полицейских, так что вряд ли сейчас нежится на пляже. К тому же он — маменькин сынок и никуда далеко от мамочки не спрячется.

— Честно сказать, Дейв, этот случай поставил меня в тупик. Я никогда раньше не сталкивался с подобными преступлениями. Я послал людей допросить Эдди Китса, а он только ковырял в носу и заявил им, что пусть они либо арестуют его, либо убираются вон. А бармен и одна из работавших на него девиц показали, что в ночь убийства Энни он был в своем клубе.

— Так вы что, допрашивали их по отдельности?

— Не знаю, — смущенно ответил он.

— Ничего. Мы поговорим с ними позже, — сказал я.

— Я лично ходил к Буббе Року. С такими, как он, невозможно иметь дело. Хоть кол на голове теши, ему все нипочем. Помню, лет тридцать назад это было: когда в парке Бубба, пацан еще, не смог отбить мяч и его команда проиграла; стоит он после матча, мороженое ест, тут к нему подлетает его папаша и давай лупить его по ушам. А тот смотрит на него и хоть бы хны.

— И что он тебе сказал?

— Что был дома и спал.

— А его жена что говорит?

— В ту ночь она была в Новом Орлеане. Так что алиби у Буббы нет.

— А оно ему и не нужно. Бубба гораздо более ловкий парень, чем всякие Эдди Китсы.

— Он сказал, что ему очень жаль Энни. По-моему, он был искренен.

— Может быть.

— Сдается мне, что ты считаешь его законченной скотиной.

— Так и есть.

— Чего ты хочешь этим добиться?

Про себя я подумал, что любой легавый, который рискнет считать Буббу Рока невинным гражданином, вряд ли многого добьется. Однако я предпочел промолчать об этом и лишь спросил, когда я смогу получить звезду шерифа.

— Через пару-тройку дней, — ответил он. — А пока советую тебе немного успокоиться. Рано или поздно мы найдем этих парней.

Как я неоднократно отмечал, человек он был честный, но, к сожалению, мир большого бизнеса занимал его мысли гораздо сильнее, чем полицейские обязанности. Как правило, большинство преступников остаются безнаказанными. В Нью-Йорке наказание за свои преступления несут лишь около двух процентов преступников, а в Майами этот показатель составляет четыре процента. Если вы хотите узнать, какая группа населения наиболее критично и враждебно относится к нашей системе правосудия, не тратьте время на членов разного рода радикальных партий; опросите методом случайной выборки десятков жертв преступлений, и по сравнению с ними любые самые экстремистски настроенные политиканы покажутся вам наивными мечтателями.

Я пожал шерифу руку и вышел на улицу; стоял влажный и душный полдень. На придорожных пастбищах коров сгоняли в тень дубов, а на дороге белые цапли ковыряли коровьи лепешки длинными клювами. Я ослабил галстук и вытер рукавом пот со лба.

Пятнадцать минут спустя я сидел в прохладном полутемном баре и держал в руке

завернутый в салфетку бокал «коллинса»; однако никак не переставал потеть.

* * *

Водка — старый друг большинства тех, кто пьет втихаря. У нее нет ни цвета, ни запаха, ее можно смешивать практически с чем угодно — никто тебя ни в чем не заподозрит. Основным ее недостатком для меня, как любителя виски, было то, что она так легко и незаметно пьется в бокалах, наполненных колотым льдом, кусочками фруктов, сиропом и засахаренными вишенками, и практически не замечаешь, что ты уже пьян в стельку.

— Вы, кажется, сказали, что уйдете в четыре? — спросил меня бармен.

Он указал глазами на часы с подсвеченным циферблатом, висевшие над барной стойкой. Я поднял глаза и попытался сфокусировать взгляд на стрелках и цифрах. Моя ладонь скользнула в карман рубашки.

— Ч-черт, кажется, я забыл очки в машине.

— Больше пяти.

— Вызовите мне такси, ладно? Н-не возражаете, если я оставлю свой грузовик на вашей парковке?

— На сколько? — Он мыл бокалы, не глядя на меня, и говорил тем бесцветным голосом, которым обычно стараются скрыть раздражение к определенным клиентам.

— Скорее всего, до завтра.

Он не удостоил меня ответом, вызвал такси и продолжил мыть стаканы в алюминиевой раковине.

Через десять минут подъехало такси. Я допил свой коктейль и поставил бокал на стойку.

— А за грузовиком я кого-нибудь пришлю, — сказал я бармену.

Я вернулся домой в такси, уложил в чемодан две смены белья, попросил Батиста отвезти меня в аэропорт и в половине седьмого уже летел коммерческим рейсом в Ки-Уэст через Майами.

Я прихлебывал свое второе виски с содовой и смотрел в иллюминатор на синеватые воды вокруг западной оконечности острова, там, где Мексиканский залив впадает в Атлантику, на волны, разбивавшиеся о коралловые рифы и лижущие песок ослепительно-белых пляжей. Четырехмоторный самолет начал снижаться, описал большой круг над океаном и, постепенно выравниваясь, направился к аэропорту; показалась узенькая полоска шоссе, соединяющего Ки-Уэст с Майами, кокосовые пальмы вдоль пляжей, лагуны с белыми пятнами прогулочных катеров и яхт, приливные волны, приносящие на берег ленты бурых водорослей, волны, вдребезги разбивающиеся о прибрежный мол, и как-то вдруг — ровные ряды деревьев и неоновые огни улиц самого города в пурпурных лучах заходящего солнца.

Ки-Уэст — это город дикого винограда, фикусов, магнолий, красного дерева, королевских и кокосовых пальм; город балконов, засаженных геранью и жасмином и увитых кроваво-красной бугенвиллеей. Он был построен на коралловом песке, с трех сторон окружен водой, и под воздействием соленого ветра краска на деревянных постройках приобрела бесцветно-серый оттенок. В разное время город этот населяли то индейцы, то головорезы Жана Лафита — они заманивали торговые корабли на рифы и грабили их; здесь

жил Джеймс Одюбон^[11], кубинские политические эмигранты, художники, гомосексуалисты, наркоторговцы и всякий сброд, которому просто некуда больше ехать.

В Ки-Уэст полно маленьких пивных, забегаловок, где можно отведать сырых устриц, ресторанчиков, пропахших вареными креветками, оладьями с начинкой из моллюсков и жареной рыбой, маленьких бухточек, где рыбаки расставляют сети на омара, кирпичных пакгаузов и государственных оружейных заводиков XIX века. На тенистых улочках стояли наспех сколоченные дома с деревянными ставнями и покосившимися верандами. Из-за летней жары туристов почти не осталось, и ничто не нарушало обычный ритм жизни. По дороге в мотель таксисту пришлось заехать на заправку, и некоторое время я просидел в машине, глядя на пожилых негров, сидевших на пустых ящиках близ бакалейной лавочки, на корни фикуса, пробуравившие бетонный тротуар, на залитые тусклым вечерним светом мощеные улицы и темные верхушки деревьев, и почудилось мне, что вовсе я и не уезжал из Нью-Иберия на поиски лишних неприятностей.

Но я-то уехал.

Я поселился в мотеле на южной оконечности острова и заказал в номер бутылку виски и ведро льда. Потом выпил пару порций, предварительно разбавив виски водой, принял душ и переоделся. Посмотрев в окно, я увидел трепещущие на ветру кокосовые пальмы и красное закатное солнце, окрасившее воду в цвет бургундского вина. Коралловые рифы образовали возле самого берега небольшую естественную гавань, где покачивались на рейде несколько парусных лодок. Я распахнул окно, чтобы впустить прохладный бриз, потом вышел и отправился по Дюваль-стрит к ресторану моего приятеля, где работала официанткой Робин.

Однако не успел я пройти и пары шагов, как в желудке у меня вновь заурчало. Я заглянул в бар «У Джо» и заказал выпивку, пытаюсь привести мысли в порядок. Вообще-то, не все, что я сегодня сделал, представлялось мне поспешным решением. Робин действительно была моим лучшим «контактом» из всех, кто связан с новоорлеанским сбродом, работавшим на Буббу Рока, и мне пришлось звонить своему другу по междугородке, чтобы убедиться, что она все еще работает в его ресторане; но ведь я мог попытаться расспросить ее и по телефону, прежде чем срываться в Ки-Уэст.

Этот вывод заставил меня признать, что по правде единственной причиной, по которой я приехал, было сосущее чувство одиночества. Вдобавок когда ты с трудом себя контролируешь. А еще ты снова пьян и неизвестно, чем это все кончится. А еще... еще музыкальный автомат играет «Сладкий».

— Что это у вас за старье играет? Этой песне уже, поди, лет двадцать, — спросил я у бармена.

— О чем это ты?

— Нового у вас ничего нет? 1987-й на дворе.

— Автомат сломан, парень. И вообще, полегче, а?

Я вышел на улицу. Мое разгоряченное от выпивки лицо оведал теплый ветер. Возле бара был маленький пирс; некоторое время я простоял, глядя, как волны заливают деревянный настил и как снуют в воде маленькие рыбки, вспыхивающие тусклым зеленоватым светом.

Ресторан был полон, а хорошо освещенный чистый бар вполне подходил, чтобы пропустить пару рюмок перед ужином. Когда я вошел, то почувствовал себя ныряльщиком, покинувшим свой батискаф и погружившимся в сверкающе-враждебное подводное царство.

Метрдотель внимательно посмотрел на меня. Я, конечно, поправил галстук и попытался

разгладить мятые полы пиджака, но мне все-таки стоило надеть темные очки.

— У вас заказан столик, сэр? — спросил он.

— Скажите Робин, что приехал Дейв Робишо. Я подожду в баре.

— Простите?

— Скажите ей, что здесь Дейв из Нового Орлеана. Мою фамилию трудно воспринять на слух.

— Сэр, я советую вам встретиться с ней в нерабочее время.

— Послушайте, вы наверняка прекрасно разбираетесь в людях. Посмотрите на меня.

Разве похоже, что я собираюсь уходить?

Я заказал выпивку и через пять минут увидел ее. На ней было короткое черное платье и белый фартук, ее фигура и танцующая походка заставляли мужчин искоса поглядывать на нее. Она улыбнулась мне, но в ее глазах я прочел замешательство.

— И ты проделал такой путь из-за меня? — спросила она.

— Как ты, детка?

— Неплохо. Ничего себе работенка. Эй, не вставай.

— Ты когда заканчиваешь работу?

— Через три часа. Пойдем, посидишь со мной. Блин, тяжелый-то какой.

— Пьяный ветер дул сегодня утром в Нью-Иберия.

— Ладно, пошли-ка с мамочкой и закажем что-нибудь поесть.

— Я ел в самолете.

— Оно и видно, — усмехнулась она.

Мы уселись в обтянутые светло-коричневой кожей кресла по ту сторону бара. Она закурила сигарету.

— Дейв, что ты делаешь? — спросила она.

— О чем ты?

— Об *атом*. — Она постучала ногтем по моему бокалу виски с содовой.

— Надо же иногда расслабиться.

— Ты что же, с женой поругался?

— Закажу-ка я себе еще порцию. Ты-то что будешь, кофе или кока-колу?

— Буду ли я кофе? Bravo, Дейв. Послушай, я постараюсь смыться пораньше, вот только кончится запарка с ужином. Вот тебе ключ от моей квартиры, и через часик я подойду. Это недалеко.

— У тебя дома есть что-нибудь выпить?

— Пара бутылок пива, и все. Я тут хорошо себя веду, Дейв. Никаких колес, никакой выпивки. Ты не представляешь, как хорошо я себя чувствую по утрам.

— Встретимся «У Джо».

— Что ты там забыл? Туда ходят какие-то придурки из колледжа, которые где-то слышали, что на стены тамошнего туалета ссал Эрнест Хемингуэй... бррр...

— Увидимся через час, детка. Ты — прелесть.

— Ага, посетители бара «Улыбка Джека» мне тоже так говорили. Особенно когда пытались пощупать. По-моему, сегодня утром тебе прямо в башку угодила молния.

Когда примерно через час она появилась «У Джо», я сидел в одиночестве за одним из дальних столиков, поток воздуха от напольного вентилятора колыхал мою штанину, а мокрый рукав моего полотняного пиджака, висящий на стуле, хлопал на ветру, точно вывешенная на просушку простыня. Большая раздвижная дверь была нараспашку, и были

видны пурпурные огни улицы. Двое полицейских пытались задержать пьяного, причем вели себя крайне бесцеремонно. Ему светила кутузка.

— Пошли, лейтенант, — сказала она.

— Подожди-жди-ка, пусть легавые свалят. Башка так и кружится. Ки-Уэст не место для неприятностей.

— Стоит мне тряхнуть сиськами, они шляпы снимают. Такие джентльмены. Хватит пить, пошли.

— Я должен рассказать тебе кое-что. Про мою жену. А потом ты мне поподробнее расскажешь кое о ком из наших новоорлеанских знакомых.

— Завтра утром. Сегодня вечером мамочка будет готовить тебе бифштекс.

— Ее убили.

— Что?!

— Расстреляли в упор из обрезов. Да, такие дела.

Она уставилась на меня, открыв рот. Ее ноздри побелели.

— Ты хочешь сказать... что Бубба Рок убил твою жену?

— Может быть, он. А может, и нет. С такими, как Бубба, никогда точно не знаешь.

— Дейв, мне очень жаль. Господи Иисусе. А я тут при чем? Господи, я не верю.

— Ты тут ни при чем.

— Если бы так, ты бы не приехал.

— Я просто хотел расспросить тебя кое о чем. Да и просто увидеть.

— Наверное, потому-то ты неровно дышал ко мне, когда еще не был женат. Ладно, поговорим об этом, когда просохнешь. — Она осмотрелась; поток прохладного воздуха ерошил ее короткие черные волосы. — Это местечко — дыра, и вообще весь город — дыра. Полным-полно лесбиянок и проституток из Нью-Йорка без гроша. Зачем ты только меня сюда отправил?

— Ты же вроде сказала, что здесь неплохо.

— Как мне может быть неплохо, когда у людей жен убивают? Ты, видать, сам полез на рожон, Дейв. Не послушал мамочку.

Вместо ответа я потянулся к стакану.

— Не выйдет, милый. Сегодня мы больше пить не будем. — Она забрала у меня стакан и вылила его содержимое прямо на стол.

Она жила на втором этаже ветхого оштукатуренного дома с красной черепичной крышей на углу Дюваль-стрит. Одну из стен разрушал огромный баньян, а крошечный двор зарос травой и лохматыми бананами. Квартира Робин состояла из крошечной кухни и спальни, отгороженной шторкой, а диван, обеденный стол и стулья будто привезли с распродажи подержанных вещей.

Робин была доброй и старалась от чистого сердца, но стряпня ей не удалась — в особенности с точки зрения человека, чей желудок был отравлен алкоголем. Бифштекс подгорел, картошка плавала в жутковатой смеси жира, сажи и пережаренного лука; кухня пропиталась дымом и запахом неаппетитной стряпни. Я попытался съесть хоть немного, но не смог. Алкоголь выжег мое нутро, кожа на лице стала серой и жесткой; такое впечатление, что я разом постарел на сотню лет или кто-то просунул мне нож между ребер и медленно проворачивает.

— Тебе что, плохо?

— Нет, просто надо прилечь.

С минуту она смотрела на меня при свете свисавшей с потолка лампочки без абажура. У нее были зеленые глаза и густые длинные ресницы, так что, в отличие от большинства своих товарок с Бурбон-стрит, накладные ей были ни к чему. Она достала из комода две чистые простыни и постелила мне на кушетке. Я плюхнулся на нее, разулся и принялся тереть лицо руками. Я снова стал потеть, и даже от пота тянуло алкоголем, как тянет сыростью и холодом из открытого колодца. Она принесла мне подушку.

— Робин, — позвал я.

— В чем дело, лейтенант? — спросила она.

Я положил ладонь ей на запястье. Она присела рядом, смотря прямо перед собой, скрестив руки на груди и поджав колени под своим черным платьем.

— Ты уверен, что ты этого хочешь? — спросила она.

— Уверен.

— Неужели ты только затем и приехал? Что, поближе никого не нашлось?

— Не говори так. Ты знаешь, как я к тебе отношусь.

— Не знаю, правда не знаю. Ты мне друг, и я тебя не брошу, просто я не хочу, чтобы ты лгал мне.

Она выключила свет и разделась. В темноте было видно, как хороша ее загорелая кожа и округлая грудь. Ее руки ласкали и обнимали меня, губы шептали на ухо нежные слова; она просто уступила мне, как порывистому мальчишке. Сам я не чувствовал ничего. Когда гроб с телом Энни опустили внутрь склепа, в душе моей образовалась зияющая пустота. Слышно было, как шуршит листвой ночной ветер. В голове у меня шумело, как шумит море в маленькой ракушке.

Когда я проснулся, еще не рассвело, улицы были освещены серым предрассветным сумраком и над восточным горизонтом едва поднималось красное солнце; листва банановых деревьев, стучавшихся в окно, была покрыта капельками росы. Я налил в кружку воды из-под крана, выпил ее — и меня тут же вырвало. Меня трясло, а перед глазами стояли разноцветные круги. Не одеваясь, я прошел в ванную, выдавил на палец зубной пасты из тюбика, пытаясь таким образом почистить зубы, после чего меня снова вывернуло, и в желудке начались дикие спазмы, да такие, что под конец изо рта пошла кровавая пена. Глаза слезились не переставая, а кожа лица на ощупь была холодной, как у покойника; лицо с одной стороны саднило, точно меня огрели здоровенной книгой, дыхание было кислым и прерывистым.

Я вытер пот и остатки воды и направился к холодильнику.

— Можешь не искать. Я вылила все пиво сегодня в четыре утра, — отозвалась Робин. Она стояла у плиты и варила яйца в кастрюльке.

— А таблетки какие-нибудь у тебя есть?

— Говорю тебе, с этим делом я завязала. Никакого спиртного и колес. — Она была босиком, в черных шортиках и джинсовой рубашке, расстегнутой до самого бюстгалтера.

— Хоть аспирин-то у тебя есть? Ну же, Робин. Я ведь не наркоман какой. У меня всего лишь похмелье.

— Кому ты это говоришь? Кстати, твой кошелек я тоже спрятала. Так что ни шиша у вас, лейтенант, не выйдет.

Да, долгое мне предстояло утро. Робин права — уж кого-кого, а ее не проведешь. Чтобы раздобыть выпивку, алкоголик способен обвести вокруг пальца кого угодно — кроме себе подобных. Робин раскусила меня в два счета.

— Иди-ка в душ, Дейв, — сказала она. — А я как раз завтрак приготовлю. Любишь бекон с вареными яйцами?

Я включил воду, такую горячую, что едва терпел, подставил под струю голову с открытым ртом и яростно принялся смывать с себя запах сигарет и прочие последствия вчерашнего загула. Потом резко врубил холодную воду, уперся ладонями в стену и мысленно посчитал до шестидесяти.

— Бекон, кажется, слегка... того, — сказала она.

Я только что вылез из душа, и мы сидели за столом.

Больше всего вышеупомянутый продукт напоминал кусок резины. Спаренные вкрутую яйца она размяла вилкой.

— Не нравится — не ешь, — обиженно сказала она.

— Нет, Робин, правда вкусно.

— Ты не ощущаешь по утрам угрызения совести? Кажется, это у вас на собраниях так называется, а?

— Нет, не ощущаю.

— Я была шлюхой с семнадцати. Ты получил бесплатно. Так что избавь меня от своего нытья, Дейв.

— Не говори так о себе.

— Не люблю я этой пурги «наутро после».

— Послушай, Робин. Вчера вечером я пришел к тебе потому, что никогда раньше мне не было так одиноко.

Она отхлебнула кофе и поставила чашку на блюдце.

— Ты — славный парень, просто я слишком много раз слышала подобные слова.

— Зачем ты так? Вряд ли кто-то еще смог бы успокоить меня вчера так, как ты.

Она убрала в раковину грязную посуду, подошла ко мне и коснулась губами моих волос.

— Ничего, Седой, пройдет твое похмелье, — сказала она. — У мамочки столько их было, не счесть.

Однако то, что мучило меня, было не просто похмелье. До этого я год не брал в рот ни капли, и за этот счастливый год, наполненный солнцем, силой и здоровьем, когда пробежки по вечерам и физические упражнения стали для меня нормой, за этот год мой организм успел утратить всю сопротивляемость алкоголю. Все равно что засыпать кило десять сахара в бензобак машины и врубить двигатель на полную — за считанные минуты все клапаны и прочие детали полетят к чертовой бабушке.

— Могу я забрать мой кошелек? — спросил я.

— Под подушкой на тахте.

Я извлек его оттуда, сунул в задний карман брюк и надел туфли.

— За пивом идешь?

— Это мысль.

— Тогда я пас. Сам разбирайся, я тебе не помощник.

— Потому что ты лучше всех, Робин.

— Сюсюкать будешь с кем-нибудь другим. Я уже выросла.

— Ты не так поняла, детка. Я сейчас куплю себе плавки, и мы с тобой сходим на пляж.

А потом я угощу тебя славным обедом.

— Ага. Вроде как и в баре посидеть, и мамочку не обидеть.

— Никаких баров. Обещаю.

Она взглянула мне в глаза. Тут ее лицо просияло.

— Послушай, может быть, пообедаем прямо тут? Зачем тебе на меня тратиться?

Я улыбнулся ей.

— Я правда хочу пригласить тебя куда-нибудь.

В то первое утро воздержания мне с трудом удавалось связно мыслить хотя бы пять минут. Я чувствовал себя абсолютно разбитым. В магазине одежды мои руки все еще тряслись, а продавец, почуяв мое дыхание, резко отстранился. В маленькой пляжной закускойной я выпил кофе со льдом и проглотил четыре таблетки аспирина. Прищурив глаза, я с трудом смотрел на яркое солнце, пробивавшееся сквозь лохматые листья пальмы. За глоток виски я бы сейчас лезвие бритвы проглотил.

Змеи, терзавшие меня, выползли из своей корзинки, но я надеялся, что они только слегка перекусят и оставят меня в покое. За доллар я взял напрокат у мальчика-кубинца его ласты и маску, нырнул в теплые воды лагуны и поплыл под водой вдоль кораллового рифа. Вода была зеленовато-прозрачной, как желе, и даже на глубине тридцати футов я отчетливо видел кораллы-огневики ползающих по песку крабов; вот в тени кораллов, недвижимая, как бревно, застыла акула-нянька, там и сям торчат колыхаемые подводным течением тонкие ленты водорослей и снуют черные морские ежи, чьи острые иглы способны проколоть ступню насквозь. Я набрал воздуха и нырнул на самую глубину, где вода была холоднее, и тут же передо мной возникло заостренное рыльце барракуды, она посмотрела на меня и молниеносно пустилась наутек, промелькнув над самым моим ухом подобно выпущенной из лука серебристой стреле.

Когда я вернулся на берег, мне стало значительно легче; я прилег на песок рядом с Робин, растянувшейся на полотенце в тени кокосовых пальм. Хватит ныть, подумал я, пора приниматься за дело. Хотя я прекрасно знал, что Робин это вряд ли понравится.

— В Новом Орлеане считают, что Джерри бежал на острова, — начал я.

Она достала из сумочки сигарету и закурила. Потом согнула одну ногу и смахнула песок с колена.

— Ну же, Робин, — умоляюще сказал я.

— Я развязалась со всеми этими скотами.

— Нет уж, это я буду с ними развязываться. Как говорили ребята из первого отдела, «запру на замок и выкину свидетельства о рождении».

— Да ты прямо остряк.

— Где он? — Я улыбнулся ей и сбил ногтем с ее коленки еще пару песчинок.

— Не знаю. Однако на островах его точно нет. Была у него на Бимини какая-то мулатка, к ней-то он туда и ездил. Но однажды он обкурился марихуаны и уронил ее ребенка. Головой об асфальт. Он говорит, там есть какая-то тюрьма на коралловом островке, так там так хреново, что можно из негра белого сделать.

— А его мамаша — когда она не в Новом Орлеане, то куда ездит?

— У нее есть какая-то родня на севере Луизианы. Они любили всей толпой завалиться в бар и потребовать одноразовые плевательницы.

— Где именно на севере?

— Откуда мне знать?

— Теперь расскажи-ка мне все-все, о чем говорили Эдди Китс и гаитянин, когда являлись к тебе на квартиру.

Она нахмурилась, отвернулась и уставилась на подростков, гонявших на досках вдоль

рифа. Над лагуной, там, где зияло пятно темно-синей, почти черной воды, парили пеликаны.

— Ты думаешь, моя голова — это диктофон? — спросила она. — По-твоему, я обязана помнить, что говорили два ублюдка, пока ломали мне палец дверью? Знаешь, каково женщине наедине с такими людоедами?

Она сидела отвернувшись, но я заметил, что ее глаза заблестели.

— И потом, какая тебе разница, что они там болтали? Это придурки, которые даже школу толком закончить не смогли, вдобавок строят из себя крутых парней, из тех, что по телику показывают. Как там Джерри говорит: «Я вам не мальчик на побегушках»? Какая скромность. Держу пари, в тюрьге ему приходилось что ни вечер задницу подставлять.

Я молча ждал, когда она заговорит снова. Она затянулась и задержала дым, словно косячок курила.

— Этот черножопый хотел обезобразить мое лицо, — сказала она. — А второй — как бишь его? — ну, этот Китс, сказал, мол, тот тип не хочет, чтоб мы резали его девочек, они ж ему деньги зарабатывают, оставь ей сувенир на память, на руке или на ноге, и все. Вроде как Робин — стоящая девочка. На что черный ответил, что тот вечно всякое дерьмо несет. Это, как его, давай ржать, закурил сигарету и сказал, что, по крайней мере, он не живет в говенной развалюхе и не спит в ведьминой могиле... Как тебе такой базар? Слушать их было не намного приятнее, чем пить из канализации.

— Ну-ка, еще раз, что там про ведьму?

— Этот... черномазый живет с ведьмой. Ну, или рядом с могилой ведьмы, что-то в этом роде. Не пытайся найти в этом скрытый смысл, поскольку эти парни, по всей вероятности, свои мозги нашли на свалке. Кто ж еще пойдет работать на Буббу Рока? В конце концов все оказываются на нарах. Говорят, после того как парня выпустят, Бубба его и сортиры драить не возьмет. Высший класс, да.

Я взял ее руку в ладони и тихонько сжал. Ее ручка была маленькой и загорелой. Она посмотрела мне в глаза, ее губы приоткрылись, обнажив белые зубы.

— Сегодня вечером я улетаю обратно.

— Хорошие вести не лежат на месте.

— Я серьезно, детка. А хочешь, поехали со мной в Нью-Иберия.

— Если тебя мучает совесть, сходи в церковь.

— Я держу лодочную станцию, и еще одна пара рук мне точно не помешает. А еще у меня живет маленькая девочка.

— Я не привыкла к жизни на природе, Седой. Приезжай, когда решишь что-нибудь серьезное.

— Вечно ты думаешь, что я тебя обманываю.

— Нет, ты просто из тех, кто живет по заведомо невыполнимым правилам. Потому-то у тебя вечно все не так. Угости девочку обедом, а?

Иногда человека необходимо оставить в покое. Как и в этот раз.

Высоко над водой в небо взмыл пеликан и пролетел над нами, зажав в клюве окровавленную рыбку.

Настало мое первое утро после возвращения в Нью-Иберия. Меня разбудила возня соек и пересмешников в ветвях мимозы. Я нацепил тренировочные штаны и кроссовки и пробежался трусцой до самого разводного моста, попил кофе со зрителем и припустил обратно домой. Принял душ, побрился и, устроившись за столиком на веранде, позавтракал мюсли и клубникой, любуясь изящными листочками мимозы, трепещущими на ветру. Прошло почти двое суток с тех пор, как я пил спиртное. Я все еще ощущал слабость, нервы мои были на взводе, но я чувствовал, что тигр, терзавший меня последние дни, насытился и утих.

Приехав в Лафайет, я стал расспрашивать двух священников, работавших вместе с погибшим пилотом. Как я и предполагал, у этого отца Меланкона была особая миссия. Он организовывал специальные фермы для нелегальных иммигрантов на территории Флориды и Техаса. Во Флорида-Сити его пару раз избивали, а однажды упекли на три месяца в тюрьму Браунсвилль за то, что он проколол шины полицейского автомобиля, в котором находились задержанные нелегалы. Дальше — больше. Вместе с сообщниками он проник на территорию одного из военных заводов «Дженерал Электрик» и повредил пару деталей защитного корпуса ядерной ракеты, за что и отсидел три года в печально известной тюрьме Денбери.

Меня всегда удивляли методы, при помощи которых наше правительство пыталось держать под контролем противозаконную деятельность служителей церкви. Обвинители клеймили их «наивными мечтателями», которые покинули монастыри и оставили кафедры проповедника для того лишь, чтобы очутиться среди извращенцев и дегенератов в местах не столь отдаленных. Тем не менее большинству осужденных священников ничто не мешало проповедовать свою веру за решеткой.

Однако имена Джонни Дартеза и Виктора Ромеро ничего не говорили лафайетским священникам. Единственное, что они говорили о Меланконе, — то, что это был «достойный уважения человек, просто у него были необычные друзья, иногда помогавшие ему при переправке нелегальных иммигрантов из Гватемалы и Сальвадора».

— Ромеро... ну, такой низенький, с черными курчавыми волосами, еще в берете ходит, — сказал я.

Один из священников задумчиво почесал лоб.

— Вы видели его?

— Ну, берета на нем не было, а так вроде сходится. С месяц назад я видел его вместе с отцом Меланконом. Он еще рассказал, что родился в Новом Орлеане, но у него есть родственники в Гватемале.

— Вы знаете, где он сейчас?

— К сожалению, нет.

— Если этот парень объявится, позвоните Майносу Дотриву из Управления по борьбе с наркотиками или мне домой. — Я нацарапал координаты на клочке бумаги и вручил ему.

— Этот человек попал в беду?

— Боюсь, что да. Когда-то он продавал наркотики, а сейчас подался в информаторы Департамента по делам иммиграции и натурализации. Уж не знаю, что хуже.

В Нью-Иберия я поехал через мост Бро, чтобы зайти пообедать в кафе «У мулата». Там

я заказал жареных крабов, салат из креветок, рагу, французский батон и чай со льдом. Теперь в это заведение ходили в основном люди семейные, и о временах моей юности, когда здесь были ночной клуб и игорный дом, напоминали лишь полированная площадка для танцев да барная стойка красного дерева. За последние двадцать пять лет Южная Луизиана очень изменилась, по большей части к лучшему. Не стало законов об обязательном изолированном проживании чернокожих, подростки больше не собирались субботними вечерами «лупить ниггеров», никаких тебе горящих крестов Ку-клукс-клана и разжигателей расовой ненависти вроде судьи Линдера Переса. Вместе с тем в прошлом осталось и нечто хорошее — дух мирного, почти доисторического сосуществования культур. Конечно, и в нынешние времена полно гадостей вроде наркотиков, чего раньше фактически не было, но ставки на бега теперь не принимают, и игровые автоматы с рядами вишенки, слив и золотых колокольчиков исчезли, уступив место видеоиграм, все меньше становится бильярдных и недорогих баров, где рабочий люд может раскинуть картишки, а кафешки, где играет живая музыка и нет разницы, кто ты — мулат или негр, теперь наводняют туристы с кассетными магнитофонами, которые едут сюда записать «этно». Давным-давно закрылись знаменитые на всю округу бордели — заведение Маргарет в Опеллусас и отель «Колонна» в Лафайете, а заведения на Рейлруд-авеню в Нью-Иберия позакрывались.

Можно, конечно, обвинять во всем местные власти и Ротари-клуб. Но стоит ли? По моему, причина проста — мы просто стали представителями уважаемого среднего класса.

Однако один живой анахронизм безвозвратно ушедшей эпохи у нас остался: Бубба Рок. Да-да, мальчик, который за доллар был готов проглотить лампочку, за два — снять тебе прачку-китайку, а швырнуть кошку под колеса проезжающего автомобиля и вообще за так. Бубба Рок сумел приспособиться к нынешним временам. Подозреваю, что кто-то из преступного мира Нового Орлеана, к чьей помощи ему, безусловно, приходится обращаться, когда он обделяет свои темные делишки, порой сильно портит ему жизнь, а то и откровенно вставляет палки в колеса, но тем не менее этот человек ухватился за торговлю наркотиками и девочками так же крепко, как дворняга впивается зубами в баранью котлету.

Однако он ли подослал ко мне наемных убийц? Сдается мне, что придется изрядно попотеть, прежде чем я докопаюсь до истины. Бубба не из тех, кто оставляет следы.

* * *

В тот день меня приняли на работу в участок. Мне выдали удостоверение с фотографией и золотую звезду в футляре мягкой кожи, а также кипу машинописных листов: налоговые и прочие льготы, полагающиеся мне на моей новой должности, — их я выбросил не читая. Также мне полагался револьвер тридцать восьмого калибра с потертым вороненым стволом и тремя зарубками на рукоятке. В восемь часов утра следующего дня я должен был явиться на работу.

Я забрал Алафэр у сестры, и мы отправились в парк кататься на качелях и есть мороженое. Когда личико ее не было омрачено страшными воспоминаниями, а в глазах не стоял немой вопрос, Алафэр была прелестной малюткой, щечки ее покраснели от восторга, она с радостным визгом проносилась мимо меня в тени деревьев и вновь возвращалась, болтая в воздухе загорелыми ногами.

Вернувшись домой, мы поужинали бутербродами с сомятиной, затем я съездил к одной пожилой мулатке, которую знал с детства, и нанял ее присматривать за девочкой; потом собрал чемодан.

На следующее утро я поднялся очень рано, струи дождя шуршали в листве деревьев и гулко стучали по крыше. Алафэр и няня еще спали. Я закрыл дверь нашей с Энни спальни на засов, закрыл окна, задернул занавески и навесил на дверь тяжелый замок.

Спросите, зачем?

Не знаю. Может, оттого, что смывать кровь тех, кого мы любим, — святотатство, а может, все эти могильные плиты — лишь рудименты примитивного сознания; так первобытные люди верили, что, закопав мертвых в землю, смогут забыть их. У меня мелькнула мысль, что, наверное, лучшим памятником всем погибшим насильственной смертью станут воспоминания об их мучениях.

Я зарядил тридцать восьмой пятью патронами и сунул в чемодан. Пройдя в кухню, выпил чашку кофе с молоком, разобрал собственный пистолет сорок пятого калибра, заново смазал и прочистил его, снова собрал и зарядил по полной. Зарядил я и запасную обойму, методично орудуя большим пальцем. Патроны были закругленной формы и очень тяжелые и легли в обойму с характерным сухим щелчком. Такие способны были пробить в дубовой двери отверстие размером с крокетный мяч, выпустить все внутренности из автомобильного сиденья, а раны от них не способен вылечить ни один врач.

Страшно, правда? Вообще-то, оружие затем и придумали, чтобы убивать. Вот одна из причин, почему я редко прибегал к оружию, в отличие от тех, с кем боролся. Вот и теперь я знал, что при удобном случае они не преминут это сделать.

Я набрал номер шерифа. Его не было на месте. Я попросил передать, что уезжаю в Новый Орлеан и через пару дней зайду к нему в кабинет. Я мельком взглянул на Алафэр — малышка спала под вентилятором, засунув пальчик в рот, застегнул чемодан и накинул на голову плащ и направился по мокрой и грязной дороге к своему грузовичку.

Когда я приехал в Новый Орлеан, было ровно одиннадцать; из-за туч начало потихоньку проглядывать солнце. Я припарковал грузовик и направился на кладбище Св. Людовика № 1, на полях моей шляпы застыли капельки дождя. Я бродил меж длинных рядов выкрашенных белой краской кирпичных склепов; некоторые из них основательно просели, так что невозможно было прочесть полустертые надписи на растрескавшихся мраморных плитах. Везде стояли стеклянные кувшины и жестянки с давно увядшими цветами. Многие из погребенных здесь умерли во время вспышек желтой лихорадки, которые в XIX столетии были обычным явлением. Тогда многочисленных покойников складывали штабелями, как бревна, сбрызгивали раствором извести и закапывали; причем в роли могильщиков выступали закованные в цепи арестанты, которым предварительно разрешалось пить сколько угодно спиртного. Некоторые склепы были разграблены кладбищенскими ворами, и повсюду валялись полусгнившее тряпье, куски дерева и истлевшие кости. В дождливые и холодные ночи склепы служили пристанищем для пьянчуг, которые забирались внутрь и спали в позе эмбриона в обнимку с бутылкой дрянного вина.

Здесь были похоронены самые богатые и знатные жители Нового Орлеана: губернаторы французского и испанского происхождения, аристократы, убитые на дуэли либо во время битвы с англичанами при Шальмет, работорговцы и моряки с клиперов времен осады города янки. Мне даже удалось найти могилу Доминика Ю, наполеоновского солдата, который впоследствии стал шефом стрелков Жана Лафита. Однако во всей этой веренице могил меня

интересовала лишь одна: даже наконец обнаружив ее, я не был до конца уверен, что это именно та самая. Ходили слухи, что Мари Лаво была похоронена вовсе не здесь, а в огромной кирпичной печи, стоявшей на кладбище Св. Людовика № 2 в нескольких кварталах отсюда.

Эта женщина считалась самой известной новоорлеанской колдуньей вуду. Ее называли ведьмой, знатоком черной магии островов Тихого океана, даже оппортунисткой — тем не менее множество людей до сих пор поклонялись ее праху, кое-кто приходил набрать горсть земли с ее могилы в красный бархатный мешочек или погадать на будущее, бросая пороссячи кости на крышке ее склепа. Некоторые даже отваживались раз в месяц забраться в разграбленный склеп возле ее могилы и провести там ночь.

Четкого плана действий у меня не было, и в своей надежде отыскать Туута в окрестностях кладбища мне приходилось уповать лишь на везение. Кроме того, это был не мой участок, и я не имел права вести здесь расследование. Однако если действовать по всем правилам, то мне пришлось бы остаться в Нью-Иберия и ждать, пока новоорлеанские стражи порядка найдут время прочесать окрестности и расспросить местных жителей, а когда это не сработает, детектив в штатском, злющий, как змея, из-за работы в ночную смену, добавит имя Туута в список разыскиваемых по подозрению; чем все и закончится.

Большинство преступников склонны совершать глупости. К примеру, забравшись в шикарный особняк, где-нибудь в районе Гарденс, они заворачивают пару дюжин бутылок джина, вермута, виски и «коллинса» в ирландскую льняную скатерть стоимостью пару тысяч баксов, потом выпивают спиртное, а скатерть просто выбрасывают.

Однако больше всего я опасался того, что местные полицейские спугнут Туута и заставят смыться из города либо даже арестуют и отпустят прежде, чем мы в своей Нью-Иберия узнаем об этом. Такое частенько случалось. Не только преступники склонны совершать глупости.

Когда я работал в убойном отделе Первого округа, нам удалось арестовать серийного убийцу из штата Джорджия, орудовавшего почти во всех южных штатах. Это был здоровенный тридцатипятилетний мужлан с грубыми чертами лица и золотыми серьгами в виде распятий, почти безграмотный — он едва мог нацарапать свою фамилию; а однажды затопил свою камеру, заткнув одеялом раковину, из-за того что ему не разрешили смотреть телевизор в общей комнате. И этот умник умудрился убедить следователей убойного отдела, что покажет, где он закопал тело убитой им девушки, если они отвезут его к оврагу в районе округа Плейкмин. Вместо кандалов они напялили на него наручники и отвезли туда, где дорога сворачивала чуть ли не в самое болото.

А он с помощью скрепки, спрятанной во рту, открыл свои наручники, вытащил из кобуры одного из них «магнум» калибра.357" и размазал обоих по лобовому стеклу...

Его так и не поймали. В городке Покателло, в Айдахо, прямо ему на голову сорвалась вагонетка колеса обозрения.

Целый день я рыскал по окрестностям, расспрашивая негров, мексиканцев и белых; торговцев, официантов и чистильщиков обуви; обошел семь круглосуточных баров, кучу пропахших копченой рыбой магазинчиков. Вчера я был владельцем лодочной станции. Сегодня же я стал полицейским, а в бедных кварталах нашего брата не очень-то жалуют. Меня принимали то за налогового инспектора, то за банковского клерка, то за страховика, некоторые думали, что меня прислал хозяин квартиры, чтобы требовать задолженность, правда, некоторые догадывались, кто я, однако дружелюбием, сами понимаете, они тоже не

отличались. А мы-то, белое население, все удивляемся, почему это нас так не любят нацменьшинства. А за что им нас любить-то, если мы присылаем к ним исключительно худших представителей власти?

Был момент, когда я уже подумал: вот оно. Зайдя в один бар, к входной двери которого была прибита табличка с автомобильным номером и эмблемой Конфедерации, и расспросив его владельца, бывшего боксера с обезображенным шрамами лицом, я услышал вот что:

— Гаитянин? — переспросил он, вынув сигару изо рта. — Это такой черномазый, с островов?

— Верно.

— Да в Норт-Вилльере, недалеко отсюда, их тьма-тьмушая. Всех собак в округе сожрали. Даже золотых рыбок из фонтана в парке и тех повыловили, каннибалы чертовы. Если пригласят на ужин, не соглашайтесь. Черт их знает, может, они и людей жрут.

Двор одноэтажного, обшито́го желтоватым деревом домишки зарос сорной травой и был завален частями от разобранного автомобиля и стиральной машинки. Я подъехал совсем близко и попытался заглянуть в окна, однако те были занавешены от яркого полуденного солнца. Слышался плач ребенка. На ступеньках возле задней двери громоздились мешки мусора, от которых воняло тухлой рыбой, на ветру сушились серые застиранные пеленки. Я обошел вокруг дома и постучал в дверь.

Из-за решетчатой двери высунулся низенький, очевидно, чем-то напуганный человек со сморщенным, как печеное яблоко, лицом.

— Где Туут? — спросил я.

Он покачал головой в знак того, что не понимает.

— Туут, — повторил я.

Он всплеснул руками. В полумраке его глаза казались красными. За его спиной двое детишек раскрашивали книжку, сидя на полу. Из-за двери кухни на нас встревоженно смотрела широбедрая женщина с маленьким ребенком на руках.

— *Vous connaissez un homme qui s'appelle Toot?*^[12]

Тот ответил на жуткой смеси английского, французского и, вероятно, какого-то африканского наречия, разобрать хоть одно слово из которой было невозможно. К тому же он был чертовски напуган.

— Я не из департамента, понимаете? — сказал я по-английски, затем по-французски.

Но он явно ничего не понял. Он и так перепугался до полусмерти, а я еще подлил масла в огонь, сказав, что Туут — тонтон-макут. Его глаза широко раскрылись от ужаса, и он судорожно сглотнул, точно подавился.

Бесполезно. Молодец, Робишо, подумал я про себя. Эти бедняги несколько дней места себе не найдут, вздрагивая каждый раз, как вблизи притормозит автомобиль. Они не поймут, кто я такой, для них я стал всего лишь предвестником страшных бед.

Тут мне пришла в голову идея: ведь ни сотрудники департамента, ни полицейские не станут давать денег нелегалам. Я достал из кошелька пятидолларовую купюру и сунул в дверную щель.

— Для ребенка, — сказал я сначала по-английски, затем по-французски.

Он ошарашенно уставился на меня. Я сел в грузовичок и уехал — обернувшись напоследок, я увидел, что он и женщина продолжают смотреть мне вслед.

В ближайшей бакалейной лавочке я купил французский батон, сыру, полфунта нарезанной ветчины, луковицу и четверть литра молока, припарковал пикап возле кладбища

и пообедал, смотря, как дождь заливает пурпурные сумерки. Неподалеку от меня я увидел неоновую рекламу пива «Джэкс» возле входа в бар. Если парня вроде Туута не удалось сцапать в его логове, то следует поискать там, где он захочет удовлетворить свои желания. Большинство преступников интересуются женщинами. Извращенцы получаю удовольствие, измываясь над ними, а наемные убийцы считают их наградой за удачную работу и одновременно доказательством собственной силы. В Новом Орлеане я знал все бары, где можно было снять девочку, и все бордели, в том числе с цветным «товаром», так что этой ночью мне предстояла куча работы.

Когда взошло солнце, я был совершенно измотан. Дождь прекратился часа в три ночи, и теперь под жарким полуденным солнцем от сохнувших на асфальте луж поднималась влажная духота.

Я умылся и побрился в туалете на заправке. Лицо мое было изможденным, под глазами — красные круги. В эту ночь я обошел кучу негритянских баров самого низкого пошиба. Ко мне приставали, мне угрожали, и даже — представьте! — на меня не обращали внимания, однако о гаитянине по имени Туут никто ничего не слышал.

Позавтракав кофе с оладьями в «Кафе дю Монд», я решил напоследок еще разок пройтись по окрестностям кладбища, до самого Айбервилля. К этому времени моя физиономия настолько примелькалась, что владельцы магазинчиков при виде меня демонстративно смотрели в другую сторону. Солнце в небе напоминало раскаленный шар, листья бегоний, филодендронов и бананов были покрыты мелкими бисеринками влаги; самый воздух был влажный и спертый, как в парнике. Ближе к полудню я уж было решил оставить поиски, как вдруг увидел перед оштукатуренным домом в районе Норт-Вилльера, через дом от хибары, испуганного человечка, два полицейских автомобиля с работающими сигнальными огнями. Возле гаражных ворот стояла карета скорой помощи. Я припарковал грузовик возле тротуара, положил жетон в ладонь и показал его двум патрульным, караулившим возле подъезда. Один из них что-то писал на дощечке с зажимом, стараясь не обращать внимания на пот, градом катившийся по лицу.

— Что у вас тут? — спросил я.

— Труп. В ванной.

— От чего он умер?

— Черт его знает. Не первый день лежит. Вдобавок без кондиционера.

— А он черный или как?

— Не знаю. Я туда не поднимался. Если хочешь, сходи сам. Носовой платок не забудь.

Едва начав подниматься по лестнице, я почувствовал запах. Тошнотворный, едкий, сладковатый запах падали, мерзкий, всепроникающий, как запах испражнений. Я задохнулся и зажал рот кулаком.

Возле двери в крошечную гостиную стояли два фельдшера в резиновых перчатках и с носилками наготове, пока полицейский, осматривавший место преступления, щелкал фотоаппаратом в ванной комнате. Оба морщились и ежеминутно прокашливались. Поле зрения мне загоразживала фигура толстого следователя в штатском, с широченной розовощекой физиономией. Его белая рубаша насквозь промокла от пота, сквозь нее просвечивало тело. Он повернулся ко мне, и на лице его отразилось замешательство. Я подумал, что он мог помнить меня со времен моей службы в Первом округе, однако я его не узнал. Я показал свой жетон.

— Дейв Робишо, полицейский участок округа Нью-Иберия, — сказал я. — Кто он?

— Пока не знаем. Хозяин квартиры в отъезде, а в комнате нет никаких документов, — сказал он. — Его нашел парень, пришедший снимать показания счетчика. Так его с балкона стошнило. Весь розовый куст испоганил. Как будто без него не воняло. А вам что здесь понадобилось?

— У нас ордер на гаитянина.

— Прошу, — сказал он, посторонившись.

Закрыв нос и рот носовым платком, я вошел. Ванна была старая, ржавая, с ножками в виде звериных лап. Оттуда торчали черные икры.

— Этот парень либо круглый идиот, который любил слушать радиоприемник, лежа в ванне, либо кто-то намеренно сунул его туда. В любом случае он фактически сварился.

Вода из ванной почти испарилась, и возле слива обнажились темные пятна ржавчины. Некогда могучие руки гаитянина высохли и стали похожи на когтистые лапы, а мускулы на груди стали дряблыми от начавшегося уже разложения; глаза его были полузакрыты, словно он напоследок успел подумать о чем-то своем, розовый рот распялен в немом крике.

— Здоровый был, сукин сын, — заговорил у меня за спиной детектив, — глянь, аж эмаль содрал — видишь, белое под ногтями. Ты знаешь, кто это?

— Его имя Туут. Он работал на Эдди Китса, а может, и на Буббу Рока.

— Ого. Впрочем, с такими, как правило, и случаются подобные вещи. Все равно жутко. Помнится, был у меня похожий случай, в Алжире. Женщина мыла посуду и слушала по радио этого, как его... экстрасенса. Ну, тот, значит, заявил, мол, положите руку на радиоприемник — и исцелитесь. Она и положила. Тут-то ее и тряхануло. Что у вас на него?

— Тяжкие телесные повреждения, подозрение в убийстве.

Мимо нас прошел полицейский с фотоаппаратом. Детектив поманил пальцем топтавшихся в нерешительности медиков.

— Ладно, кладите его в мешок и уносите, — сказал он и снова повернулся ко мне: — Запах, похоже, придется выводить огнеметом. Тебе здесь больше ничего не надо?

— Не возражаете, если я немного осмотрюсь?

— Вперед. Я жду внизу.

В углу платяного шкафа, среди мятых гавайских рубашек, белых широких брюк и разноцветных жилеток, притулился двенадцатизарядный карабин. Я открыл казенник и обнаружил, что его смазали и прочистили, удалив все остатки бездымного пороха, причем недавно. Потом я обнаружил, что механизм затвора был смещен вперед, что позволило заряжать оружие не тремя, а пятью боевыми патронами одновременно. На полу я нашел полупустую коробку с красноватыми пулями, такими же, что валялись на полу нашей с Энни спальни. Я покатал одну из них в ладони и положил на место.

Спускаясь по ступенькам во двор, следователь курил сигарету. Полуденное солнце успело затянуться грозowymi облаками, он поминутно отирал пот со лба тыльной стороной ладони и жадно подставлял лицо дувшему с юга бризу.

— Вы не проедете с нами в участок, чтобы составить рапорт па этого вашего парня? — спросил он меня.

— Конечно.

— И кого он убил, не знаете?

— Мою жену.

Он уставился на меня, разинув рот. Засохшая пальма, росшая в центре двора, шуршала листьями над его головой. Ветер относил пепел от сигареты на его же галстук.

Прежде чем отправиться в Нью-Иберия, я решил еще кое-куда заехать. Решив оставить Алафэр у себя, я здорово наколол Департамент по вопросам иммиграции и натурализации. Однако я твердо решил следовать совету негра-уборщика: «Никогда в бейсболе не показывай тому, с битой, что боишься. Когда он расставит ноги и уставится на тебя из-под кепки, мол, сейчас я тебе глотку вырву, ты смачно так плюнь на мяч, показывая, что тебе до одного места. Тогда-то он тебя и уважает».

Однако мистер Монро удивил меня.

Я припарковал машину под раскидистым дубом и направился по солнцепеку в здание лафайетского отделения Департамента иммиграции и натурализации. Его стол стоял прямо в приемной, вместе с другими, и когда он поднял глаза от папки с бумагами и заметил меня, я отчетливо увидел, как перекатываются желваки за его ушами. Его редкие черные волосы были все так же зализаны, чтобы скрыть лысину, и тускло блестели. Я заметил, как он судорожно сглотнул под неизменным галстуком-бабочкой.

— Я здесь с официальной миссией, — заявил я, доставая из кармана брюк полицейский жетон. Я теперь работаю в участке Нью-Иберия. Не возражаете, если я присяду?

Он не ответил. Достав из пачки сигарету, он закурил и уставился в пространство. Я присел на стул рядом с его столом. Среди груды бумаг на его столе стояла фотография в серебряной рамке — он, жена и трое детей. Рядом красовалась прозрачная ваза с букетом желтых роз.

— Зачем вы пришли? — спросил он.

— Я расследую убийство.

Он продолжал курить сигарету, не вынимая ее изо рта. В глазах его появилось странное выражение.

— Сдается мне, у вас есть зацепка на ребят, которых я ищу.

Наконец он взглянул на меня. Его лицо ничего не выражало.

— Мистер Робишо, мне очень жаль...

— Жаль... чего?

— Ну... что случилось с вашей супругой. Я вам искренне сочувствую.

— Откуда вы про это знаете?

— В рубрике «Происшествия» прочитал.

— Где Виктор Ромеро?

— Никогда о таком не слышал.

— Послушайте, я расследую убийство. Я — полицейский при исполнении. Не пытайтесь запудрить мне мозги.

Он вынул сигарету изо рта и перевел дыхание. Служащие за другими столами затихли, явно прислушиваясь.

— Я хочу, чтобы вы кое-что поняли. Я инспектирую работодателей на предмет нелегального найма, проверяю наличие у иммигрантов «грин-кард»^[13] и разрешения на работу. Я занимаюсь этим уже семь лет.

— Да мне плевать, чем вы занимаетесь. Расскажите мне все, что вы знаете о Викторе Ромеро.

— Я не имею права ничего рассказывать.

— Поосторожнее с выражениями, мистер Монро. Смотрите, как бы вам не устроили обструкцию.

Он сжал пальцами виски. Губы его задрожали.

— Поверьте мне, — выдавил он, — я и впрямь сожалею о том, что с вами случилось. Не могу выразить, как мне тяжело.

Я помедлил, прежде чем заговорить снова.

— Когда теряешь близких, что проку от соболезнований, — ответил я. — По-моему, вам придется это попятить, может быть, когда вам вздумается сопровождать кого-нибудь из этих мерзавцев в суд. Понимаете, к чему я: ведь это ваше ведомство внедрило Ромеро и Дартеза для контроля за священниками, переправляющими в страну нелегальных иммигрантов. В результате четверо погибли в авиакатастрофе над Юго-Восточным проливом. У меня есть основания полагать, что причиной трагедии стал взрыв на борту. Также я думаю, что Ромеро как-то связан с этим преступлением. Этот человек спутался с Буббой Роком, а я считаю, что именно Бубба заказал убийство моей жены. Так что если вы будете покрывать этого парня, подумайте о последствиях.

Он тяжело дышал. Его лысина покрылась мелкими бисеринками пота, а глаза беспрестанно моргали.

— Мне все равно, слышит нас кто или нет, — ответил он. — Я всего лишь госслужащий, который рассчитывает на повышение. Принимаю здесь решения не я. Мое дело — следить, чтобы нелегалы не отбирали рабочие места у американцев. Вот и все.

— Вас сделали орудием против вашей воли. Вам платят деньги — стало быть, вы выполняете приказы. Любые приказы.

— Плохой, видать, из меня оратор. Я пытался выразить то, что думаю, вы же меня не поняли. Я вас не виню. Мне очень жаль, мистер Робишо, но мне нечего вам больше сказать.

— Где ваш непосредственный начальник?

— Уехал в Вашингтон.

Я вновь посмотрел на фотографию его семьи.

— Мою жену пришлось хоронить в закрытом гробу, — сказал я, — задумайтесь об этом на минуту. А еще передайте своему шефу, что мы рано или поздно доберемся до этого наркоторговца. Он предстанет перед судом. И тогда молитесь, чтобы на допросе не всплыли ваши имена.

Когда я выходил из здания, единственным звуком, который я слышал за своей спиной, был стрекот телекса.

* * *

Домой я вернулся затемно. Алафэр и няня уже поужинали. Я очень хотел есть и спать; пройдя на кухню, я разогрел себе риса, крабов и кукурузных лепешек, завернул их в фольгу и сунул в рюкзак вместе с армейским походным столовым набором и отправился на берег залива, туда, где мы с отцом и братом ходили искать старинные снаряды.

Это был старинный плантаторский особняк постройки тридцатых годов XIX века; второй этаж был сожжен солдатами генерала Бэнкса в 1863 году, крыша и кипарисовые балки перекрытия обрушились. Со временем дорога к дому заросла сосенками и молодыми побегам, грабители растащили камин по камешку, пытаясь найти якобы спрятанные там

золотые монеты, семейный склеп тоже был разрушен, и сами могилы можно было различить лишь по темно-зеленым плитам, покрытым ковром грибов.

По берегам маленького овражка, что пролегал вдоль одной из стен дома близ полусъеденной ржавчиной цистерны и полусгнившей кузницы, росли розовые кусты и ялапа. Ветерок, дувший с залива, отгонял москитов, так что я уютно устроился на кипарисовом пне и поужинал. Вода в бегущем по камням ручье была коричневатозеленой и прозрачной, в зарослях водных растений прятались мальки. Вот здесь, близ этого самого оврага, мы с отцом и братом искали снаряды, и однажды нам удалось накопать целое ведро картечи, обрывков цепи и сплюснутых подков, которыми солдаты Объединенных войск стреляли из пушек по арьергарду конфедератов. Граблями мы осторожно отодвигали слой отмерших виноградных листьев с берегов ручья, и на голой земле, точно белые зубы, лежали патроны. Тяжелые и гладкие, они лежали на ладони; один конец был у них конической формы, другой — с углублением и тремя зазубринами.

Тогда, в своей невинности, мы не думали о них как об орудиях убийства. Чтобы узнать эту простую истину, мне пришлось стать солдатом и пересечь пару океанов. И я понимал это, держа в руке патрон, к которому прикасались длинные черные пальцы того, чьей миссией было резать людей на куски и снимать это на «Поляроид».

Я отставил миску и принялся задумчиво обрывать лепестки розового бутона, бросая их в ручей. Как оказалось, мне было над чем поразмыслить. Да, сейчас-то я трезвый, да, последствия запоя давно прошли, тигр угомонился в своей клетке. Но впереди новый день, потом еще и еще, и кто знает, не потянет ли меня опять на выпивку. Завтра днем я собирался сходить на собрание анонимных алкоголиков и признаться, что я все-таки сорвался; перед всей группой — пренеприятное дело. Я не только снова утратил веру в себя и в высшие силы — я предал своих друзей.

Я собрал посуду в рюкзак. Я услышал, как где-то рядом хлопнула дверца машины, но не придал этому особого значения. Тени стали длиннее, и над зарослями сосняка уже всюду жужжали москиты. Я надел лямку рюкзака на плечо и направился к главной дороге под теплым вечерним светом.

Сквозь стволы деревьев я увидел очертания человека, стоявшего возле малиновой «тойоты», припаркованной у дороги. Он тоже смотрел на меня, его лицо было неподвижно, словно он справлял малую нужду. В какой-то момент я и вовсе потерял его из виду, но потом заросли деревьев стали реже, и я увидел, как он внезапно вскинул на левое плечо винтовку, различил глаз оптического прицела, с дымчатым, как у бутылки виски, стеклом, заметил, как он оперся грудью на крышу автомобиля с непринужденным изяществом снайпера, который смотрит на тебя в упор и стреляет без промаха.

Я отскочил в сторону и скатился в заросли сосняка — и как раз вовремя: пули просвистели над моей головой, прорезали листву и изрешетили ствол молоденькой сосны, точно кто пилой поработал. Услышал, как он передернул затвор, как с металлическим стуком посыпались на крышу машины стреляные гильзы, — и пустился бежать зигзагами сквозь заросли; по лицу и груди моей хлестали ветки, под ногами хрустела сухая листва. Когда вторая черед выстрелов засвистела над подлеском и пули стали со стуком отскакивать от каменной стены разрушенного дома, я упал ничком, открыл рюкзак и достал свой автоматический пистолет.

Думаю, он догадался, что дело обернулось против него. Я услышал, как он вновь передергивает затвор, однако на сей раз дуло застучало по крыше или по лобовому стеклу,

словно стрелок силился вытряхнуть застрявшую в магазине пулю. Я вновь вскочил и принялся бежать, теперь уже наискосок, под углом к дороге, чтобы подобраться к машине из-за деревьев. Он вновь принялся стрелять, однако теперь ориентировался только на звук, и пули прошили колючий кустарник футах в пятнадцати от меня.

Я продрался через лес и очутился перед его машиной в тот миг, когда он швырнул оружие на переднее сиденье и прыгнул за руль. Это был маленький смуглый человек с кудрявыми черными волосами, в джинсах, кроссовках и фиолетовой майке. В пылу погони я споткнулся, плюхнулся на колени в придорожную канаву и едва не зачерпнул дулом грязь. Он завел машину, мотор закашлял, колеса расплескали воду из лужи. Я плюхнулся на живот, вытянул руки с пистолетом и принялся стрелять по отъезжающей машине.

Шум стоял оглушительный. Первая очередь пришлась по бамперу, пробив в двух местах багажник, одна пуля просвистела слишком высоко, зато следующие с треском разбили заднее стекло, будто по нему вlepили бейсбольной битой. Я поднялся на колени, не переставая стрелять; отдача от пистолета поднимала мою руку все выше и выше с каждым новым выстрелом. Машина с грохотом врезалась в дубовый пень, и новая очередь разнесла задние фары; во все стороны брызнули куски красного пластика. Однако ни одна пуля не попала ни в колесо, ни в бензобак, да и блок двигателя тоже остался цел. Выжимая максимум возможного из лошадиных сил своей «тойоты», стрелок уносился прочь, и вскоре машина исчезла в зарослях сахарного тростника.

Вернувшись на пирс, я тут же позвонил в полицию и описал им стрелка и «тойоту». Потом, вооружившись фонариком, вернулся на дорогу в поисках пуль. За время моего отсутствия по дороге проехали два грузовика, под завязку груженые гравием, расплющили своими тяжеленными шинами одну пулю калибра .30' и зарыли в землю вторую, однако мне удалось подцепить их острием швейцарского армейского ножика и вытащить. Я положил обе пули в пластиковый пакет. Они были влажными, грязными и сплюснутыми после грузовика, однако с таких пуль всегда легко снять отпечатки пальцев, ведь чтобы зарядить карабин, стрелку приходится нажимать на тупой конец пули большим пальцем, и на медном наконечнике остается прекрасный след.

На следующее утро я явился в кабинет шерифа и безропотно выслушал все, что он думает о моей двухдневной отлучке в Новый Орлеан без его разрешения. Лицо его пылало, узел галстука был ослаблен, а руки сложены на груди, словно в попытке сдержать гнев. Я не мог винить его за то, что он испытывал, и мое молчание только разжигало его раздражение. Наконец он замолк, неловко поерзал на стуле и вдруг взглянул на меня, словно предлагая забыть его недавние слова.

— К черту формальности, — сказал он. — На самом деле я ненавижу, когда меня используют.

— Я позвонил тебе, но не застал, — ответил я.

— Этого недостаточно.

И снова я ничего не ответил. На его столе лежал пластиковый пакет с теми самыми пулями.

— Скажи честно. Если бы гаитянин попался тебе живым, что бы ты с ним сделал?

— Арестовал бы.

— Хочется верить.

За окном на жарком ветерке колыхалась ярко-зеленая магнолия.

— Прощу прощения. Больше такого не повторится, — сказал я.

— Смотри. Если повторится, тебе даже рапорт писать не придется. Я лично отберу у тебя жетон.

Я вновь взглянул на цветущую магнолию и застывшую над одним из белых цветков колибри.

— Если хоть с одной из этих пуль удастся снять отпечаток, я бы хотел отправить его в Новый Орлеан.

— Зачем?

— Полицейский снял отпечатки с радиоприемника, который очутился в ванной. Интересно, совпадут ли они с пальчиками нашего стрелка.

— А что, могут?

— Кто знает. И еще мне хотелось бы, чтобы из Нового Орлеана прислали отпечатки и копию личного дела Виктора Ромеро.

— Ты... ты думаешь, что это он стрелял?

— Может, и он.

— Мотивы?

— Откуда мне знать?

— Дейв, тебе не кажется, что ты, как это... заикнулся. Ты хочешь найти убийц твоей жены. И упорно разрабатываешь только одну группу подозреваемых, тех, что поближе. А вдруг ты не там ищешь? Ты же сам говорил мне, что это мог быть кто-то из прошлого.

— Если так, то человек постарался бы показаться мне на глаза и посмотреть на выражение моего лица, когда я его увижу и вспомню, кто он такой. Парень, который стрелял в меня прошлой ночью, явно действовал по заказу. Я его в первый раз видел.

— Ну, может быть, нам удастся найти его машину. После того как ты ее раскурочил, вряд ли она покинет пределы округа незамеченной.

— Он давным-давно от нее избавился. Утопил в заливе или запер где-нибудь в гараже. Мы не найдем ее. Во всяком случае, в ближайшее время.

— Да ты у нас оптимист.

Я провел этот день, занимаясь рутинными обязанностями провинциального следователя. Не сказать, что мне это сильно понравилось. По какой-то причине — наверное, из опасения, что я опять вздумаю удрать, — шериф выбрал мне в напарники некоего Сесила Агийяра — здоровенного краснокожего тугодума. В жилах парня текла креольская, негритянская и индейская кровь, у него было огромное, плоское, как блин, лицо — такое огрей доской, выражение не изменится, — кирпичного цвета кожа и крошечные бирюзово-зеленые глазки. Он гнал машину со скоростью по меньшей мере сто пятьдесят, держа руль одной рукой и с такой силой и ожесточением давя на педаль, что протектор стирался на раз.

Нам пришлось расследовать ножевое ранение в одном из негритянских баров, изнасилование умственно отсталой девочки собственным дядей, а также случай поджога: выяснилось, что недоумок сам поджег свою хижину, когда выяснилось, что упившиеся приятели не собираются уходить; и, уже за полдень, вооруженное ограбление бакалейной лавочки у дороги на Айбервилль. Хозяин лавочки, негр, приходился этому Сесилу кузенком. Грабитель забрал из кассы девяносто пять долларов и запер владельца в собственный морозильник, врезав ему в глаз рукояткой пистолета. Когда мы допрашивали его, он все еще трясся от холода, а под глазом у него вырос здоровенный багровый синяк. Единственное, что он смог рассказать о грабителе, — это что он белый и что приехал на маленькой, вроде коричневой машине с номерами другого штата. Когда он вошел, на нем была шляпа; вдруг он напялил на лицо капроновый чулок, и черты его немедленно смазались.

— Вот еще что. Он взял бутылку абрикосового бренди и пачку шоколадок. Я еще обозвал его: большой человек с ружьем сосет шоколадку. Тут-то он и врезал мне, видите? Мне эти деньги нужны, чтоб за учебу дочки заплатить, она у меня в Лафайете учится, в колледже — учеба ведь дорогая. Мне вернут деньги?

— Сейчас трудно сказать.

Разумеется, я покривил душой. Вообще-то, я думал, что этот парень уже давно смылся за пределы штата. Однако судьба иногда распоряжается нами по-своему, в том числе и преступниками.

По радию мы услышали, что дорожный патруль оштрафовал водителе коричневого «шевета», который был остановлен после того, как водитель швырнул бутылку из-под спиртного прямо в дорожный знак. Я позвонил диспетчеру и попросил задержать арестованного до нашего прибытия.

Благодаря Сесилу мы примчались на место меньше чем за восемь минут. «Шевет» стоял на парковке ветхого, обшитою досками дансинга, рядом с ним у самого входа в бар пристроились «хейлбертон», цементовоз и грузовичок-пикап. Было пять вечера, к

оранжевому солнцу с запада подбирались грозные тучи; опираясь на открытую дверь «шевета», стоял загорелый, обнаженный по пояс мужчина с татуировкой во всю спину, от самых лопаток, в виде паука, сидящего в центре паутины. Парень презрительно сплевывал себе под ноги.

— Что у вас на него? — спросил я дежурного полицейского.

— Да ничего. Просто мусор выбросил где не надо. Он утверждает, что работает на нефтяных вышках, понедельный график.

— Где бутылка, которую он разбил?

— Вон там, прямо под дорожным знаком.

— Спасибо за помощь. Мы тут сами все уберем, — сказал я ему.

Он кивнул, сел в машину и уехал.

— Придержи-ка парня, Сесил. Я сейчас.

Я направился к знаку, в ту сторону, куда указал мне полицейский. Рядом с железнодорожным переездом я его и обнаружил, в аккурат над насыпью. Деревянный щит был покрыт темными влажными пятнами. Я начал собирать стекло с насыпи и наткнулся на два осколка янтарного цвета, соединенных этикеткой абрикосового бренди. Я отправился обратно к парковке, сунув влажные стеклышки в карман рубашки. Сесил распял парня с татуировкой на переднем крыле и обшаривал его карманы. Тот повернул голову, что-то сказал и попытался выпрямиться, но Сесил одновременно приподнял его за пояс одной рукой, а другой стукнул мордой в капот. Тот побелел от сотрясения. Двое разнорабочих с нефтяных вышек в заляпанных грязью джинсах и касках появились у входа в бар и уставились на нас.

— Не стоит мучить клиента, Сесил.

— Ты знаешь, как он меня назвал?

— Успокойся. Наш друг больше не станет нас беспокоить. Он и так уже по уши в дерьме.

Я повернулся к рабочим — очевидно, им не понравилось, что краснокожий избивает белого.

— Это приватная беседа, джентльмены, — сказал я им. — Завтра в газете прочтаете. Или вы хотите, чтобы и про вас написали?

Они попытались испепелить меня взглядом, однако холодное пиво явно было им больше по душе, чем перспектива провести ночь в участке.

И вновь татуированный был распят вдоль переднего крыла собственной машины. Его лицо было испачкано в том месте, где Сесил шваркнул его о капот, в глазах светилась с трудом подавляемая ярость. Его светлые волосы были давно не стрижены и изрядно отросли. Они были густые и колюче-сухие, как старая солома. На полу автомобиля лежали две обертки от тех самых шоколадок.

Я осмотрел сиденья. Ничего.

— Не желаете открыть багажник? — спросил я.

— Сами откроете, — ответил он.

— Я спросил, не желаете ли вы открыть багажник. Не хотите — не надо. В тюрьме научат слушаться. Хотя никто тебя пока в тюрьму не сажает. Я просто подумал, что ты захочешь быть хорошим мальчиком и поможешь нам.

— Просто вам нечего мне пришить.

— Совершенно верно. Это называется «арест по подозрению». Ты никак сидел в

Рейлфорде? Классная у тебя татушка, — сказал я.

— Вы хотите обыскать мою машину? Мне плевать. Валяйте. — Он выдернул ключ, открыл багажник и рванул вверх крышку. В багажнике, кроме запаски и домкрата, не было ничего.

— Надень на него наручники и — в машину, — сказал я Сесилу.

Тот мигом завернул его руки за спину, щелкнул браслетами на запястьях и затолкал в полицейский автомобиль, как подбитую птицу. Он закрыл машину, опустил перегородку между передним и задним сиденьем и стал ждать, когда я сяду на пассажирское место. Чего я делать не спешил. Тогда он вылез из машины и направился в сторону «шевета», где стоял я.

— Ты что? Это же он, верно?

— Ага.

— Тогда давай, поехали.

— Видишь ли, Сесил, возникает маленькая проблема. У нас ничего нет — ни оружия, ни этого самого чулка. К тому же твой кузен не видел его лица и, следовательно, опознать его не сможет.

— Я же видел, ты нашел осколки бутылки бренди. И еще обертки от шоколадок.

— Правильно. Но это не дает нам права задержать его. У нас недостаточно улик, парень.

— С-сука. Слушай, поди-ка выпей пивка. А через десять минут возвращайся. Он как миленький расколется, куда подевал чулок.

— Сколько денег у него в бумажнике?

— Сотня где-то.

— Можно сделать по-другому, Сесил. Постой тут, я сейчас.

Я направился к полицейскому автомобилю. В салоне стояла духота, арестованный обливался потом и пытался сдуть с лица надоедливое насекомое.

— Мой напарник хочет тебя взгреть.

— И что?

— А то. Ты мне не нравишься. Так что заступаться я за тебя не намерен.

— Ты вообще о чем, чувак?

— Моя смена по идее закончилась в пять часов. Я вот тут собираюсь пойти куда-нибудь съесть сэндвич с креветками и выпить «Доктора Пеппера». А тебя оставляю на моего напарника. Теперь-то усек?

Он стряхнул с потного лба налипшие волосы и попытался принять равнодушный вид, однако было заметно, что он напуган.

— У меня есть предчувствие, что на пути в кутузку ты обязательно вспомнишь, куда девал чулок и пушку, — сказал я. — Но это уж вы с ним сами разберетесь. Про него всякие слухи ходят, правда, я им не очень-то верю.

— Что? Какие, к черту, слухи?

— Например, что раз он завез подозреваемого куда-то в глушь и выколол ему глаз велосипедной спицей. Брехня, конечно.

Я увидел, как он сглотнул. По лицу его катился пот.

— Слушай, ты ведь смотрел фильм «Сокровище Сьерра-Мадре»? — спросил я его. — Там есть сцена, когда один бандит-мексиканец говорит этому, как его... Хамфри Богарту: «Мне нравятся твои часы. Ты ведь мне их отдашь, правда?» Наверняка вам в Рейлфорде его крутили.

— Я не понимаю...

— Да ладно. Допустим, ты — Хамфри Богарт. Сейчас ты возвращаешься в ту самую лавочку и возвращаешь владельцу его сотню баксов, а в придачу вот эти свои часы, «Гуччи». И никакой Сесил тебе не страшен, я тебе гарантирую.

На кончике его носа устроился москит.

— А вот и он, кстати. Так что решай, — сказал я.

* * *

Я возвращался на грузовичке домой. Был теплый вечер, и деревья, растущие над заливом, озарял мягкий закатный свет. Летом в Южной Луизиане бывают такие вечера, когда небо становится лавандовым, а легкие розовые облачка напоминают крылья фламинго, распростертые на горизонте. Воздух был напоен ароматами дынь и клубники, которые кто-то вез в багажнике пикапа, а в саду моего соседа благоухали гортензии и ночной жасмин. На поверхности залива шумно кормились лебеди.

Поворачивая к дому, я заметил у обочины ярко-красный, как пожарная машина, «ровер»-кабриолет с проколотой шиной. Затем я увидел, что на крыльце моего дома сидит жена Буббы Рока, рядом с ней стоит серебристый термос, в руке — пластиковый стаканчик. На ней были мексиканские соломенные сандалии, бежевые шорты и белая блузка с глубоким вырезом, разрисованная синими и коричневыми тропическими птицами. К темным волосам она приколотла желтый цветок гибискуса. Когда я подошел к крыльцу, держа на руке плащ, она улыбнулась мне. И вновь меня поразила странная красная отблеск в ее глазах.

— Я шину проколола. Не подвезешь меня к моей тете, в Вест-Мейн?

— Конечно. Или давайте замену вам шину.

— Запаска тоже дырявая. — Она отпила из пластикового стаканчика и вновь улыбнулась. Ее губы были красными и влажными.

— Как вы очутились в наших краях, миссис Рок? — спросил я.

— Для тебя — Клодетт, Дейв. Да вот, приехала навестить кузину, что живет за поворотом. Раз в месяц я езжу в гости ко всем своим родственникам в Нью-Иберия.

— Понятно.

— Я тебя ни от чего не отвлекаю?

— Да нет. Подождите минутку.

Я не стал приглашать ее в дом; проведав Алафэр, я распорядился, чтобы няня готовила ужин. Мол, я скоро буду.

— Помоги леди встать. Сегодня вечером я слегка... того, — сказала Клодетт Рок и протянула мне руку. Поднимаясь, она тяжело на меня оперлась. От нее пахло джином и сигаретами.

— Мне очень жаль твою жену.

— Спасибо за сочувствие.

— Это, должно быть, ужасно.

Я промолчал и придержал для нее дверцу пикапа.

Она уселась наискосок к дальней двери и принялась рассматривать меня.

Ситуация, подумал я. Вскоре наш грузовичок вынырнул из-под деревьев и покати по дороге вдоль залива.

— Ты неважно выглядишь, — заметила она.

— Просто устал за день.

— Ты боишься Буббы?

— Я не думаю о нем.

— Не думаю, что сильно боишься.

— Я уважаю возможности вашего мужа. Извините, что не пригласил вас войти. В доме жуткий бардак.

— А вас не так-то легко смутить.

— Говорю же, устал за день.

Она надула губки.

— И этот человек стесняется называть замужнюю даму по имени. Какой правильный офицер. Будешь джин с соком?

— Нет, спасибо.

— Обижаетесь, служивый. Тебе рассказали обо мне плохое?

Я уставился на ястреба-перепелятника, зависшего в воздухе над заливом.

— Тебе никто не говорил, что я сидела в Сент-Гэбриел? — сказав это, она улыбнулась и легонько пощекотала мне шею у воротничка. — Или, может быть, тебе сказали, что я странная девочка? — Она продолжала пожирать меня глазами. — Глядите-ка, мне удалось засмузить офицера. Ба, он даже покраснел, — игриво сказала она.

— Полегче, миссис Рок.

— Тогда выпей со мной.

— Интересно, почему это ваша шина спустилась именно возле моего дома?

Ее круглые, как у куклы, глаза блеснули, когда она посмотрела на меня, подняв стаканчик.

— Какой догадливый следователь, — сказала она. — Небось ломает теперь голову, что же задумала нехорошая леди. А ты не подумал, что леди, может быть, интересуется тобой? Неужели я тебе не нравлюсь? — Она поерзала в кресле.

— Я не стану наставлять рога Буббе.

— О как?

— Вы живете с ним. Вам прекрасно известно, что это за человек. На вашем месте я бы хорошенько подумал.

— А вы становитесь грубым, мистер Робишо.

— Понимайте как знаете. Ваш муж — ненормальный. Попробуй задеть его самолюбие, уязвить на людях — и он станет вести себя точь-в-точь как тот мальчишка, который столкнул своего парализованного брата в овраг.

— У меня для вас новости, сэр, — сказала она. Она оставила игривый тон, и странный красный отблеск в ее глазах стал будто бы ярче. — Я отсидела три года в таком месте, где надзирательницы запрещали ходить по вечерам в душ, иначе тебя отымеют по самое не балуйся. Бубба никогда не сидел в тюрьме. Он там просто не сможет. Через три дня им придется запереть его в ящик, наглухо его заколотить и отнести в чисто поле.

Грузовик с грохотом въехал на мост. Металлические швы заскрежетали под тяжестью шин. Смотритель моста изумленно посмотрел на нас с миссис Рок.

— И еще кое-что. У Буббы в Новом Орлеане всегда наготове пара-тройка шлюх для личного, так сказать, пользования. А я не могу и слова против сказать. Я всего лишь его милая женушка, которая следит за домом и стирает его потные шмотки. Так что я тоже

имею право повеселиться. От тебя воняет.

Наступили прохладные сумерки. Мы миновали обветшалые негритянские домишки с покосившимися верандами, гриль-бар, где барбекю готовилось тут же на улице под сенью раскидистого дуба, и старый кирпичный магазинчик с рекламой пива «Дикси» на окне.

— Я высажу вас на стоянке. У вас есть деньги на такси?

— Мы с мужем владеем такси. Мы на них не ездим.

— Ну что ж. В такую погоду не грех и прогуляться.

— Ты — дерьмо.

— Может быть.

— Да уж. А я-то, глупая, думала, что смогу что-то для тебя сделать. Видать, я ошиблась.

Ты просто-напросто закоренелый неудачник. Знаешь, как становятся неудачниками? Практика нужна. — Когда мы подъехали к Ист-Мейн, она указала рукой в темноту. — Останови-ка вон у того бара.

Она допила остатки из термоса и небрежно выбросила его в окно. Он с шумом стукнулся об асфальт, подпрыгнул и перевернулся. Несколько мужчин, куривших и потягивавших баночное пиво у входа в бар, обернулись и посмотрели в нашу сторону.

— А я как раз собиралась предложить тебе должность управляющего одним из рыбообрабатывающих заводиков Буббы. Работенка не меньше чем тысяч на сто в год. Подумай об этом, когда будешь возвращаться к своим червякам.

Я остановил грузовичок у входа в бар. Неоновая вывеска расцветила кабину красным. Мужики у входа замолчали и уставились на нас.

— И последнее. Я не хочу, чтобы ты уезжал отсюда с мыслью, что ты победил. — Она приподнялась на коленях, обняла меня за шею и запечатлела на моих губах влажный поцелуй. — Ты только что отказался от лучшего секса в своей жизни, милый. Почему бы тебе не предложить своим друзьям — анонимным алкоголикам — поиграть в бильярд собственными яйцами? Это будет в твоём стиле.

* * *

Я слишком устал, чтобы размышлять, кто же из нас вышел победителем. В ту ночь над Мексиканским заливом висели грозовые тучи, на черном куполе неба то и дело вспыхивали молнии — и я чувствовал, что уснувший было во мне тигр вновь заворочался. Я почти слышал, он как скребет по прутьям клетки своими когтистыми лапами, почти видел, как горят его желтые глаза, чуял вонь его испражнений и смрад гнилого мяса, исходящий из пасти.

Я никогда не пытался искать объяснений этому своему состоянию. Психолог, возможно, назовет это депрессией, нигилист — зарождением философской интуиции. Но, несмотря на все эти ученые словеса, для меня это было просто предчувствие очередной бессонной ночи. Батист, Алафэр и я отправились на грузовичке в Лафайет посмотреть фильм в передвижном кинотеатре. Мы сидели на деревянных стульях, ели хот-доги, запивая их лимонадом, и смотрели двойную диснеевскую программу, однако мне никак не удавалось избавиться от темных мыслей, наполнявших мой рассудок.

Я смотрел на серьезное невинное личико Алафэр, озаренное светом экрана, и задумался обо всех невинных жертвах алчности, жестокости и недалёковидности политиканов и

военных. Я винил в этом прежде всего движимые жаждой наживы корпорации и близорукие действия политиков, рассчитанные на поднятие собственного рейтинга, — политиков, которые разжигают и финансируют войны, однако сами никогда в них не участвуют. Но хуже этого было другое — наше собственное равнодушие и бездействие, бездействие тех, кто все видел воочию.

Я видел эти жертвы собственными глазами, видел трупы, которые выносили из расстрелянных минометами деревень, людей, сожженных напалмом и похороненных заживо в ямах, вырытых на берегу реки.

Но отчетливее, чем самые страшные воспоминания о той войне, проступает в моем мозгу одна виденная мною когда-то фотография. Этот снимок был сделан нацистским фотографом в Берген-Белсене, запечатлел еврейку, несущую на руках маленького ребенка к асфальтовому скату перед газовой камерой. Свободной рукой она держала за руку маленького мальчика, а позади них шла девочка лет девяти. На ней было коротенькое пальтишко, точь-в-точь такое, как носили в мое время младшие школьники. Фотография была не слишком четкой, лица людей были смазаны и расплывчаты, но по какой-то причине белый чулок девочки, спустившийся на пятке, выделялся в полумраке фотографии, точно схваченный серым лучом света. Так и осталась в моей памяти эта картина — белый спустившийся чулок на фоне смертоносного коридора. Даже не знаю почему. Вот и теперь, когда я вновь и вновь переживаю гибель Энни, или вспоминаю рассказ Алафэр о ее индейской деревне, или смотрю старый документальный фильм о вьетнамской кампании, меня охватывает то же чувство.

Иногда я вспоминаю строки из Книги Псалмов. Не могу назвать себя человеком верующим, более того, мои познания о религии весьма отрывочны; тем не менее эти строки объясняют все гораздо лучше, чем мой скудный разум: те строчки, в которых говорится, что невинные страдальцы за весь род человеческий особо любимы Богом, они — помазанники Божьи; их жизнь — жертвенная свеча, а сами они — узники небес.

* * *

Всю ночь лил дождь, а наутро вошло солнце, озарив мягким розовым светом задержавшийся в ветвях деревьев предрассветный туман. Я спустился за газетой и устроился на крыльце с чашечкой кофе.

Зазвонил телефон. Я вернулся в дом и снял трубку.

— Чем это ты занимался с этой лесбиянкой?

— Данкенштейн?

— Он самый.

— Так чем это вы с ней занимались?

— Тебя это не касается.

— Ошибаешься. Все, чем она и ее муженек занимаются, касается нас.

— Откуда ты узнал, что я виделся с Клодетт Рок?

— У нас свои источники информации.

— За нами не было хвоста.

— Ты просто его не заметил.

— Говорю тебе, хвоста не было.

— Ну и что?

— Вы что, их телефон прослушиваете?

Он молчал.

— Что ты хочешь сказать, Данкенштейн?

— Что ты спятил.

— Она рассказала кому-то по телефону, что я ее подвез, когда она была в Нью-Иберия?

— Не «кому-то», а мужу. Она позвонила ему из бара. Кое-кто считает, что ты — говнюк и тупица, Робишо.

Я уставился на занавешенные туманом деревья с мокрой от утренней росы листвой.

— Когда ты позвонил, я пил кофе и читал газету, — сказал я. — Сейчас я положу трубку и вернусь к этому приятному занятию.

— Я звоню из магазинчика у моста, — сказал он. — Через десять минут буду у тебя.

— Вообще-то, я собираюсь на работу.

— Работа подождет. Я позвонил шерифу и сказал, что ты задержишься. До скорого.

Через пару минут к дому подъехал серый служебный автомобиль, он выбрался из него, прикрыл дверцу и немедленно угодил в лужу носком начищенной туфли. Он был, как всегда, элегантен: стрелки на серых полотняных брюках безукоризненно отглажены, красивое лицо гладко выбрито, светлые волосы блестят. Его талию стягивал кожаный ремень с начищенной пряжкой, отчего он казался еще выше.

— У тебя найдется еще чашка кофе? — спросил он.

— Ты только затем и приехал, Майнос? — Я придержал для него входную дверь, однако, боюсь, тон мой был не особо гостеприимным.

Он вошел и принялся рассматривать книжку-раскраску, забытую Алафэр на полу.

— Не только. Может быть, я хочу помочь тебе. Почему бы тебе не перестать ерепениться? Каждый раз, когда я пытаюсь с тобой поговорить, ты начинаешь дерзить.

— Вообще-то, я тебя не звал. Ты сам постоянно напоминаешь о себе. И ни хрена вы мне не помогаете. Так что перестань пороть чушь.

— Хорошо, допустим, ты прав. Мы обещали тебе что-нибудь сделать. У нас не вышло. Так бывает, и ты об этом прекрасно знаешь. Мне уйти?

— Пойдем на кухню. Я тут собирался есть мюсли. С бананами и клубникой. Хочешь порцию?

— Не откажусь.

Я налил ему кофе с горячим молоком. В окно лился голубоватый утренний свет.

— Не стал подходить к тебе на похоронах. Я не умею выражать соболезнования. Теперь я могу тебе это сказать: мне очень жаль.

— Я не видел тебя на похоронах.

— На кладбище я не поехал. Это ведь дело семейное, правда? Думаю, ты у нас пареня правильный.

Я насыпал две чашки мюсли, добавил нарезанные кусочками бананы и несколько ягод клубники. Он сразу сунул в рот полную ложку. Молоко стекало у него по подбородку. Сквозь коротко стриженные волосы проглядывал череп.

— Так-то лучше, браток, — сказал он.

— Так почему же я должен опоздать на работу? — спросил я.

— На одной из найденных тобой пуль остался превосходный отпечаток пальца. Догадайся, у кого из картотеки новоорлеанского полицейского управления точно такой же?

— У кого же?

— В тебя стрелял Виктор Ромеро, приятель. Я вообще удивляюсь, что ты еще жив; в свое время во Вьетнаме он был снайпером. Слышал, ты здорово отделал его машину.

— Откуда ты про это узнал? Даже мне ничего не сказали.

— Мы начали охотиться за этим парнем задолго до тебя. Всякий раз, как где-нибудь всплывает его имя, управление дает нам знать.

— Я хочу спросить у тебя одну вещь, только честно. Как ты думаешь, в этом замешаны федералы?

— Ты серьезно?

— Повторить вопрос?

— Ты же хороший полицейский, Робишо. Всякие истории о заговоре между преступниками и правительством давно вышли из моды, — сказал он.

— Я недавно ездил в новоорлеанское отделение Департамента по иммиграции. Этого Монро, похоже, мучает чувство вины.

— Что он тебе сказал? — Он с новым интересом посмотрел на меня.

— Попытался убедить меня, что ни в чем не виноват. Это ему не удалось.

— Так ты и вправду убежден, что кто-то из федералов или из управления по делам иммиграции и натурализации хочет от тебя избавиться?

— Не знаю. Как бы то ни было, они почуяли, что вляпались в дерьмо.

— Послушай, правительство не станет убивать граждан своей страны. Я думаю, ты просто попал на ложный след, который никуда тебя не приведет.

— Думаешь? А по-твоему, кого из собственных сограждан правительство посылает в Центральную Америку? Бойскаутов? Таких, как ты?

— Нет.

— Вот-вот. Парней вроде Виктора Ромеро.

Он задержал дыхание.

— Хорошо, попробуем копнуть в этом направлении.

— Где это ты видел, чтобы федералы закладывали друг друга? Ты у нас прямо шутник, Майнос. Доедай мюсли.

— Вечно он издевается.

* * *

В жаркий полдень мы с Сесилом припарковали полицейский автомобиль у знакомой бильярдной на Мейн-стрит в Нью-Иберия. Ребята из лафайетского колледжа отвинтили в мужской уборной автомат для продажи презервативов и вынесли через заднюю дверь.

— У них там в Лафайете что, презервативов нет? Зачем им было мои-то красть? — разводил руками хозяин заведения, Ти Нег. Я стоял под прохладой вентиляторов, из кухни упоительно пахло жареными колбасками и бамией. Как всегда, кучка пожилых завсегдатаев попивала в углу пиво и раскидывала картишки. — И чему их только в ихнем колледже учат-то? А если кто-нибудь придет за резинкой, что я им скажу?

— Воздержание — лучший способ предохранения.

Ти Нег аж рот открыл от удивления и обиды.

— Что ты хочешь этим сказать? Как ты можешь такое говорить Ти Негу? Ты никак

свихнулся, Дейв?

Из прохладной бильярдной мне пришлось выйти на солнцепек — там Сесил записывал показания свидетелей, видевших машину этих ребят. Тут к бильярдной вывернул кремового цвета «олдсмобиль» с тонированными стеклами. Водитель даже не стал толком парковать машину, а просто поставил наискось к тротуару, поставил рычаг в нейтральное положение, открыл дверь и вышел на улицу; двигатель продолжал урчать. Волосы его были зализаны назад, кожа загорелая, как у квартирона^[14]. На нем были мокасины с кисточками, дорогие серые брюки и розовая рубашка-поло; однако при его узких бедрах, широких плечах и плоском мускулистом животе одежда выглядела излишеством. Широко расставленные серо-голубые глаза по-прежнему ничего не выражали, однако кожа на лице была стянута так, что над висками появились тонкие белые линии.

— В чем дело, Бубба? — спросил я.

Вместо ответа он двинул мне кулаком в подбородок, да так, что я отлетел к двери бильярдной. Планшетка моя очутилась в углу, я попытался удержаться за стену, и тут дверной проем заслонила его мощная фигура. Он кинулся на меня и двинул пару раз кулаком по голове; я согнулся в три погибели. Я чувствовал запах его пота, смешанного с одеколоном, чувствовал, как он прерывисто дышит: он попытался ударить меня наотмашь, но я успел увернуться. Я и забыл, как сильно он способен ударить. Нанося каждый удар, он поднимался на носки, его мускулистые бедра и упругие ягодицы едва не рвали брюки по швам. Он никогда не защищался, его девиз был — нападение, и он бил, целясь в глаза и нос, с такой яростью и энергией, что ясно было — он не остановится, пока не превратит противника в котлету.

Однако когда он раскрылся, ударом левой я двинул ему в глаз, и его голова дернулась от удара; не давая ему опомниться, я наискось огрел его правой в челюсть. Он покачнулся и сбил медную плевательницу, которая со звоном покатила по полу, разбрызгивая содержимое. Под глазом у него образовалась красная гематома, а на скуле явственно отпечатались след моего кулака.

Он сплюнул на пол и одернул штаны на поясе большим пальцем.

— Если это был твой лучший удар, ты — слабак, — сказал он.

Вдруг в бильярдную ворвался Сесил — щека оттопырена табачной жвачкой, на поясе болтаются дубинка и наручники, пристегнутые к кобуре. Он схватил Буббу сзади за руки, скрутил его и шваркнул головой о картонный стол.

Бубба поднялся на ноги, на его штанах отчетливо проступили пятна смешанной с табаком слюны. Я заметил, что Сесил потянулся к своей дубинке.

— Что за черт, Дейв?.. — спросил Бубба.

— А в рыло не хочешь? — перебил его Сесил.

— Сукин сын, ты путался с Клодетт. Не пытайся отрицать это. Придержи своего пса, и я тебе мозги вышибу.

— Ты — болван, Бубба.

— Ага. Потому что не ходил в колледж, как ты. Так мы закончим или нет?

— Ты арестован. Повернись. Руки на стол.

— Да пошел ты... Засунь свой жетон себе в задницу.

Сесил двинулся было к нему, но я остановил его.

Я схватил твердую, как кедровый сук, руку Буббы и попытался завернуть ему за спину.

Так мне это и удалось.

Молниеносным движением он повернулся ко мне. У него чуть глаза не лопнули, так сильно он размахнулся. Однако он не смог удержать равновесия, да и я успел увернуться, так что удар пришелся вскользь по уху. И тут я изо всех сил врезал ему правой по зубам.

На губах его выступила слюна, глаза широко раскрылись, кончики ноздрей побелели от шока и боли. И тогда я двинул ему левой, на сей раз повыше глаза; последний мой удар пришелся под ребра с левой стороны. Он согнулся пополам, сползая вниз по барной стойке, и ему пришлось ухватиться за резной выступ, чтобы не завалиться на пол.

Я запыхался, в месте удара лицо мое онемело и распухло. Отцепив от пояса наручники, я застегнул их на запястьях Буббы, потом усадил его на стул. Он наклонился и выплюнул сгусток кровавой слюны.

— Отвезти тебя в больницу? — спросил я.

Он ухмыльнулся; в глазах его заплясали бесовские огоньки, на зубах алело пятно, точно след от помады. Потом выругался по-французски.

— Ты обругал меня потому, что я выиграл бой? — спросил я. — Брось, это на тебя не похоже. Может, все-таки в больницу?

— Эй, Ти Нег, — окликнул он хозяина заведения, — поставь всем за мой счет. Угощаю.

— Нету у тебя счета, — ответил Ти Нег. — И никогда не будет.

Сесил проводил Буббу до машины и запер на заднем сиденье. В прилизанных волосах его остались опилки, которыми был усыпан пол бильярдной. Он смотрел из-за решетки, как хищный зверь из-за прутьев клетки. Сесил завел мотор.

— Сверни-ка в парк на пару минут, — попросил я.

— Зачем это? — поинтересовался Сесил.

— Мы же никуда не спешим, верно? И день такой славный. Давай съедим по мятному мороженому.

Мы пересекли раздвижной мост над заливом Тек. Коричневатая вода стояла высоко, и вдоль зарослей водяных лилий блестели на солнце радужные крылья стрекоз. Я мог различить бронированные спины аллигаторов, притаившихся в тени кипарисов вдоль берега. По заросшей дубами аллее мы въехали в парк, миновали открытый бассейн и остановились рядом с бейсбольной площадкой. Я вручил Сесилу две долларовые бумажки.

— Купи-ка нам три мороженных, — попросил я.

— Дейв, место этого человека — в тюрьме, а не в парке с мороженым, — возразил было Сесил.

— То, что произошло между нами, — личное. Я просто хочу, чтобы ты это понял, — сказал я.

— Этот человек — сутенер. Он не заслуживает пощады.

— Может быть, так оно и есть. Но пусть это останется на моей совести. — Я подмигнул ему и ухмыльнулся.

Ему это не понравилось; тем не менее он взял деньги и побрел искать палатку мороженщика. В бассейне пацаны сигналят с вышки в голубую, игравшую солнечными бликами воду.

— Ты и вправду поверил, что я путался с твоей женой? — спросил я у Буббы.

— А разве не так, сука?

— Сплюнь свои ругательства и отвечай нормально.

— Она знает, как залезть мужику в штаны.

— Как ты можешь так о собственной жене?

— Ну и что? Она такая же женщина.

— Неужели ты не понял, что тебя надули? Я-то думал, ты умнее.

— Неужели, когда она сидела рядом с тобой в грузовике, ты ни о чем таком не думал? — улыбнулся он. Его зубы еще были розовыми от крови. Руки его были закованы за спиной, и от этого его грудь казалась еще шире. — Она любит иногда подурочиться, — сказал он.

— Все они это любят. Это не означает, что надо расстегивать ширинку.

— Эй, скажи честно, ты ведь чуть в штаны не наложил, когда я тебя ударил?

— Я хочу тебе кое-что сказать, Бубба. Пойми меня правильно. Сходил бы ты к психиатру. Ты ведь богат, можешь себе позволить. Начнешь лучше разбираться в людях, да и в себе тоже.

— Что я богат, это точно. Да мой садовник получает больше, чем ты. Тебе это ни о чем не говорит?

— Ты не умеешь слушать. И никогда не умел. Потому-то в один прекрасный день тебя ждет большой облом.

Я выбрался из машины и открыл дверцу.

— Ты что? — спросил он.

— Выходи.

Я помог ему выбраться из машины.

— Повернись, — приказал я.

— Что ты задумал? — спросил он.

— Ничего. Я отпускаю тебя.

Я расстегнул наручники. Он принялся тереть запястья. Его широко расставленные серо-голубые глаза сверлили меня недоуменным взглядом.

— Полагаю, то, что произошло у Ти Нега, останется между нами. Так что на сей раз ты свободен. Попадешься еще раз — отправишься в тюрьму.

— Блин, ну ты Робин Гуд.

— Не знаю почему, но у меня такое чувство, что ты — человек без будущего.

— Да ну?

— В один прекрасный день они погубят тебя.

— Кто — они?

— Федералы, легавые или твои дружки. Рано или поздно это случится, и притом тогда, когда ты меньше всего будешь готов. Вспомни ту шлюху, которую поджег Эдди Китс. Когда он с улыбкой постучал в ее дверь, она, наверное, предвкушала уик-энд на островах.

— Думаешь, ты первый легавый, который говорит мне подобную чушь? И всегда-то я слышу эти бредни, когда у вас ничего на меня нет, ни улики, ни состава преступления, ни свидетелей. А знаешь, почему вы так говорите? Потому, что вы носите дерьмовые костюмы, ездите на дерьмовых машинах и живете в хибарах возле аэропорта. И вот вам попадается человек, у которого есть все, о чем вам приходится только мечтать, оттого что большинство из вас слишком безмозглые, чтобы иметь хоть толику моего. И единственным способом рассчитаться вам видится этот. Да-да, именно пурга про то, что типа кто-то скоро меня прихлопнет. Так что тебе я скажу то же самое, что говорю остальным: когда вы сдохнете, я куплю пива и помочусь на вашу могилу.

Он достал из кармана пластинку жвачки, развернул обертку, выбросил ее на землю и сунул резинку в рот. Все это время он не отрывал взгляда от моего лица.

— У тебя ко мне все?

— Да.

— Кстати, вчера я напился, так что не спеши приписывать себе победу.

— Я перестал вести счет давным-давно. Наверное, повзрослел.

— Да ну? Скажи это себе в очередной раз, когда увидишь свой банковский счет. Кстати, я ж тебе должен за то, что ты меня разукрасил. Купи себе что-нибудь хорошее и приходи мне счет. Увидимся.

— Я хочу, чтобы ты понял, Бубба. Если я узнаю, что ты как-то связан с гибелью моей жены, пеняй на себя.

Он продолжал жевать резинку. Потом вдруг оглянулся на бассейн, словно подыскивая нужные слова для ответа, однако вместо этого быстрым шагом пошел прочь. Под подошвами его мокасин похрустывали сухие листья. Внезапно он остановился и обернулся ко мне.

— Послушай-ка, Дейв. Представь, что у меня деловая встреча и мой партнер видит такую рожу. Прикинь, да?

Пройдя еще несколько шагов, он снова обернулся. Солнечные блики играли на его жестких волосах и загорелом лице.

— А помнишь, как вот в этом самом парке мы играли в мяч и орали друг на друга как полоумные? — И, дурачась, ухватил себя между ног. — То-то времечко было, приятель.

* * *

По дороге в участок мне пришлось купить упаковку колотого льда и растопить его в чистом пластиковом ведерке. Каждые пятнадцать минут я окунал туда полотенце, прикладывая его к лицу и считал до шестидесяти. Не самый приятный способ полуденного отдыха, однако это спасло меня от перспективы проснуться с физиономией цвета спелой сливы.

Почти перед концом рабочего дня, когда лучи вечернего солнца озарили красноватым светом поля сахарного тростника за окном, я уселся за стол в своем крошечном кабинетике и вновь принялся изучать досье Виктора Ромеро, присланное нам новоорлеанским полицейским управлением. На стандартных снимках анфас и в профиль, сделанных в участке, черно-белый контраст выделялся особенно отчетливо. Его свисавшие к шее черные кудри были словно смазаны маслом, кожа лица казалась белой как кость, а небритые щеки словно кто сажей испачкал.

Его послужной список не слишком впечатлял. Четырежды его задерживали за незначительные правонарушения, в том числе содействие проституции; полгода его продержали в окружной тюрьме за ношение орудий взлома, а еще ему предстояло судебное разбирательство за неявку на рассмотрение дела о вождении автомобиля в нетрезвом состоянии. Однако это список только тех преступлений, в которых его удалось уличить. А сколько, должно быть, остались неизвестными, а следовательно, безнаказанными? К тому же о том, что происходит в голове парня по имени Виктор Ромеро, эта бумажка тоже бессильна дать ответ.

На фотографиях глаза его ничего не выражали. С таким выражением ждут автобуса на остановке. С трудом верилось, что этот самый человек убил Энни, что он в упор расстреливал ее, пока она кричала и пыталась закрыть лицо руками. Неужели этот человек

состоит из плоти, мышц, костей и сухожилий, как и все мы? Или его мозг вышел прямо из адского котла, а руки-ноги выкованы в дьявольской кузнице?

* * *

На следующее утро нам позвонили ребята из округа Св. Мартина. Негр, рыбачивший на свой пироге близ Хендерсоновой дамбы, заметил под водой затонувший автомобиль. Полицейский-водолаз установил, что это малиновая «тойота», и водитель находится в машине. На место преступления из Сент-Мартинвилля выехали полицейские с коронером, а также тягач.

Я позвонил в Новый Орлеан Майносу Дотриву и предложил ему встретиться на месте.

— Вот и молодец, — сказал он. — Вот это я называю профессиональным сотрудничеством. И когда это я ругал провинциальных легавых?

— Кончай язвить, Майнос.

Через двадцать минут мы с Сесилом уже прибыли к насыпи на краю атчафалайского болота. Жара стояла ужасная, солнце отражалось в водной глади, а поросшие ивняком островки недвижно зеленели в утреннем мареве. Припозднившиеся рыбаки все еще пытались поймать голубого тунца или пучеглазого окуня, устроившись на старых нефтяных вышках, разбросанных по заливицам, или в теньке на скатах шоссе, опоясывающего водоем. Высоко в небе парили в поисках добычи грифы-индейки. Пахло тухлой рыбой, водяными лилиями и камышами. Неподалеку от берега из воды торчали черные чешуйчатые мордочки мокасиновых змей.

На том месте, где машина шлепнулась в воду, земля была мокрой. Под углом к дороге среди травы и лютиков тянулся след шин; колеса машины проделали глубокие колеи в болотистой почве, и она погрузилась в ил. Водитель тягача, здоровяк в джинсах, с обнаженным торсом, вручил крюк полицейскому-водолазу, стоявшему на мелководье в желтых плавках, с маской и дыхательной трубкой наготове. В глубине, под толщей искрящейся на солнце воды, виднелись очертания «тойоты».

Майнос подъехал как раз в тот момент, когда водолаз прицепил крюк к корпусу автомобиля и трос лебедки натянулся под тяжестью машины.

— Как думаешь, что могло случиться? — спросил он меня.

— Хороший вопрос.

— Может быть, тебе все-таки удалось попасть в него?

— Кто знает. Если так, то как же он здесь очутился?

— Помирать приехал. Даже такой дерьмец, как он, должен сообразить, что такие вещи надо делать в одиночестве.

Тут он увидел выражение моего лица. Откусил сломанный ноготь, сплюнул и стал наблюдать, как лебедка тянет машину наружу.

— Прости, — сказал он.

Внезапно песок вдоль берега вздыбился, точно от взрыва, и на поверхности появилась задняя часть «тойоты», покрытая водяными лилиями и вырванными с корнем камышами. Водитель тягача аккуратно вытащил машину на поверхность и рывком вытянул ее на берег. В заднем стекле зубастой пастью зияла дыра.

Двое полицейских из участка Св. Мартина открыли боковые дверцы, и на землю

пролился поток воды вперемешку с илом, мхом и прочей растительностью; извиваясь, плюхнулись на берег угри. Длинные жирные рыбины с серебристыми телами и красными плавниками извивались среди лютиков, словно клубок змей. Тело человека на переднем сиденье завалилось набок так, что голова свисала из открытой пассажирской двери. Голова эта была обмотана засохшей лозой, покрыта грязью и пиявками. Я уставился на тело, Майнос заглянул через мое плечо:

— О господи, да у него пол-лица отъедено.

— Ага.

— Что ж, может быть, Виктор мечтал стать частью природы.

— Это не Виктор Ромеро, — отозвался я. — Это Эдди Китс.

Один из полицейских попытался вытащить его за запястья на траву, но быстро оставил это дело, вытер руки о штаны и, найдя валявшийся в траве обрывок газеты, обернул его вокруг руки Китса и рывком вытянул его из машины. Из уже знакомых мне лиловых ковбойских сапог Китса хлынула вода. Рубаха его была расстегнута на груди. Входное отверстие пули было справа, и довольно крупное — с мой мизинец, черное, с рваными краями; кожа вокруг него была изрядно обожжена. Вышла пуля через левую подмышку. Полицейский ткнул его руку носком ботинка, чтоб получше рассмотреть рану.

— Такое впечатление, что эту дырку провинтили чайной ложечкой, — сказал он.

Коронер кивнул двум медикам, стоявшим возле машины, чтобы те спускались. С собой у них были носилки и черный мешок.

— Сколько он пробыл в воде? — спросил я коронера.

— Дня два-три, — ответил тот — огромный, толстозадый человек; карманы его были набиты сигарами. Щурясь, он уставился на играющую солнечными бликами воду. — В такую погоду они разлагаются моментально. Этот еще не особо, но на подходе. Вы его знаете?

— Есть немного.

— И кто же этот красавчик?

— Наемный убийца. Довольно низкого пошиба. Из тех, с кем торг уместен, — сообщил Майнос.

— По-моему, кто-то сделал работу за него, — откликнулся коронер.

— Как вы считаете, о каком оружии идет речь? — спросил Майнос.

— Поскольку у нас нет пули, остается только гадать. Может, какие-то частички мы и найдем, но особого толку от них не будет. Навскидку я бы исключил винтовку. Кожа вокруг входного отверстия обожжена, это позволяет предположить, что дуло приставили к телу. Однако угол попадания восходящий, из чего можно сделать вывод, что убийца держал оружие низко и пригнул ствол перед тем, как выстрелить, что в принципе бессмысленно. Таким образом, я считаю, что стреляли из пистолета, причем из крупнокалиберного, вроде «магнума» 44-го или 45-го калибра. У бедняги небось было ощущение, что кто-то сунул ему в глотку ручную гранату. Что-то вид у вас растерянный.

— И то правда, — сказал Майнос.

— Что такое? — удивился коронер.

— В машине не тот, — глухо произнес я.

— А по мне, так тот самый. Давайте закругляться. Не желаете осмотреть его карманы, покуда мы его не убрали?

— Я скоро подъеду в Сент-Мартинвилль, — сказал я. — Если можно, сделайте мне копию протокола вскрытия.

— Не вопрос. А то оставайтесь и посмотрите сами. Я мигом его разделаю. — Глаза его весело блеснули, а в уголках рта заиграла улыбка. — Да ладно, расслабьтесь. Шучу я.

Тело Китса упаковали в мешок и унесли. Из штанины выпал и задергался в траве угорь: должно быть, ему переломило спину.

Через несколько минут скорая, машина коронера и участковый автомобиль уехали. Мы с Майносом остались одни. У тягача что-то случилось с лебедкой, и водитель на пару с

Сесилом пытались исправить поломку. На болотах дул горячий ветер; он оставлял рябь на воде и пригибал к земле траву и лютики под нашими ногами. Слышно было, как лебеди кормятся упавшими в воду москитами.

Майнос подошел к «тойоте» и принялся рассматривать следы от моих пуль на капоте. Отверстия были серебристого цвета и гладкие на ощупь, словно след от дырокола.

— Ты уверен, что Китса в машине не было? — спросил Майнос.

— Если только на полу прятался, — ответил я.

— Тогда каким образом он попал сюда и почему его грохнули и утопили в болоте вместе со злополучной машиной?

— Откуда мне знать.

— А какие-то соображения имеются?

— Я же сказал, нет.

— Да ладно. По-твоему, кто мог желать его смерти?

— Куча народа.

— А из этой кучи кто живет ближе всего отсюда?

— На что ты намекаешь?

— Да так. Сам посуди: моя цель — добраться до Буббы Рока. А теперь получается так, что все, кто как-то был с ним связан, мрут как мухи. Мне это очень не нравится.

— Китсу тоже.

— Не смешно.

— Открою тебе тайну, Майнос. Расследование убийств — это не то, что расследование преступлений, связанных с наркотиками. Твои клиенты нарушают закон в основном из-за денег. А вот убийства совершаются по многим причинам, зачастую не поддающимся никакому логическому объяснению. В особенности если дело касается Китса и ему подобных.

— Слушай, всякий раз у меня возникает ощущение, что ты говоришь людям далеко не все, что знаешь. Не в курсе, почему мне так кажется?

— Ну обыщи меня.

— А еще у меня ощущение, что тебе плевать, как они погибли, — по-твоему, сдох, и ладно?

Я снова подошел к «тойоте» и заглянул внутрь. Ничего интересного я не увидел: осколки стекла на полу, два выходных отверстия от пули в спинке пассажирского сиденья, куски сплющенного свинца на приборной доске, глубокая борозда в потолочной обшивке. Из салона несло теплой сыростью.

— Полагаю, Ромеро собирался избавиться от машины, потому и пригнал ее сюда. А Китс, скорее всего, должен был забрать его на другом автомобиле. Потом по какой-то причине Ромеро застрелил его. Может быть, просто что-то не поделили. А статья, это Китс должен был прикончить Ромеро, но у него не вышло.

— А зачем Китсу было убивать Ромеро?

— Да откуда я должен знать? По-хорошему, о Ромеро и речи быть не должно. Его надо было упечь в кутузку давным-давно. Почему бы тебе не нажать на своих коллег?

— Может быть, и стоит. Может, им самим это не нравится. Иногда эти засранцы становятся неуправляемыми. Однажды мы взяли под защиту как свидетеля одно уличного торговца. А он вместо благодарности возьми и пристрелил продавца винного магазина. Так тоже бывает.

— Мне ничуть вас не жаль. Поехали, Сесил. Пока, Майнос.

Мы с Сесилом отправились обратно; на пути нам попадались лодочные станции, пивные и рыбацкие хижины на сваях. Ветер развеивал пучки мха, свисавшие с засохших кипарисовых стволов. В кафе на мосту Бро я угостил Сесила жареной рыбой, потом я нависшем над дорогой полуденном мареве мы покатали в Нью-Иберия.

Последовавшие два часа я проторчал в своем кабинете, зарывшись в бумаги, однако так и не смог сосредоточиться на бланках и формах. Никогда не любил заниматься подобными вещами: во-первых, они не имеют никакого отношения к настоящей работе — пусть ими занимаются те, кто жаждет повышения, или прирожденные канцелярские крысы. К тому же, как и многие люди, достигшие среднего возраста, я понял, что кража времени — куда более серьезное преступление, чем кража денег или имущества.

Я допил кофе и уставился в окно на залитые солнцем деревья. Позвонил домой узнать, как Алафэр, потом Батисту, на лодочную станцию. Сходил в туалет — просто чтоб отвлечься. Однако мне пришлось вернуться к письменному столу: показатель раскрываемости, почасовой отчет о произведенных действиях — при том что большинство из задержанных выпущено под залог и, скорее всего, вряд ли чье-либо дело дойдет до суда. Кончилось тем, что я открыл самый большой ящик своего письменного стола и сунул туда все бумаги. Задвинув ящик носком ботинка, сменился со службы и прикатил домой как раз вовремя, чтобы увидеть отъезжающее такси и Робин Гэддис, стоящую с чемоданом на крыльце.

На ней были кожаные лакированные туфли, «ливайсы» и свободная блузка с нежным, точно нарисованным акварелью, розово-серым рисунком. Я притормозил, выскочил из грузовичка и пошел ей навстречу; под моими ногами хрустели сухие листья. Она улыбнулась мне и закурила сигарету. Попыталась принять непринужденный вид, однако глаза ее блестели, а на лице застыло беспокойство.

— Ничего себе, да ты и в самом деле живешь среди пеликанов и аллигаторов. А всякие там нутрии и змеи по ночам в дом не залазят?

— Как ты, Робин?

— Подожди. Дай мне окончательно убедиться, что я на твердой земле. Понимаешь, я прилетела рейсом одной из этих чокнутых компаний, на роже пилота красовалась трехдневная щетина, вдобавок от него перло чесноком. Мы так лихо ныряли в воздушные ямы, что двигатели замирали, в колонках играло мамбо, а от самолета, наверное, на мили тянуло коноплей.

Я взял ее за руку, и вдруг мне самому стало неловко. Я легонько приобнял ее за плечи и поцеловал в щеку. Волосы у нее были теплые, сзади на шее выступили капельки пота. Она прижалась ко мне животом, и я почувствовал, как у меня напряглись мышцы в паху.

— Сегодня, по-моему, ты не намерен сжимать меня в медвежьих тисках, — сказала она. — И это здорово, Седой. Ничего страшного. У меня все ништяк. Не надо ничего говорить. Мамочка и так все знает. Ей просто до смерти захотелось купить тридцатидевятидолларовый билет на самолет авиакомпании «Камикадзе Эрлайнс».

— Что произошло в Ки-Уэст?

— Я решила сменить место работы. На новом не получилось.

— Расскажи подробнее.

Она отвернулась от меня и уставилась в окно на ореховые деревья.

— Просто в один прекрасный день мне до чертиков надоело разносить кукурузные

олады. Тут я познакомилась с парнем, который держит диско-бар на другом конце острова. Вроде бы классное местечко, щедрые чаевые и тому подобное. Так оно и было. Правда, одно «но» — угадай, какое? Выяснилось, что заведение облюбовали педики. Так этот парень и старший бармен придумали очень умную аферу. Приезжает, значит, такой кадр — не закоренелый, а такой, у кого и семья, и дети есть. Ладно, напивается, значит, до чертиков и давай лапать какого-нибудь смазливового мальчика, — а они, пользуясь его кредиткой, заказывали полдюжины ящичков шампанского и даже подпись его подделывали. Ну и когда месяц спустя мужику приходил счет, он ничего не мог поделывать — либо ни черта не помнил, либо стыдно было признаться, что он посещает подобные места.

Ну и в один прекрасный день, сразу после закрытия, я возьми и скажи этим ребятам, что я о них думаю. Ну, хозяин сидит себе на стуле и с этакой мерзкой улыбочкой начинает гладить мои бедра. И смотрит мне прямо в глаза — знает, сволочь, что у мамочки нет ни денег, ни друзей, ей некуда пойти. Правда, в этот момент у меня в руках была чашечка горячего кофе — и я плеснула ее прямо ему на причиндалы.

Слышала, что на следующий день он ходил так, будто ему причинное место мышеловкой защемило. Но, — она цокнула языком и тряхнула головой, — у меня с собой всего лишь сто двадцать баксов и даже пособия по безработице мне не положено — эти скоты сообщили в центр занятости, что я была уволена за то, что не пробивала чеки и таким образом прикарманивала деньги. Вот так-то, Седой.

Я потрепал ее по шейке и взял чемодан.

— Дом у нас большой. Днем бывает жарковато, зато ночью прохладно. Думаю, тебе понравится, — сказал я, жестом хозяина распахнув перед ней дверь. — Кстати, мне требуется помощник на лодочной станции.

— Типа... продавать червяков и тому подобное?

— Ага.

— Брр. Червяки. Терпеть не могу.

— Со мной живет маленькая девочка и ее няня, но одна из комнат пустует. Я поставлю туда раскладушку и принесу вентилятор, можешь там спать.

— Ого.

— Сам я сплю на диванчике в гостиной.

— А-а, понятно.

— Бессонница, знаешь ли. Ну и вообще. Иногда я допоздна смотрю телевизор.

Я заметил, что она уставилась на замок, висящий на двери нашей с Энни спальни.

— Здорово у тебя. Ты и правда здесь вырос?

— Да.

Она опустилась на диван, и я увидел усталость в ее глазах. Сигарету она положила на пустую тарелку из-под леденцов, стоящую на кофейном столике.

— Ты ведь не куришь? Наверное, я тут порчу воздух, — сказала она.

— Ничего страшного.

— Дейв, я прекрасно знаю, что усложняю тебе жизнь. Я этого не хочу, поверь мне. Просто иногда бывают трудные времена. Знаешь, у меня был выбор: либо к тебе, либо опять раздеваться перед публикой. А меня от этого тошнит.

Я присел рядом и обнял ее за плечи. Сперва я почувствовал, как она напряглась всем телом, потом положила голову мне на плечо. Я легонько коснулся пальцами ее щек и губ и поцеловал в лоб, пытаясь убедить себя, что я ей просто друг, а не бывший любовник,

которого запросто выводит из равновесия размеренное нежное дыхание женщины.

Увы, в своей жизни я слишком часто нарушал обещания и обеты. За окнами стеной лил дождь, дождь стучал по крышам, ветер сотрясал деревья и бушевала гроза, а мы с Робин, Алафэр и няней сидели за столом и поглощали красную фасоль, рис и сосиски. Вскоре небо прояснилось, и над намокшими полями взошла луна; ночной ветер пах сырой землей, цветами и сахарным тростником. Было уже за полночь, когда она вошла в гостиную. На полу лежали квадраты лунного света, и очертания ее длинных ног, нагих плеч и рук, казалось, излучают холодное сияние. Она присела возле меня на диван, наклонилась ко мне и поцеловала в губы. Я почувствовал запах ее духов и пудры. Пальцы ее скользнули по моему лицу, по волосам, провели по седой пряди за ухом, точно она видела ее в первый раз. На ней был только коротенький халатик, видно было, как вздымается под тканью ее упругая грудь; когда я обнял ее, на ощупь ее кожа казалась такой горячей, словно она целый день провела под палящим солнцем. Я притянул ее к себе, ноги ее раздвинулись, а рука помогла мне войти. Я растворился в ее горячем теле, в горячем шепоте и ласках, в движениях ее тела, и это стало моим признанием самому себе в зависимости, одиночестве и неспособности наложить запреты на собственную жизнь. Внезапно мне почудилось, будто подъехала машина, и я весь напрягся, а она приподнялась на коленях, заглянула мне в глаза и поцеловала в щеку, вновь вбирая в себя, точно ее любовь была способна изгнать тени ночных кошмаров из моего скорбящего сердца.

* * *

В четыре утра меня разбудил телефонный звонок. Я снял трубку с аппарата на кухне, закрыв дверь, чтобы не перебудить домашних. Луна все еще светила, проливая нежный свет на ветви мимозы.

— Я тут нашел один бар с классной музыкой, — это был Майнос, — помнишь Клифтона Шенья?^[15] Так эти ребята играют в точности как он.

В трубке слышалась музыка и звон пивных бутылок.

— Ты где?

— Я же сказал тебе, в баре. На улице Опелусас.

— По-моему, для музыки как-то... поздновато, Майнос.

— У меня для тебя есть история. Черт, куча историй. Ты знал, что во Вьетнаме я был сотрудником военной разведки?

— Нет.

— Ну ладно. Так вот, у нас порой бывали проблемы. Такие, решать которые, руководствуясь писаными правилами, было невозможно. Был у нас там, к примеру, один француз, гражданский — он нам в свое время много крови попортил.

— Ты на машине?

— Ну да.

— Оставь ее на стоянке. Возьми такси и поезжай в ближайший мотель. Не пытайся вернуться в Лафайет самостоятельно. Понял?

— Послушай. Этот француз связался с тамошней разведкой в Сайгоне. Ему докладывали шлюхи, да и кое-кто из военных, к тому же, по слухам, это по его приказу запытали до смерти одного из наших агентов. Но мы никак не могли собрать хоть какие-то

доказательства, да и его французский паспорт создавал нам трудности.

— Я не настроен говорить с тобой о Вьетнаме.

— Наш майор ни черта не смог с ним поделаться, так что мы вот что решили: позвали одного сержанта: он оказывал нам мелкие услуги, ну, там, пробраться на виллу и перерезать кому-нибудь горло лезвием безопасной бритвы. Его задачей было выследить этого лягушатника и уложить из винтовки с оптическим прицелом, а потом вернуться в клуб военнослужащих низшего состава и допить пиво. И как ты думаешь? Он ошибся домом. Сидит себе, значит, ничего не подозревающий голландский коммерсант, улиток палочками лопаает, а тут наш сержант — раз! — и выпустил его мозги прямо на блузку супруге.

— Хочешь совет, Майнос? К черту Вьетнам. Забудь про все это.

— Дело не в том. Я говорю о нас с тобой, приятель. Еще Скотт Фицджеральд писал что-то в этом роде. Мы с тобой служим огромному, насквозь фальшивому ведомству.

— Послушай, давай ты закажешь что-нибудь пожрать и я приеду к тебе.

— Кое-кто из федералов хочет заключить сделку с Ромеро.

— Сделку?

— Он знает кучу дерьма про кучу народа. Он нужен нам. Или кому-то еще.

Я намертво вцепился в трубку. Мне показалось, что деревянный стул, на котором я сидел, намертво впился мне в спину.

— Ты это серьезно? Кто-то из ваших говорил с Ромеро? Они знают, где он?

— Не называй их «нашими». С ним говорили какие-то новоорлеанские федералы. Где он сейчас, им неизвестно, однако они сказали, что он вернется, если они согласятся на ту сделку. И знаешь, что я им ответил?

Я сделал глубокий вдох.

— Я им ответил: «Пошли вы с вашими сделками! Робишо на это не купится». Ты знаешь, я собой горжусь, — добавил он.

— В каком ты баре?

— Забудь про меня. Так, по-твоему, я правильно сделал? Ты же не собираешься заключать с ними сделки?

— Давай поговорим завтра?

— Черт, нет. Все, что у меня было, я сказал. А теперь твоя очередь. Скажи мне одну вещь, только честно. Не надо признаваться, просто скажи, что я не прав.

Это ты нашел «тойоту», связал Китса, привез его в это самое болото, приставил ему пистолет к ребрам и пустил в расход? Ведь так?

— Нет, не так.

— Да ладно, Робишо. Смотри; ты появляешься на квартире убитого гаитянина сразу же после прибытия полиции. Почему так? И теперь другой мужик, которого ты ненавидишь до такой степени, что расквасил ему нос бильярдным кием, найден на дне Хендерсоновой дамбы. Китс же из Бруклина, так что здешних мест он не знал, как не знает их и Ромеро. А ты всю жизнь рыбачил в здешних болотах. Так что если это дело попадет не к местным Холмсам, тебя упекут.

— Перед сном примешь два драже витамина В и четыре таблетки аспирина, — отозвался я. — Допустим, стометровку утром на рекорд не пробежишь, но башка болеть не будет.

— То есть я кругом не прав, так?

— Именно. А теперь я закругляюсь. Надеюсь, им не придется вышвыривать тебя вон. Ты

неплохой парень для федерала, Данкенштейн.

Он, видимо, собрался отвечать, но я положил трубку. С улицы слышались протяжные крики ночных птиц.

* * *

Вечером после работы мы с Робин и Алафэр отправились на ужин в Сайпрморт-Пойнт. Сидя за обшарпанными столиками прибрежного ресторанчика, мы ели вареных креветок и крабов, созерцая лиловое небо и спокойные серые воды залива, лишь иногда омрачаемые легкой, как неровности на окрашенной поверхности, рябью. Где-то вдаль, у самой линии горизонта, виднелись поросшие травой островки, залитые последними лучами закатного солнца. За нашими спинами двухрядная дорога бежала вдаль, через город, через заросли засохших кипарисов, на которые уже легли вечерние тени. Там и сям вдоль берега торчали рыбацкие хижины на сваях посреди затопленных бревен и пироги, привязанные к кольшкам, прибрежные воды были покрыты ковром цветущих водяных лилий; а в лавандовом небе, раскинув крылья, парили цапли, словно произнесенные шепотом строчки стихотворения.

В ресторанчике неумоимо гудели электровентиляторы, столики были завалены останками крабовых панцирей, в окна со стуком влетали жуки, а музыкальный автомат наяривал неизменную «Блондинку». Ветерок шевелил темные волосы Робин, ее глаза светились счастьем, а в уголке рта осталось пятнышко острого соуса. Несмотря на свою тяжелую жизнь, Робин оставалась доброй девочкой и принимала мои ласки со смешной и трогательной благодарностью. Должно быть, мы влюбляемся в женщин по разным причинам. Одни просто красивы, и ты не можешь устоять перед соблазном обладания. Другие завоевывают любовь постепенно, своей добротой, участием, нежностью и заботой — такой могла быть любящая мать. И тут появляется та самая странная девочка, прямо с улицы шагнувшая к тебе в душу; та, что не имеет ничего общего с окружавшей тебя столько времени теплотой и нежностью, которую ты уже и не замечаешь. Напротив — она несуразно одета, с вечно смазанной помадой, с сумочкой через плечо и широко распахнутыми блестящими глазами, словно древние фурии призвали ее в свою компанию.

Мы с Робин заключили соглашение: я отпускаю няню и она помогает мне присматривать за Алафэр и работать на станции. Она пообещала мне, что не прикоснется больше к спиртному и наркотикам, и я поверил, хотя не знал толком, долго ли ей удастся продержаться. Никогда не понимал сути такого явления, как алкогольная зависимость; наверное, даже не смогу толком сформулировать, кто такие алкоголики. Мне известно много примеров, когда люди совершенно самостоятельно бросали пить, а потом срывались, уходили в запой и были вынуждены буквально на четвереньках приползать на собрания. Знал я и других, которые, перестав пить, превращались в серых мышек, влачивших существование с энтузиазмом моли. Лично я сделал единственный вывод об алкоголиках: я один из них. То, как относятся к этой проблеме другие, меня мало интересовало, пока мне не пытались его навязать. Вечером, когда мы возвращались домой по дороге с навесом из кипарисов и иллюминацией из светляков, мы заехали в магазинчик в Нью-Иберия и взяли напрокат видеомэгафон и кассету с диснеевским фильмом. Потом к нам пришел Батист и принес кровяных колбасок: мы поджарили их в духовке и приготовили лимонад с колотым льдом и мятой, разлили его по стаканам и принялись смотреть фильм. Когда я направился за

очередной порцией лимонада, я украдкой взглянул на отблеск экрана, мерцавший на лицах Алафэр, Робин и Батиста. Впервые после гибели Энни я почувствовал, что у меня есть семья.

На следующий день, заскочив с работы домой пообедать, я устроился за кухонным столиком и принялся было за сэндвич с ветчиной и луком, как вдруг зазвонил телефон. Денек выдался что надо, на небе не было ни облачка. За окном Алафэр в розовых кедах с надписью «левый» и «правый», джинсовых бриджах и желтой футболке с изображением утенка Дональда, купленную когда-то Энни, играла с пестрым котенком. Привязав к бечевке от змея фантик, она вертела им под носом котенка, а тот хватал его своими пушистыми лапами. Прожевав кусок хлеба, я лениво поднял трубку и поднес ее к уху. Послышалось глухое жужжание междугородного соединения:

— Это Робишо?

— Да. Кто это?

— Легавый, да? — Голос шел словно из ямы в мокром песке.

— Верно. Так кто это?

— Это Виктор Ромеро. Меня в последнее время все достали, рассказывают неприятные истории. В основном с твоим участием.

Я едва не подавился ветчиной. Отодвинул от себя тарелку и выпрямился на стуле.

— Ты слушаешь? — спросил он. На фоне его голоса мне послышался глухой удар и шипение.

— Угу.

— Все норовят отхватить кусок моей шкуры, я вроде крайний во всех преступлениях в Луизиане. Поговаривают, что меня собираются засадить лет на тридцать, что я типа убил тех, в самолете, и за это гнить мне в тюрьме. Так что теперь весь Новый Орлеан от меня шарахается, потому как, по их мнению, у федералов на меня стоит, и теперь я прокаженный, к которому не следует прикасаться. Ты слушаешь?

— Да.

— Так вот, я решил пойти на сделку. Они получают кого покрупнее, а взамен мне скостят срок. Я сказал им, что максимум — три года. Не больше. И что я слышу? Что некий Робишо — упертая скотина и на такие дела не согласится. Так что все дело в тебе, засранец.

Сердце мое бешено заколотилось. Кровь прихлынула к вискам.

— Ты хочешь встретиться?

— Ты что, спятил?

И снова мне послышался тот самый глухой удар и шипение.

— Я хочу опять поговорить с ублюдками из Управления по борьбе с наркотиками, — заговорил он вновь. — А от тебя мне надо, чтобы ты ничего им не рассказывал — ну, что кто-то стрелял в тебя и прочее. Это существенно облегчит мою участь. Я рассказываю эту байду кому следует, а взамен, может, сообщу кое-что тебе.

— Я не собираюсь заключать с тобой никаких сделок, Ромеро. Я думаю, что ты — обыкновенная дешевка, от которой всех тошнит. Так что предлагаю тебе написать все это на открытке и прислать по почте. Как нечего будет делать, может, и прочту.

— Да ну?

Я не ответил. С секунду он промолчал, затем заговорил снова:

— Хочешь знать, кто приказал пришить твою жену?

Я глубоко вдохнул и почувствовал, как твердеют мышцы на груди. Я сглотнул и постарался говорить как можно более спокойно:

— Пока я от тебя ничего, кроме шума, не услышал. Если у тебя есть информация, выкладывай и перестань болтать.

— Так ты считаешь, что я болтун? Тогда жри, ублюдок: у тебя в спальне на окне стоит вентилятор, в прихожей стоял телефон, но кто-то оборвал провод, а пока они разбирались с твоей бабой, ты прятался в темноте перед домом.

Я попытался взять себя в руки. Во рту у меня пересохло, и, прежде чем заговорить, я облизнул губы. Мне бы промолчать, однако я уже был на взводе.

— Я найду тебя, — хрипло пробормотал я.

— Если и так, ты ничего от меня не узнаешь. Все это мне рассказал черномазый. Если хочешь услышать окончание, соглашайся на сделку. У тебя самого совесть нечиста.

— Послушай...

— Нет уж, это ты послушай. Ты идешь к этим засранцам в управление, и вы все вместе решаете, что со мной делать. Если вы решаете правильно — а именно три года, желательно условно, — ты публикуешь в местной газетке объявление: «Виктор, ситуация улучшилась». Я вижу это объявление, и тогда, может быть, мой адвокат позвонит в управление и договорится о встрече.

— Тебя пытались убить Эдди Китс. В конечном счете с тобой будет то же самое, что и с гаитянином, так-то.

— Да пошел ты. Тридцать восемь дней я питался одними жуками и ящерицами и вернулся в лагерь с нанизанными на прутик ушами одиннадцати узкоглазых. Даю тебе срок до воскресенья. После этого — сам знаешь.

Перед тем как он повесил трубку, я вроде услышал звонок трамвая.

Остаток дня я провел пытаюсь вспомнить, слышал ли я этот голос раньше. Его ли я слышал на пороге своего дома в ту роковую ночь? Точно я не знал. Однако сама мысль, что я говорил о сделке с одним из предполагаемых убийц моей жены, буравила мой мозг как червь.

* * *

Примерно в полночь я проснулся от странного чувства, точно голова моя отяжелела и онемела, — так бывает, когда заходишь в теплое помещение после длительного пребывания на холодном ветру. Я осторожно свесил ноги с дивана, окунув ступни в квадрат лунного света. Долго смотрел на свои ладони, точно видел их впервые. Потом отпер дверь нашей с Энни спальни и присел в темноте на краешек матраса.

Пропитанные кровью простыни и покрывало унесли в качестве вещественных доказательств, однако в матрасе и на ножках кровати я обнаружил следы от пуль — и погрузил пальцы в отверстия, словно в раны на теле Господа нашего. Бурые пятна на цветастых обоях и на спинке кровати будто оставила малярная кисть. Я провел ладонью по стене и в тех местах, где пули прошили дерево, почувствовал рваные края бумаги. Из окон ярко светила луна, на моем колене лежал ее отблеск. Я внезапно ощутил острый приступ

одинокства, точно узник каменного колодца, с тоской взирающий на серебристые облачка, плывущие по темному небу.

Я вспомнил своего отца. Как мне не хватало его в эту минуту! Он был неграмотным и никогда не покидал пределов Луизианы, однако с его инстинктивным знанием мира не сравнился бы ни один философ. Порой он сильно пил и ввязывался в драки с азартом мальчишки-бейсболиста, но сердце у него было доброе, к тому же он обладал острым чувством справедливости и отвращения к бессмысленному насилию.

Однажды он рассказал мне, как стал свидетелем убийства. Тогда он был совсем юным, и эта картина стала для него олицетворением жестокости — жестокости толпы в отношении одного человека, хотя назвать его невинной жертвой было нельзя. Случилось это зимой 1935 года. В притоне Маргарет — старом борделе на улице Опелусас (говорят, он открылся еще во времена Гражданской войны) — полицейские спугнули парня, грабившего банки вместе с Джоном Диллинджером и Гомером ван Метером. Полицейская машина неотступно преследовала его до округа Иберия, и когда его тачка угодила в канаву, он выскочил из нее и помчался по заснеженному полю. Случилось так, что на этом поле работал мой отец — вместе с негром-помощником они корчевали засохшие стебли сахарного тростника, свозили их в кучи на тележке, запряженной мулом, и поджигали. Он видел, как убежавший промчался мимо них по направлению к старому сараю, стоявшему возле нашего ветряка. Отец вспоминал, что он был без пальто, в белой рубашке с запонками и галстуком-бабочкой. В руках парень сжимал соломенную шляпу-канотье, словно ни за что в жизни не хотел с ней расстаться. Один из полицейских выстрелил из ружья и, видимо, попал ему в ногу, потому что тот тяжело повалился в кучу сухих стеблей. Полицейские, все как один в костюмах и фетровых шляпах, выстроились полукругом вокруг раненого, равнодушно внимая его мольбам о пощаде. Потом они начали пальбу из револьверов и автоматических пистолетов, и с каждым выстрелом на белой рубашке несчастного расцветали алые цветы.

...алые цветы, ставшие бурыми, они легко превращаются в пыль, они шуршат и рассыпаются под моими пальцами. Они распяли ее на этой кровати, на этой стене, они равнодушно загнали ее крики, ее ужас и боль в дерево; и кровать, сделанная руками моего отца, стала ей смертным ложем.

Вздрагнув, я ощутил прикосновение чьей-то ладони к моему плечу. Это была Робин. Залитая лунным светом, она казалась привидением. Она взяла меня за руку и потянула к себе.

— Пойдем-ка отсюда, Седой, — шепнула она. — Пошли на кухню. Я молока подогрею.

— Пошли. Телефон больше не звонил?

— Что?

— Я слышал, как звонил телефон.

— Нет... Дейв, уйдем отсюда.

— Точно не звонил? Бывало, я напивался до чертиков и мне чудилось, что мне звонят покойники. Лучше и не вспоминать об этом.

* * *

Наутро я отправился в Новый Орлеан в надежде разыскать Ромеро. Как выяснилось, от его досье проку было мало — он был гораздо хитрее и много опаснее, чем тот Ромеро,

информацию о котором оно содержало. Однако из него было ясно, что этому человеку не чужды пороки и слабости, характерные для ему подобных. Так что я опросил тьму уличного сброда из Французского квартала: барменов, стриптизерш, по совместительству проституток, сутенеров, по совместительству таксистов, негров-татуировщиков, карточных шулеров с улицы Бурбон, скупщиков краденого, закоренелого наркомана, который кололся в иссохшее бедро пипеткой, закрученной белым обрывком долларовой купюры. Однако все они если и признавались, что знакомы с Ромеро, то каждый раз добавляли, что он, мол, вроде помер, или сидит, или бежал из страны. С таким же успехом я мог бы допросить асфальт.

Порой бывает, что несказанное и есть само по себе признание. Я был уверен, что Ромеро все еще в Новом Орлеане, потому что на протяжении разговора слышал в трубке звонок трамвая. Значит, кто-то укрывает его или помогает ему — ведь теперь он не может ни сутенерствовать, ни приторговывать наркотиками. Я сходил в полицейский участок Первого округа и расспросил парочку парней из полиции нравов. Они рассказали, что сами пытались разыскать каких-нибудь родственников Ромеро, чтобы выйти на него, однако никого не нашли. Его папаша работал на фруктовых плантациях где-то во Флориде да там и сгинул, мать кончила свои дни в мандевильской психушке. Ни братьев, ни сестер у него не было.

— Ну хоть подружки-то у него были?

— Кроме шлюх — только собственные пальцы. Когда днем я возвращался в Нью-Иберия, пошел дождь. Кое-где сквозь тучи пробивалось солнце, и его лучи играли на гладкой поверхности воды.

У моста Бро я свернул к Хендерсоновой дамбе. Припарковав грузовичок, я ступил ногами на пышный ковер из лютиков и колокольчиков. В густой траве кишели здоровенные черно-желтые кузнечики с блестящими, точно лакированными спинками. Помнится, мы с братом ловили их, нанизывали на крючки сети и растягивали ее на ночь между двумя заброшенными нефтяными вышками. На этих кузнечиков здорово шла рыба, и наутро нам вдвоем с трудом удавалось вытащить улов на берег.

Снова я стал уставать от полицейской службы. Это как латинская пословица про то, что капля камень точит. С этой мыслью я оставил Алафэр на попечение Батиста и пригласил Робин на скачки в Лафайете. Угостившись креветками и бифштексом, мы отправились к своим местам на трибунах — мы сидели неподалеку от финишной прямой. Был чудный вечер, вдоль южного горизонта то и дело сверкали зарницы; дерн ипподрома, все еще сыроватый от вчерашнего дождя, аккуратно разровняли, а на крюках дуговых ламп над нашими головами застыли капельки росы. На Робин был белый хлопчатый сарафан с рисунком из пурпурных и зеленых лилий; ее загорелая шея и плечи дышали прохладой и нежностью. Она никогда прежде не бывала на скачках, и в первых трех заездах я предоставил ей самой выбрать лошадь, на которую мы будем ставить. В первом заезде мы поставили на лошадь, у которой на ногах были белые «носочки», во втором Робин понравилась пурпурная шелковая рубаша жокея, а в третьем она заявила, что у наездника лицо «точь-в-точь маленькое сердечко». Все лошади заняли призовые места, правда, ни одна не выиграла, но все равно Робин получила огромное удовольствие. Всякий раз, когда лошади с топотом проносились мимо нас и пересекали финиш, из-под копыт летели комья земли, жокеи подхлестывали скакунов арапником, Робин вскакивала с места, крепко сжав мои руки, а ее грудь вздымалась; все ее существо кипело от радостного волнения. В тот вечер мы

выиграли целых сто семьдесят восемь долларов. По дороге домой мы свернули на рынок, где у позднего торговца купили Батисту и его жене корзину для фруктов и бутылку настойки. Когда я свернул с грунтовой дороги, ведущей к заливу на востоке от Нью-Иберия, она уже уснула, положив головку мне на плечо: ее ладонь мирно покоилась на моей груди, губы были приоткрыты, точно она собиралась прошептать мне на ушко немудреные девичьи секреты.

* * *

Раз найти живых мне не удастся, решил я, посмотрим, что скажут мертвые. На следующее утро мы с Сесилом отправились в те самые «Джунгли» с надеждой узнать, как Китс был связан с Ромеро. В ярких лучах солнца стоянка, посыпанная белым глинистым сланцем, и само здание, разрисованное кокосовыми пальмами и с красной лакированной дверью, неприятно резали глаза. Внутри, однако, было темно, как в могиле, и только над барной стойкой горел приглушенный свет. Воняло средством от насекомых, которое из пластиковой ванночки разливал по углам парень в комбинезоне. За стойкой две женщины неопределенного возраста курили и пили «Кровавую Мэри». Вид у них был усталый и похмельный. Мускулистый бармен засовывал в холодильник бутылки пива. Волосы его были крашены под платину, а загорелые руки — чистая бронза. На нем был мерцающий цветастый жилет на голое тело. Несчастливая обезьянка все так же сидела в своей загаженной газетными обрывками и ореховыми скорлупками клетке.

Я показал женщинам свой жетон и спросил, когда они видели Эдди в последний раз. Взгляд их мгновенно стал пустым и невыразительным, они только и знали, что стряхивать пепел со своих сигарет, безжизненные и безучастные, как картонные силуэты.

А когда они в последний раз видели Виктора Ромеро?

Те же пустые глаза и дымящиеся сигареты.

— Похороны ведь были сегодня утром. Как все прошло?

— Его вроде кремировали и пепел положили в эту... как ее... вазу, что ли? Я проспала и поэтому не пошла, — ответила одна из женщин. Ее рыжие крашенные волосы были стянуты в узел на затылке. Кожа на ее лице была мертвенно-бледной и сухой, а у виска пульсировал узелок голубых прожилок.

— Полагаю, на него было здорово работать, — сказал я.

Она повернулась на стуле и посмотрела мне прямо в лицо своими карими недобрыми глазами.

— Я разговариваю только с теми, кто заказывает мне выпивку, — сказала она. — А потом я кладу ладонь ему на колено, и мы говорим о приятном. Хочешь поговорить со мной о приятном, начальник?

Я вручил ей свою визитную карточку.

— Когда вам надоест валять дурака, позвоните по этому номеру, — сказал я.

Тем временем бармен поставил в холодильник последнюю пивную бутылку и направился в мою сторону — дощатый настил пола заскрипел под его тяжестью. По пути он сунул в рот жевательную резинку.

— Я брат Эдди. Вы что-то хотели? — спросил он. Его загорелая кожа была золотистого оттенка — такой обычно достигается с помощью лосьона для загара, — а торчащие из подмышек волоски выгорели на концах. У парня была такая же толстая узловатая шея,

широкие плечи и гнусавый бруклинский акцент, как у Эдди. Я спросил его, когда они с братом виделись в последний раз.

— Пару лет назад, когда он приезжал к нам в Канарси.

— Вы знаете Виктора Ромеро?

— Нет.

— А Буббу Рока?

— Это имя мне незнакомо.

— А гаитянина по имени Туут?

— Никого из этих людей я не знаю. Я приехал сюда для того, чтобы уладить дела с бизнесом Эдди. Его гибель стала для нас большой трагедией.

— Вы нарушаете закон, мистер Китс.

— Каким это образом?

— Вы способствуете проституции.

Его зеленые глазки внимательно уставились на меня. Достав из лежащей на стойке пачки «Лаки Страйк» сигарету, он закурил, скovyрнул ногтем приставшие к языку табачные крошки и выпустил дым.

— В чем, собственно, дело? — поинтересовался он.

— А ни в чем. Просто я намерен закрыть это заведение.

— У вас были какие-то дела с Эдди?

— Нет. Просто мне не нравился ваш брат. Настолько, что однажды я расквасил ему нос бильярдным кием. Что вы на это скажете?

Он на мгновение отвернулся от меня и вновь выпустил струю сигаретного дыма. Потом обернулся и посмотрел мне прямо в лицо, на переносице его появилась обеспокоенная складка.

— Послушайте, если вы недолюбливали моего брата, это ваши проблемы, — заявил он. — Я-то здесь при чем? Я вам ничего не сделал. Я вообще парень сговорчивый. Если нужна помощь — я с радостью. В свое время был у меня бар для черных. Так я со всеми ладил. А вообще это нелегко. Так я и здесь хочу прижиться.

— Да у меня-то никаких проблем нет. А вот у тебя — есть. Ты — сутенер и вдобавок жестоко обращаешься с животными. Сесил, иди-ка сюда, — позвал я.

Сесил оторвался от стены, прислонившись к которой он простоял несколько минут. Его могучие руки были скрещены на груди, а в глазах горел недобрый огонек. Как большинство цветных, он недолюбливал белых, которых на данный момент олицетворяли брат Китса и две шлюхи. Тяжело ступая, он подошел к нам. На его лице перекачивались сердитые желваки, во рту — табачная жвачка.

Бармен отступил на шаг.

— Погодите-ка... — начал он.

— Мистер Китс желает, чтобы мы сняли клетку, — сказал я Сесилу.

— Так я и подумал, — ухмыльнулся он, взобрался на стоявший возле стойки стул и снял клетку с крюка. При этом он сшиб с полдюжины бутылок виски носком своего здорового ботинка. Перепуганное животное с широко открытыми от ужаса глазами вцепилось лапками в прутья клетки. Сесил крепко ухватил клетку одной рукой и тяжело спрыгнул на пол.

— У этой дамы есть моя визитная карточка. Если вам что-то не понравилось, можете написать жалобу. Добро пожаловать в Южную Луизиану, — торжественно объявил я.

Мы с Сесилом вышли на улицу, щурясь от яркого солнечного света. Он подошел к

ближайшей дубовой рожице, поставил клетку на траву и открыл дверцу. Однако обезьянка была слишком напугана, чтобы двигаться. Я легонько потряс клетку, и она пулей вылетела на траву, издала протяжный крик и мигом вскарабкалась на дерево. Устроившись на развилке, она продолжала смотреть на нас широко раскрытыми глазами. Ветерок шевелил бахрому мха, которым поросли стволы дубовых деревьев.

— Мне нравится работать с тобой, Дейв, — улыбнулся Сесил.

* * *

Бывают случаи, когда дело кажется безнадежным, а преступник то и дело ускользает прямо у тебя из-под носа — и вдруг приоткрывается дверка, и из-за нее начинает брезжить луч света. На следующий день после того, как мы с Сесилом навестили бар Эдди Китса — это была суббота, — я читал местную газетку под полотняным зонтиком. Даже в тени солнце жарило нещадно, а отблески света на газетной бумаге слепили глаза. Внезапно солнце скрылось за тучами, и ослепительный белый свет сменился спокойным серым. Порыв ветра пустил рябь по воде и зашуршал стеблями тростника. Я протер глаза и вновь уставился на сводку местных новостей. В самом низу страницы я вдруг наткнулся на кратенькое, в пять строчек, сообщение о том, что на северо-востоке штата арестован человек, подозреваемый в ограблении почтовых ящиков в доме престарелых и нападениях на стариков с целью завладеть их пособием. Звали его Джерри Фальгу.

Я вошел в магазинчик и позвонил в местный полицейский участок. Шерифа на месте не оказалось, а его помощник оказался не больно разговорчивым.

— Этот парень, случайно, не работал барменом в Новом Орлеане?

— Не знаю.

— На него есть досье?

— Спросите шерифа.

— Неужели вы ничего не знаете? Он же сидит под вашей охраной. Хоть что-то вы должны знать. У него есть судимость?

— Не знаю. Он не говорит.

— Какова сумма залога?

— Сто тысяч.

— Господи, что так много-то?

— Он спустил старушку с лестницы и разбил ей голову.

Поняв, что от этого парня проку не добиться, я решил перезвонить домой шерифу. Напоследок я задал еще один вопрос:

— А что он вообще говорит?

— Что ему здесь не нравится и что он — не хрен моржовый.

Через пятнадцать минут мой грузовик мчался под навесом дубов по лафайетской дороге к шоссе, ведущему на север штата.

Когда я миновал Ред Ривер, местность изменилась. Рисовые поля и плантации сахарного тростника остались позади, чернозем и полузатопленные кипарисы сменили пастбища и сосновые леса, лесопильные заводы и посадки хлопчатника; дороги из красного песчаника прорезали бесконечные плантации ореха-пекан. На пути то и дело попадались негритянские поселения — некрашенные развалюхи, разошедшие пивные и

старинные кирпичные амбары. С почтовых ящиков и вывесок исчезли французские и испанские фамилии. Это был белый юг, где воскресным утром улочки пустели — весь народ был в баптистской церкви, а в низинах рек устраивали крещение чернокожих. В этих краях еще обитали куклуксклановцы, что жгли по ночам кресты на обочинах дорог, а в деревнях все еще устраивали жестокую забаву: приковывали енота цепью за ногу к бревну и травили его собаками.

История сыграла злую шутку с некоторыми из северных округов штата. Начиная с шестидесятых годов, когда луизианских негров окончательно уравнили в правах с белым населением, в подобных городках, где это самое белое население оказалось в меньшинстве, негры заполнили конторы городской управы, полицейские участки и суды в качестве присяжных. По крайней мере, так было в маленьком городке близ Натчеза, в тюрьму которого и угодил Джерри Фальгу. Тюрьма эта представляла собой старинное кирпичное здание и размещалась позади здания суда, которое в годы Гражданской войны так и не смогли сжечь солдаты янки.

Это был захудалый городишко с мощными улицами и деревянными колоннадами обветшалых фасадов. На площади помимо полицейского управления помещались небольшая лавчонка, кафе и парикмахерская школа, на двери которой был намалеван флаг Конфедерации, правда, во многих местах краска потускнела и облупилась. Тротуары давно осели и потрескались, в образовавшихся провалах зияли ржавые прутья арматуры. Под сенью раскидистых дубов на лужайке возле здания суда располагался памятник героям Первой мировой, там же стояла пушка времен Конфедерации. Я прошел по скверику, где на литых железных скамьях сидели и прохлаждались пожилые негры в комбинезонах или полотняных брюках.

Чернокожий охранник провел меня через заднюю дверь здания суда в тюремную комнату свиданий. Решетки на окнах и железная обивка двери были окрашены желтой и белой краской. Комната не проветривалась, было душно и воняло машинным маслом и табачной жвачкой, которую кто-то сплюнул в ящик с опилками. Один из заключенных, которому за примерное поведение позволили работать надзирателем, белый парень в тюремной робе, привел Джерри; они спустились по ступенькам спиральной лестницы и прошли по темному тюремному коридору в комнату свиданий.

У Джерри была разбита нижняя губа, на одной ноздре виднелась запекшаяся кровь. Он беспрестанно раздувал ноздри и сморкался, точно у него нос был заложен. В уголке глаза красовалась ярко-красная свежая царапина, точно след от губной помады. Парень, который привел его, вернулся вверх. Охранник запер за Джерри дверь. Джерри сел напротив меня, бессильно опустив ладони на крышку стола, и мрачно взглянул мне в лицо. От него изрядно несло потом.

— Неважный у тебя вид, — сказал я.

— Это ж негритянская тюрьма, — ответил он. — Думаешь, тут курорт?

— Ты же грабил негров, верно?

— Да никого я не грабил. Я приехал к родственникам.

— Брось, Джерри.

— Да ладно тебе. Неужели ты думаешь, что если мне захочется, я стану грабить нищих ниггеров? Эта старуха и так из ума выжила, да еще и башкой треснулась, и ей втемяшилось, что это я на нее напал. Кстати, ночной надзиратель — ейный племянник. Так что сам понимаешь, что он наплел про меня всем этим ниггерам.

— Да, не везет тебе.

— Ага. Ты само сочувствие.

С минуту я смотрел на него, потом заговорил вновь:

— Такое впечатление, что ты давненько не бывал в душе, а, Джерри?

Он отвернулся. Щеки его слегка покраснели.

— К тебе что, приставали?

— Послушай, я хотел с ними поладить. Мне было все равно, ниггеры они или нет. Так вот, однажды я решил приготовить на вечер жратву, ну, что-нибудь горячее, макароны. И тут в кухню заваливается этот здоровый ниггер — видать, только из душа, с него еще вода капала, босиком, — а пол-то бетонный. Так он подошел и взял кастрюлю своими мокрыми руками. Естественно, его потрянуло, словно корова в задницу боднула. Так он давай орать, что это я виноват. Поначалу принялся кидаться в меня тарелками и кружками. А потом заржал и сказал, что у него давно стоит и что, когда белый мальчик пойдет в душ, он к нему с удовольствием присоединится. А там, мол, и другие подтянутся.

Лицо его пылало, а глаза сузились в щелки.

Я подошел к проржавевшей раковине в углу, налил в пластиковый стаканчик воды и поставил перед ним.

— Твоя мать не может найти поручителя? — спросил я.

— Он потребовал с нее десять штук. У нее нет таких деньжищ.

— А заложить имущество?

— Нету, говорят же тебе. — Он избегал моего взгляда.

— Понятно.

— Послушай, я отсидел пять лет в таком месте, где за двадцать баксов тебе запросто могли порезать рожу бритвой. Я видел стукача, которого сожгли в собственной камере при помощи коктейля «Молотов», и мальчишку, которого утопили в туалете за то, что он не захотел у кого-то отсосать. Неужели ты думаешь, что меня можно запугать какой-то захолустной тюрьмой для ниггеров?

— Хочешь выбраться отсюда?

— Да. Ты знаком с Джессом Джексонем?

— Перестань строить из себя крутого парня, Джерри. Так хочешь или нет?

— А что?

— Ты грабил почтовые ящики. Это федеральное преступление. Рано или поздно тебя решат проверить на федеральном уровне, однако я знаю способ ускорить процесс. Тебя переведут из этой дыры в федеральную тюрьму.

— Когда?

— Может, даже на неделе. А я тем временем позвоню в штаб ФБР в Шривпорте и расскажу, что в этой тюрьме имеют место нарушения. Так что до переправки в федеральную тюрьму тебя поместят в отдельную камеру.

— Что тебе нужно?

— Мне нужен Виктор Ромеро.

— Я уже рассказал тебе все, что знал. По-моему, ты на нем зациклился.

— Мне нужно имя, Джерри. Кто мог бы вывести нас на него.

— Не знаю. Правда не знаю. У меня нет причин его покрывать.

— Ладно, верю. Однако ты знаешь кучу народу. Ты ведь у нас парень осведомленный. Если запомнил, ты и нас с Робин продал за сто баксов.

Он уставился в окно на поросшую деревьями лужайку и утер кровь с ноздри.

— Похоже, я плаваю на куске льда, который тает в сортире, — проговорил он. — Что я могу тебе сказать? Я больше ничего не знаю. Зря ты сюда ехал. Спросил бы у своих дружков из полиции нравов. Они вечно воображают, что знают все.

— У них та же проблема, что и у меня. Нелегко найти парня, у которого ни родных, ни подружки.

— Погоди-ка. Как это — нет родных?

— По крайней мере, мне так сказали ребята из полиции нравов.

Его потухшие было глаза вновь загорелись.

— Потому они никого и не могут поймать. Есть у него брат, двоюродный, не знаю, как его звать, один раз Ромеро приводил его в бар, лет шесть или семь тому назад. Этот его брат в свое время провернул некую аферу, весь квартал смеялся. Помнишь, тогда еще какие-то парни надули Белый дом на десять штук с этими костюмами «Ботани-500»? Про это и в местной газете писали. Так что сделал братец Ромеро? Он купил по дешевке партию гонконгских шмоток — из тех, что расползаются после первой стирки, и давай предлагать всяким дельцам: «Вот, мол, хороший костюмчик, всего сто баксов, без этикеток. Что, идет?» Говорят, он так надыбал штуки три. Те, правда, сообразили, что их надули, но сделать-то уже ничего нельзя было.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Он не похож на парня, который часто меняет место жительства. Вроде как держит прачечную или что-то вроде этого.

— Прачечную? Где?

— В Новом Орлеане.

— Ну же? Где именно?

— Да не знаю я. На кой ляд мне эта прачечная?

— И ты абсолютно уверен, что не помнишь его имени?

— Нет же, черт возьми. Говорят тебе, это было давно. Я рассказал тебе все. Так ты поможешь мне?

— О'кей, Джерри. Позвоню кому следует. А ты тем временем все же постарайся вспомнить, как звали того парня.

— Ага. Всегда ты так — покажи тебе палец и ты всю руку отхватишь.

Я подошел к двери и постучал, чтобы охранник меня выпустил.

— Эй, Робишо. У меня тут сигареты кончаются. Ты не мог бы купить мне блок?

— Хорошо.

— И желательнее вложить записку, сколько было пачек. А то этот вертухай нечист на руку.

— Попробую.

Охранник проводил меня обратно, и я вновь очутился в прохладном скверике между тюрьмой и зданием суда. Упоительно пахло соснами, цветущими гортензиями и хот-догами, которые продавал с тележки на углу чернокожий мальчишка. Я оглянулся: Джерри все еще сидел за деревянным столом в ожидании, когда за ним явятся, чтобы отвести в камеру. Взгляд его вновь стал пустым и безразличным.

Оставалось одно — ждать понедельника. Когда он наконец наступил, с первыми лучами солнца я сел в машину и поехал в Новый Орлеан, чтобы прочесать все химчистки и прачечные в районе трамвайного маршрута, пролегавшего по авеню Сент-Чарльз. В свое время трамваи ходили по всему Новому Орлеану, однако сейчас действует только одна трамвайная линия. Начинается маршрут неподалеку от Канала и проходит через всю Сент-Чарльз, мимо Гарден-Дистрикт, Лойолы, Тулана и Одюбон-парка, затем въезжает в Южный Карролтон и сворачивает на Клейборн. Полагаю, этот маршрут не отмер именно потому, что проходит по одной из красивейших улиц мира. Авеню Сент-Чарльз с эспланадой в центре затенена пологом столетних дубов, по обеим сторонам выстроились старинные кирпичные дома с ажурными железными решетками и довоенные особняки с колоннадами на фасаде и обнесенными заборчиком палисадниками, засаженными гибискусом, миртом и олеандром, бамбуковыми деревьями и гигантскими филодендронами. Большинство зданий вдоль трамвайной линии было жилыми домами, так что район поисков значительно сужался.

Во всем районе я обнаружил четыре прачечные. Первая принадлежала неграм, вторая — вьетнамцам. Владельцами третьей, что в Карролтоне, были белые — муж и жена, однако я прикинул, что она находится слишком далеко, следовательно, если бы звонили оттуда, услышать звонок трамвая я бы не смог. Однако четвертая, которая находилась за пару кварталов от Ли-Серкл, стояла как раз у трамвайных путей. Через большое окно я смог разглядеть стол для приемщицы, а на нем — телефонный аппарат. Мужчина европейской наружности укладывал под извергавший струи пара гладильный пресс белье.

Прачечная располагалась на углу, к ней вел асфальтированный спуск; среди мусорных контейнеров я заметил лестницу на второй этаж, где, судя по всему, и располагались жилые комнаты. Я припарковал грузовичок на другой стороне улицы, возле располагавшейся под сенью раскидистого дуба забегаловки, торговавшей навывнос рисом с приправами и креветками. День выдался жаркий и безветренный, на тенистой лужайке эспланады кое-где еще не высохла роса, и на стволах пальм остались потеки воды, всю ночь капавшей с листьев. Лениво катившие по жаре трамваи, блестя на солнце, казались лакированными. Я зашел в кафе и позвонил в городскую управу. Мне сообщили, что владельцем прачечной значится некий Мартинес. Фамилия не совпадала, но, по крайней мере, в ней содержался намек на латиноамериканское происхождение. Судя по всему, ждать мне придется долго.

Я открыл обе дверцы кабины грузовичка, чтобы впустить остатки ночной свежести, и провел утро, не отрывая глаз от входной и задней двери прачечной и лестницы на второй этаж. В полдень я купил в кафе порцию риса с креветками и пообедал, сидя в кабине пикапа и слушая, как стучит по стеклам и по крыше внезапно припустивший дождик.

Всегда терпеть не мог наружное наблюдение. Во-первых, у меня не хватало терпения. Однако не это было для меня самым неприятным. Больше всего мешали сосредоточиться собственные мысли, донимавшие меня в моменты вынужденного бездействия. В моей душе тут же просыпались застарелые обиды, печали, подсознательные страхи, невесть откуда взявшееся чувство вины и приступы черной меланхолии — просыпались и принимались терзать меня, стоило только остаться на какое-то время без дела. В такие минуты они целиком подчиняли меня своей власти, как порой подчинял глоток виски, подбираясь дьявольским током к мозгу и сердцу.

Струи дождя стекали по дубовой листве, стучали по крыше и стеклам кабины. Небо упорно не желало проясняться, и с юга все ползли и ползли черные грозовые облака, словно едкий дым орудийных выстрелов. Я все никак не мог отделаться от воспоминаний о смерти Энни. Мне было все равно, кто стрелял и кто платил убийцам, — мне было ясно одно: ее погубила моя проклятая гордыня.

Теперь я гадал, что стану делать, если мне сейчас удастся схватить Виктора Ромеро и заставить его признаться в убийстве Энни. Я отчетливо представлял, как заставляю его распластаться по стене и раздвинуть ноги, достаю пистолет у него из-за пояса, застегиваю наручники, да так туго, что кожа на запястьях собирается в складки, и заталкиваю на заднее сиденье полицейской машины.

Такова должна быть картина ареста в идеале. Однако она ни в коей мере не отражала моих подлинных чувств — куда там!

Часа в три дождь перестал, потом снова припустил, однако солнце продолжало светить, озаряя улицы и деревья нежным золотистым светом. Я поужинал в кафе и вновь вернулся на свой наблюдательный пост. К вечеру тени стали длиннее, машин на дороге значительно убавилось, а прачечная закрылась; небо из серого превратилось в лавандово-розовое, с малиновыми отблесками закатного солнца. Неоновые огни вывесок отражались в лужах. Негр-полировщик обуви, чей павильончик стоял возле магазина, врубил радио — как раз шла трансляция бейсбольного матча. Жара наконец-то спала, и в кабину грузовичка сквозь открытую дверь ворвался прохладный ветерок. Мимо меня, позвякивая колокольчиком, проехал оливково-зеленый трамвай. Начинало смеркаться, и тут в комнате на втором этаже зажегся свет.

Не прошло и пяти минут, как по деревянной лестнице стал спускаться Виктор Ромеро. На нем были защитного цвета брюки армейского образца, мешковатая гавайка с рисунком из пурпурных цветов, а черную курчавую макушку украшал берет. Быстрым шагом, то и дело перепрыгивая через лужи, он направился в ближайшую бакалею. Я достал из коробки пистолет, сунул за пояс, одернул рубаху и выскочил из кабины.

Мне пришло в голову, что у меня есть три варианта действий. Первый: попытаться взять его прямо в магазинчике, однако, если он вооружен (а судя по тому, что он не стал заправлять рубаху в штаны, так оно и было), могут пострадать невинные люди. Можно, конечно, спрятаться возле лестницы на второй этаж и попытаться схватить его там, но в этом случае мне не будет видно парадной двери — а если он решит вернуться именно через нее? Оставалось третье — затаиться и ждать, ощущая холодное прикосновение стали к пояснице и учащенные удары пульса.

Я сцепил и расцепил ладони, вытер их о штаны; глубоко и размеренно вдохнул и выдохнул через рот. Внезапно на пороге бакалейной лавочки появился Ромеро с пакетом под мышкой. В неоновом свете его лицо казалось ярко-красным, нечесанные черные кудри закрывали шею. Большим пальцем он поддернул ремень, равнодушно огляделся и таким же быстрым шагом направился обратно, прыгая через лужи, и при каждом прыжке прижимая ладонь к пояснице, как школьник. Я наблюдал, как он поднимается по лестнице, входит в квартиру, запирает дверь и включает вентилятор.

Перейдя улицу, я затаился возле лестницы, снял пистолет с предохранителя и зарядил. Тяжелый и теплый, он лежал в моей ладони и ждал своего часа. Было слышно, как Ромеро наверху разбирает покупки, гремит посудой и наливает воду в кастрюльку. Ухватившись за перила, чтобы не потерять равновесия, я легко взобрался по лестнице, прыгая через

ступеньку; в эту минуту по улице катил очередной трамвай. Пригнувшись, я нырнул под окно и затаился в простенке между ним и дверью. Мне было видно, как силуэт Ромеро ходит туда-сюда. Над моей головой на фоне закатного неба проносились ласточки.

Я услышал, как он кладет на стол какой-то тяжелый металлический предмет. Вот он зачем-то прошел в соседнюю комнату. Задержав дыхание, я распахнул дверь и бросился за ним; в комнате ярко горел электрический свет — точно нас застигла вспышка фотоаппарата. Я увидел торчавшие из кипевшей на плите кастрюльки спагетти; на кухонном столе был французский батон, кусок сыра и темная бутылка «кьянти», а рядышком — пистолет 45-го калибра, такой же, как мой, только с хромированным стволом. На его лице мелькнуло выражение животного страха, сменившееся яростью; он стоял возле двери в спальню — губы плотно сжаты, ноздри подрагивают, горящие черные глаза сверлят меня и смотрят на пушку, оставленную вне пределов досягаемости.

— Ты арестован, ублюдок! Руки за голову, лицом к стене! — заорал я.

Но мне следовало бы знать (и полагаю, я знал), что человека, который сумел затаиться в высокой траве рядом с вьетнамской деревушкой и неделю просидеть там в засаде, питаясь змеями и жуками, не выпуская из рук винтовки с оптическим прицелом, не так-то просто прижать к ногтю. Его ладонь продолжала покоиться на ручке двери. Он не отрываясь смотрел мне в лицо; внезапно в глазах его промелькнула спасительная догадка, и резким движением он захлопнул дверь перед самым моим носом. Я дернул ручку на себя, потом толкнул дверь, наконец налег на нее всем телом, однако засов выдержал.

Вдруг я услышал, как он рывком открывает ящик комода, а секундой позже — металлический щелчок. Я отскочил в сторону и спрятался за кресло — и как раз вовремя: выстрел из карабина проделал в двери здоровенную дыру, щенки разлетелись по всей кухне, покупки Ромеро посыпались со стола, зазвенели кастрюли на плите. Мне не за что было ухватиться, я припал на колени и прижался к стене. Он выпустил еще пару выстрелов под разным углом, надеясь задеть меня. Выстрелами дверь разнесло в щепы, побило посуду, кипящая на плите кастрюлька опрокинулась, с шипением залив огонь, а содержимое бутылки кетчупа разбрызгалось по всей комнате. Послышался странный звук, и я понял, что заряд закончился.

В наступившее секундное затишье, пока он менял пустую обойму, я тоже подкинул ему повод подумать. Не меняя положения, я изогнул руку с пистолетом так, чтобы дуло его было направлено в отверстие двери, и принялся стрелять. Отдача была настолько сильна, что я едва не выронил оружие, однако серия выстрелов из пистолета 45-го калибра обычно производит неизгладимое впечатление на того, кому выпала участь стать мишенью, даже если ни один выстрел не попал в цель.

— Хватит, Ромеро. Через три минуты здесь будет полно полиции.

В комнате было душно и тихо, воняло бездымным порохом и гарью от разлившейся на плите воды. Я услышал, как он перезарядил оружие, затем под его шагами заскрипела лестница вверх. Я мигом подскочил к двери, держа пистолет в вытянутых руках, и выпустил всю обойму под восходящим углом. Я прострелил в двери отверстие, похожее на зубастую пасть — вроде тех, какие детишки вырезают в тыквах накануне праздника Всех святых. Несмотря на клубы дыма и разлетающиеся во все стороны щепки и кусочки свинца, я услышал (и частично увидел) разрушения, которые учинил в спальне: на пол со звоном упало расколотое зеркало, со стены слетел светильник и повис на проволоке, пули расплющили водопроводную трубу в стене и разбили окно.

Открыв казенник, я выкинул пустую обойму и вставил полную. Потом распахнул размозженную выстрелами дверь. Возле одной из стен, там, куда не достигали мои пули, я увидел деревянную лестницу, ведущую на чердак. Я прицелился в проем чердачной двери, в голове у меня шумело.

Сверху не доносилось ни звука, в комнате тоже было тихо. К потолку поднимался столб пыли, скрипел, раскачиваясь на проволоке, расколотый керамический светильник. Внизу уже завывали сирены.

Судя по всему, он попал в ловушку. Да-да, Виктор Ромеро, человек, который пережил Вьетнам, успешно зарабатывал деньги, занимаясь сутенерством и приторговывая наркотиками, сумел избежать ареста после того, как устроил авиакатастрофу, в которой погибли четыре человека, смог скрыться на машине под градом моих пуль, а после этого еще и избавиться от Эдди Китса. Впечатляющий послужной список, не правда ли?

В первый раз мне удалось заглянуть в чердачное окно, и я увидел плоскую просмоленную крышу, а на ней — отверстия вытяжки, вероятно из прачечной, неоновую вывеску, два остроконечных сооружения с маленькими дверцами — вероятно, в них размещались вентиляторы; также я обнаружил край проржавевшей лестницы, ведущей на первый этаж. Потом я увидел, как гнутся под тяжестью человеческого тела чердачные доски, и понял, что он крадучись, осторожно продвигается вдоль стены, скорее всего в направлении окна, выходящего на крышу. Я поднял пистолет и стал ждать, когда скрипнет одна половица, освобождаясь от груза, и захряхтит другая, на которую он переместит ногу: как раз в этот момент я принялся стрелять. Я нажимал на курок пять раз, постепенно, обдуманно, следя, чтобы остались патроны, и с каждым выстрелом продвигался все ближе к чердачной двери.

Внезапно мне почудилось, что он вскрикнул. Однако я не уверен, что так оно и было. Я слышал такой крик, означавший крах всего — в первую очередь крушение надежд. Такой крик слышишь во сне — даже когда люди умирают молча.

Он рухнул прямо в чердачную дверь и скатился вниз по лестнице. Так он и остался лежать на спине, одна нога согнута в колене, черные глаза по-прежнему горят яростным огнем; он судорожно хватал ртом воздух, точно рыба, выброшенная из воды. Одним из выстрелов ему оторвало три пальца на правой руке — оставшиеся пальцы еще подрагивали от шока. На груди его зияла глубокая рана; всякий раз, когда он пытался вдохнуть, окровавленные ошметки ткани рубахи всасывало внутрь. На улице все яростнее завывали сирены и мигали красно-голубые сигнальные огни карет скорой помощи.

Очевидно, он пытался что-то сказать, однако, когда он открывал рот, из его горла вырывалось только хриплое бульканье, кровь вперемешку со слюной стекала по его щеке прямо на черные кудри. Я наклонился над ним, точно исповедник, внимательно прислушиваясь. От него разило засохшим потом и бриллиантином.

— Это... я... — хрипел он.

— Не понимаю.

Он попытался заговорить снова, однако слова его захлебнулись подступившей к горлу слюной. Я повернул его голову так, чтобы он смог откашляться.

Его влажные губы были ярко-красного цвета; внезапно они сложились в подобие клоунской ухмылки. От его дыхания разило желчью и никотином. Собравшись с силами, он выдохнул:

— Это я прикончил твою бабу, ублюдок.

Три минуты спустя, когда в квартиру ворвались трое полицейских в форме, он был уже мертв. Пуля прошла его спину, прошла через все тело и разворотила легкое. Коронер рассказал, что, по-видимому, при падении он еще сломал позвоночник. После того как труп погрузили на носилки и унесли, на дощатом полу остались следы крови.

Следующие полчаса я провел в квартире убитого, отвечая на вопросы молодого лейтенанта Магелли из убойного отдела. Хотя у него был жутко усталый вид, а одежда пропиталась потом, вопросы он задавал по существу и формулировал четко. Его карие глаза слипались и были, казалось, лишены какого-либо выражения, однако, когда я отвечал на вопросы, он внимательно смотрел мне в глаза, терпеливо дожидаясь, когда я закончу говорить, и только тогда что-то записывал.

Покончив с допросом, он закурил и еще раз осмотрел загаженную кухню. С волос его прямо на сигарету упала капелька пота.

— Вы, кажется, говорили, что этот парень работал на Буббу Рока.

— В свое время.

— Он что, не мог на вентилятор наскрести?

— Бубба имеет тенденцию вышвыривать людей на улицу, когда больше не нуждается в них.

— Ну хорошо. У вас могут возникнуть проблемы с законом оттого, что вы не вызвали нас сразу, как подстрелили его, но, думаю, ничего серьезного. Судя по всему, никто не станет оплакивать его кончину. Сейчас проедем в участок, подпишите протокол и можете быть свободны. Может, хотите осмотреть его вещи?

Кровать в спальне Ромеро была завалена кучей вещдоков, упакованных в пластиковые пакеты: там было оружие, одежда, личные вещи — словом, почти все, что удалось обнаружить в спальне, на кухне и чердаке плюс добрая половина содержимого комода и платяного шкафа. Там были дешевые костюмы, яркие рубашки, цветастые носовые платки; тот самый пистолет 45-го калибра с хромированным стволом, из которого, предположительно, был убит Эдди Китс, обрез, сделанный из двенадцатизарядного «ремингтона», ореховая ложа которого была подпилена и зачищена до такой степени, что уподобилась рукоятке пистолета; пустые ящики из-под патронов, пакет первосортной марихуаны, стеклянная трубочка со следами кокаина, итальянский стилет, острый как бритва, коробка из-под сигар с порноснимками, винтовка с оптическим прицелом, фотография, на которой Ромеро и еще два морских пехотинца обнимали трех вьетнамских девушек в каком-то ночном клубе, и, наконец, целая коллекция нанизанных на цепочку высохших и посеревших человеческих ушей.

Этот парень вел страшную жизнь, полную темных дел и греховных развлечений. Однако среди всей этой кучи добра мне не удалось найти ничего, что связало бы его имя с каким-нибудь конкретным человеком.

— По-моему, это тупик, — сказал я. — Мне следовало вызвать вас сразу.

— И ничего бы не изменилось, разве что пострадавших было бы больше, — отозвался Магелли. — Если бы он удрал через крышу, то сейчас бы прохлаждался на Миссисипи. Вы правильно сделали, Робишо.

— Когда вы намерены арестовать его брата?

— Завтра утром, скорее всего.

— Собираетесь привлечь его за укрывательство?

— Ну, припугну его, но не так чтобы очень серьезно. Успокойтесь. Вы сегодня и так много сделали. Рано или поздно с ублюдками вроде него и должно было произойти что-то в этом роде. Как вы?

— В порядке.

— Не очень-то верится, ну да ладно. — Он сунул незажженную, мокрую от пота сигарету обратно в карман. — Можно, я вас угощу?

— Спасибо, не стоит.

— Ну, тогда ладненько. Давайте опечатывать квартиру и трогаться в участок. — Он сонно улыбнулся мне. — На что это вы так смотрите?

На старом круглом кухонном столе с резиновым покрытием посреди ошметков консервов, которые смели со стола выстрелы Ромеро, виднелись старые липкие круги, судя по всему от кружек и бокалов. Однако две любопытные группы кругов — покрупнее и поменьше — находились рядом, на одном краю. Они уже изрядно потускнели и подзасохли на ощупь.

— В чем дело? — спросил он.

Я поспешил палец, коснулся одного из пятен и сунул палец в рот.

— Этот вкус вам ничего не напоминает? — спросил я его.

— Вы что, издеваетесь? Парень, коллекционирующий человеческие уши. Да я бы с ним на одном гектаре...

— Попробуйте, это важно.

Я вновь поспешил палец и проделал ту же процедуру. Он в недоумении вскинул брови и нехотя проделал то же самое. Потом скорчил рожу.

— Вроде лимон... или лайм, — сказал он. — Это вы в своей провинции так работаете? У нас для таких дел лаборатория имеется. Напомните мне по пути, чтобы я купил порошки от поноса.

Он ждал от меня объяснений. Когда их не последовало, он с любопытством уставился на меня.

— Что все это значит? — спросил он.

— Да, может, ничего.

— Не валяйте дурака. Я же вижу, вы что-то скрываете.

— Ничего я не скрываю, перенервничал просто. Он достал сигарету и закурил. Потом вновь уставился на меня.

— Не нравится мне это, Робишо. Вы, кажется, сказали, что этот парень перед смертью признался в убийстве? Кого же он убил?

— Одну девушку из Нью-Иберия.

— Вы ее знали?

— Город маленький.

— Вы лично знали ее?

— Да.

Он закурил губу и вновь посмотрел на меня затуманенным взглядом.

— Не заставляйте меня переменить мое мнение о вас, — сказал он. — Вообще-то, я думаю, что вам лучше вернуться в Нью-Иберия и подождать там, пока мы вас не вызовем. В Новом Орлеане летом опасно.

Мы друг друга поняли, не так ли?

— Именно так.

— Вот и отлично. Я за простоту в нашей работе. За чистоту намерений, так сказать.

Он умолк, однако продолжал испытующе смотреть на меня. Потом его взгляд смягчился.

— Ладно, проехали. У вас дико усталый вид, — сказал он. — Может быть, заночуете в мотеле, а завтра утром все и расскажете?

— А это мысль. Пойду-ка я. Спасибо за заботу, — ответил я, попрощался с ним и вышел в ночь, где ветер пригибал верхушки деревьев и на черном небе, словно оружейные залпы, сверкали молнии.

* * *

Через три часа я уже был на полпути к водосбору Атчафалайя. Глаза мои едва не лопались от усталости, а разделительная полоса дороги так и виляла под левым колесом. Когда я с грохотом въехал на шаткий понтонный мост, грузовичок тряхнуло, и я едва удержался на сиденье.

Душа алкала выпить; изрядную порцию виски, желательно «Джим Бим», да потом запить «Джэксом» — и почувствовать, как растекается по жилам янтарная жидкость, поверить, что серпентарий в твоей душе наконец закрыт на замок. По обеим сторонам дороги располагалось великое множество каналов, заливов, бухточек, поросших ивняком островков, лунный свет серебрил серые стволы кипарисов. В шуме ветра и урчании мотора слышалась мне песня Джона Фогарти, та самая песня-предостережение, в которой поется о восходе кровавой луны, об ураганах и наводнениях и о том, что конец близок.

В придорожной забегаловке я купил себе пару бутербродов и пинту кофе. Однако хлеб и мясо показались мне безвкусными, точно бумага, так что я кинул бутерброды обратно в пакет и принялся жадно, большими глотками пить кофе, как жадно глотает виски страдающий от похмелья.

Ромеро олицетворял собой зло — в этом сомневаться не приходилось. Однако мне много раз доводилось убивать — во Вьетнаме, в бытность полицейским, — и мне было прекрасно известно, каково это. Подобно охотнику, испытываешь сладостный выплеск адреналина — ведь ты осмелился вторгнуться на территорию Господа. Те, кто говорят, что это не так, — лжецы. Правда, впоследствии каждый дает собственную оценку своим ощущениям. Некоторых мучит раскаяние, некоторые стараются найти сотню причин, чтобы оправдать свой поступок, тем не менее и те и другие, сами порой не осознавая, не прочь сделать это снова.

Вероятно, я опасался худших последствий: что в один прекрасный день я просто потеряю вкус к жизни и в глазах моих погаснет живое пламя. Незапятнанная душа навсегда потеряет белизну, и ликующая птица упорхнет прочь из отравленного сердца.

И вот теперь, в попытке умаслить собственную совесть, я решился на акт милосердия. Я свернул с дороги на территорию небольшого кемпинга и направился искать мужскую уборную, когда под одним из тентов обнаружил пожилого негра. Даже в такую жаркую ночь, как эта, на нем было старое пальто и потертая шляпа. У ног его стоял разохшийся фанерный чемодан, стянутый бечевкой, с надписью «Большая пеструшка» на боку. Зачем-то

он развел огонь из щепок в пустом мангале и стоял неподвижно, наблюдая, как капает с неба мелкий дождик.

— Ты сегодня обедал, дедуля? — спросил я его.

— Нет, сэр. — Его коричневое лицо было покрыто мельчайшими морщинками, точно табачный лист.

— В таком случае у меня кое-что есть, — объявил я, достал из пакета бутерброды — недоеденный и целый — и поджарил их на огне, а в моей сумке с инструментами обнаружилось две баночки теплого «Пеппера».

Дождь не прекращался. Старик ел молча и вдруг взглянул на меня.

— Куда ты направляешься? — спросил я его.

— В Лафайет. Или в Лейк Чарльз. Могу и в Бомонт. — Он обнажил в улыбке редкие длинные зубы.

— Если хочешь, могу довести тебя до Армии спасения в Лафайете.

— Не нравится мне там.

— Ночью будет гроза. Ты же не собираешься торчать здесь в такую погоду?

— Зачем тебе это? — спросил он. Его глаза были странного красного цвета, а морщины напоминали сложный лабиринт.

— Не могу же я оставить тебя здесь в такую погоду, да и вообще... Всякие люди ходят по ночам.

Он издал странный звук, точно давал выход своей философской озабоченности.

— Да, неохота им попасться. Да, сэр, — отозвался он и безропотно позволил мне подхватить свой чемоданчик и побрел со мной к пикапу.

Дождь усилился. Шквалистый ветер ерошил зеленые стебли сахарного тростника, дубы вдоль дороги трепетали в ослепительных вспышках молний по всему горизонту. Привалившись к дверце, мой пассажир заснул, и я остался наедине со своими мыслями, прислушиваясь к шуму дождя и вдыхая едкий запах бензина — в ту минуту он до боли напоминал запах бездымного пороха.

* * *

Когда я проснулся, в доме было прохладно от работавших всю ночь вентиляторов, сквозь листву ореховых деревьев пробивался солнечный свет. В одних трусах я добрел до ванной, затем направился на кухню варить кофе. Дверь спальни Робин отворилась, она появилась на пороге в пижаме и поманила меня пальцем, приглашая войти. Мы спали по отдельности: я — в зале на диванчике, она — в дальней комнате; отчасти из-за Алафэр, однако главным образом оттого, что я стыдился ответить самому себе на вопрос о характере наших с ней отношений. Она прикусила губу, улыбаясь с заговорщическим видом.

Я присел на краешек ее кровати и уставился в окно, на стекле которого застыли капли утренней росы. Она провела ладонями по моему лицу, шее и плечам, потом руки ее спустились ниже.

— Ты вчера поздно вернулся, — сказала она.

— Пришлось отвезти одного старика в ночлежку Салли в Лафайете.

Ее губы коснулись моего плеча. Тело ее было теплым со сна.

— Такое впечатление, что кое-кто плохо спал, — сказала она.

— Так и есть.

— Я знаю великолепный способ утреннего пробуждения. — Она вновь коснулась меня.

Я дернулся, и она отпрянула.

— Решил нацепить свой пояс верности? Или опять сомнения насчет мамочки?

— Вчера вечером я *убил* Виктора Ромеро.

Я почувствовал, как она напряглась всем телом. Через пару минут хрипло спросила:

— Это правда?

— Он того заслуживал.

Она снова застыла. Пускай она и была девчонкой-оторвой, выросшей в приюте, однако повела себя как любой нормальный человек, которому довелось повстречаться с убийцей.

— Черт дери, Робин, или я, или он.

— Я знаю. Я не виню тебя. — Она положила руку мне на плечо. Я вновь уставился в окно на мокрый от дождя столик красного дерева.

— Приготовить тебе завтрак? — тихо спросила она.

— Не сейчас.

— Могу поджарить тосты, как ты любишь.

— Я правда не хочу есть.

Она крепко обняла меня и положила голову мне на плечо.

— Ты меня любишь, Дейв? — спросила вдруг она.

Я не ответил.

— Ну же, Седой. Честно и откровенно. Ты любишь меня?

— Да.

— Нет, ты любишь не меня. Ты любишь то, что я тебе даю. А это большая разница.

— Я не настроен спорить с тобой сегодня, Робин, — отозвался я.

— Вот что я тебе скажу. Я все понимаю и не жалею. Ты пожалел меня, когда от меня отвернулись все остальные. Ты представляешь, что я ощутила, когда ты взял меня в собор на Всенощную? До этого ни один мужчина так со мной не обращался. Мамочка уж подумала, что ей выпало счастье примерить хрустальные башмачки Золушки.

Она взяла меня за руку и поцеловала ее. Потом сказала, почти шепотом:

— Я всегда буду твоим другом. Где бы ты ни был, кем бы ты ни был, — всегда.

Я притянул ее к себе и поцеловал в ресницы. Ее ладони ласкали и гладили мои бедра, живот, ее дыхание щекотало мне грудь. Я заглянул ей в глаза, залюбовался ее нежной загорелой кожей и пухлыми губками. Она крепко прижалась ко мне, затем встала, заперла дверь на щеколду и скинула пижаму. Вернувшись, она присела рядом, с улыбкой наклонилась ко мне и поцеловала — так мать целует на ночь маленького сынишку. Я стянул с себя белье, и она уселась на меня верхом с закрытыми глазами; когда я вошел в нее, рот ее приоткрылся. Она гладила мои волосы, целовала меня в ухо и еще теснее прижималась ко мне всем телом.

Секунду спустя она почувствовала, что я возбуждился и почти отстранился от нее, движимый животным мужским инстинктом завершить процесс удовлетворения, независимо от того, принимает ли в этом участие партнер. Однако она лишь приподнялась на локтях и коленках и улыбнулась мне, ни на секунду не переставая двигать телом, и когда я почувствовал слабость, чресла мои горели, а на лбу выступили капельки пота, она вновь принялась ласкать и целовать мои губы, щеки, грудь и тело, боясь упустить хоть один последний момент.

Потом мы долго лежали на простынях под вентилятором, наблюдая, как за окном разгорается новый день. Она повернулась на бок, посмотрела на меня и взяла мои пальцы.

— Дейв, не стоит так переживать. Ты просто хотел его арестовать, а он начал отстреливаться.

Я продолжал молча лежать на спине, глядя в потолок.

— Послушай, я знаю, что некоторые новоорлеанские легавые просто убивают людей, независимо от того, вооружены они или нет. А потом подбрасывают им оружие, как будто им пришлось отстреливаться. Но ты-то не такой, Дейв. Ты — хороший. Тебе не в чем себя упрекнуть.

— Ты не понимаешь, Робин. Я боюсь, что мне снова захочется кого-нибудь убить.

* * *

Встав с постели, я позвонил в участок и сообщил, что не выйду сегодня на работу; потом натянул тренировочные штаны и кроссовки и немного позанимался: потягал гантели под сенью мимозы и устроил пробежку вдоль берега залива. В корнях гигантских кипарисов все еще висели клочья утреннего тумана. Я зашел в старенький, сколоченный из некрашенных досок магазинчик, купил пакет апельсинового сока и выпил его, болтая по-французски с пожилым владельцем; потом трусцой вернулся обратно — к тому моменту солнце уже стояло высоко в небе, а в прибрежных камышах роились стрекозы.

Войдя в дверь, вспотевший и разгоряченный, я увидел, что дверь нашей с Энни спальни открыта настежь, замок на ней спилен. Солнечный свет врвался в комнату из окон, и Робин, в белом лифе и коротеньких голубых шортах, стоя на коленях, окунала щетку в ведро с мыльной водой и терла деревянный пол. Испещренные пулевыми отверстиями стена и спинка кровати были тщательно вымыты и влажно блестели. На полу стояла бутылка моющего средства и второе ведро, в котором откисали тряпки; и тряпки, и вода были ржаво-красного цвета.

— Что ты делаешь? — закричал я.

Она обернулась, но ничего не ответила, методично продолжая свое дело. Слышно было, как елозит по дощатому полу щетка. Когда она наклонялась, по ее загорелой спине туда-сюда ходили мышцы.

— Черт подери, Робин. Кто разрешал тебе сюда входить?

— Я не смогла найти ключ, пришлось поработать отверткой. Извини за разгром.

— Убирайся.

Она перестала тереть и села. Колени ее побелели. Тыльной стороной запястья она отерла со лба капельки пота.

— И это твой храм, куда ты каждый день приходишь страдать и каяться? — спросила она.

— А уж это не твоего ума дело.

— Хорошо, я уйду. Ведь ты этого хочешь?

— Я просто хочу, чтобы ты покинула эту комнату.

— Я долго пыталась понять тебя, Седой. Теперь-то я знаю: ты окружил себя чувством вины, точно москитной сеткой. Это как мазохисты: они получают удовольствие только тогда, когда хорошенько их отлупишь. Неужели ты вроде них?

С меня градом лился пот. Я глубоко вздохнул и отер со лба испарину и налипшие пряди волос.

— Прости, что нагрубил тебе. Но прошу, оставь эту комнату.

Вместо ответа она снова окунула щетку в мыльную воду и методично продолжала тереть пол.

— Робин, — позвал я.

Ответа не последовало.

— Это мой дом, Робин.

Я подошел к ней вплотную.

— Я к тебе обращаюсь. Больше никакой самодеятельности.

Она снова уселась на корточки и опустила щетку в ведро.

— Я все, — отозвалась она. — Ты собираешься стоять и скорбеть или все-таки поможешь мне убрать ведра?

— Ты не имела права так поступать. Я знаю, ты хотела как лучше. Тем не менее.

— Ты не должен «использовать» свою жену — хотя бы из уважения к ее памяти. Хочешь напиток — вперед. Хочешь пристрелить кого-нибудь — пожалуйста. Но хотя бы делай это в открытую и не прикрывайся угрызениями совести. Это тупик, Дейв.

Она ухватила ведро двумя руками, чтобы не расплескать, и направилась мимо меня к двери. На кипарисовых досках пола были видны следы ее мокрых босых ног. А я так и остался стоять посреди комнаты, тупо глядя на столбы пыли, поднимавшиеся к потолку в лучах солнца. Внезапно я увидел, что она направляется к пруду.

— Подожди! — заорал я.

Я подобрал с пола грязные тряпки, сунул их во второе ведро и бросился вслед за ней. Я остановился возле сарайчика, где хранился садовый инвентарь и газонокосилка, достал лопату и направился к небольшому цветнику, который жена Батиста разбила на берегу мелкого овражка, что пролегал через весь наш участок. Земля в нем была влажной и скользкой — текущий по дну овражка ручей переполнился дождевой водой и разлился. Клумбы частично затенялись банановыми деревьями, чтобы цветы герани не выгорали под палящим солнцем, другой же конец цветника был ярко освещен, и там пышно цвел барвинок и белели солнышки маргариток.

Это были не васильки и колокольчики, которые так любят канзасские девушки, но я знал, Энни бы меня одобрила. Прямо посреди клумбы с маргаритками я яростно выкопал глубокую яму, вылил туда оба ведра, покидал туда же тряпки и щетку, расплющил ногой ведра — и они полетели туда же; я засыпал яму влажной землей и дерном со сплетшимися корнями барвинка и маргариток. Потом я размотал поливочный шланг и поливал место «захоронения» до тех пор, пока оно не слилось с блестящей и гладкой землей, а мыльная вода не ушла вглубь.

Подобные поступки редко поддаются логическому объяснению. Я вымыл лопату, убрал ее обратно в сарайчик и направился в кухню, не сказав Робин ни слова; потом принял душ, надел чистые штаны цвета хаки и джинсовую рубашку, уселся за столик и стал читать газету. Я слышал, как Робин готовит на кухне обед, а Алафэр болтает с ней на смеси английских и испанских слов. Робин принесла мне сэндвич с ветчиной и луком и стакан чая со льдом. Когда она ставила поднос на стол, я даже не взглянул на нее. Она так и застыла возле меня, ее голые ноги были всего в сантиметре от моего локтя; внезапно я ощутил прикосновение ее пальцев к своей шее, волосам и влажному воротнику.

— Я тащусь от тебя, Робишо, — прошептала она.

Не открывая глаз, я взял ее за мягкие ягодицы и крепко прижал к себе.

* * *

Было уже за полдень, когда возле моего порога объявился Майнос Дотрив. На нем были джинсы, теннисные туфли на босу ногу и золотистого цвета футболка, заляпанная краской. Неподалеку стоял его джип «тойота», с пассажирского сиденья которого торчало удилище.

— Говорят, ты знаешь все рыбные места в окрестностях, — сказал он.

— Есть немного.

— У меня в машине есть жареная курятина, пиво и содовая. Поехали порыбачим?

— Вообще-то, у нас есть планы на вечер.

— А мы быстренько, туда и обратно. Пошевеливайся, друг.

— Тебе просто невозможно отказать, Майнос.

Мы прицепили к багажнику его джипа мой прицеп с лодкой и отправились на мол на юго-западной оконечности Атчафалайя. Ветер утих, и над гладкой поверхностью воды в ветвях прибрежного ивняка и над листьями водяных лилий кружились бесчисленные насекомые. Мы сели в лодку и направились в заливчик, берега которого были усеяны рухнувшими кипарисами и заброшенными нефтяными вышками; миновав его, мы поплыли вверх по течению, пока не достигли устья крошечной бухты, соединенной с остальным водоемом узеньким каналом. Я вырубил мотор, и лодка закачалась на волнах. Я по-прежнему недоумевал, что задумал Майнос.

— В такую жару вся рыба прячется в ямы в затененной части островов, — объяснил я. — Потом, ближе к вечеру, она подходит ближе к берегу, чтобы покормиться упавшими с веток насекомыми.

— Ты не шутишь? — спросил он.

— У тебя блесна-то есть? — спросил я.

— Вроде есть, — ответил он.

Он гордо продемонстрировал свой ящик с рыболовными принадлежностями. В нем было три отделения, набитые искусственными червями, съёмными катушками для спиннинга, мормышками, блесной и крючками всяческих форм и расцветок.

— Как тебе? — спросил Майнос.

— Знаешь что, Майнос? Я перестал доверять федералам с тех пор, как оставил службу в новоорлеанском полицейском управлении.

Он насадил на спиннинг блесну и изящным движением забросил его, быстренько смотал катушку и бросил снова. На третьей попытке вода среди лилий забурлила и на поверхности показался спинной плавник гигантского окуня, в лучах солнца чешуя переливалась зеленью и золотом. Со всплеском он захватил приманку, и тут же тройной крючок Майноса накрепко засел у него во рту. Окунь попытался уйти в яму меж корней тростника, мутя и разбрызгивая воду, однако Майнос крепко держал удилище, леска находилась в постоянном натяжении, и мало-помалу он подтягивал окуня все ближе и ближе к лодке. Внезапно он выпрыгнул из воды и со всплеском шлепнулся обратно, не прекращая отчаянных попыток уйти на глубину.

— Попытайся еще раз вывести его на поверхность. Надо, чтоб он как следует глотнул

воздуху.

— Так он с крючка сорвется, — отозвался Майнос.

Я снова открыл было рот, но вдруг моноволоконная леска резко натянулась. На ней заблестели капельки воды. Когда Майнос попытался крутить катушку, удилище резко потянуло на сторону. Я извлек подсак, который держал специально для таких случаев, и стал медленно опускать его под днище лодки. Тут леска со звоном оборвалась.

— С-сукин сын, — выдохнул Майнос.

— Забыл тебя предупредить, на дне полным-полно коряг. Ну да ладно. Я сам на этих окуней не одну блесну извел.

Почти пять минут он не произносил ни слова. Выпив одну бутылку пива, он открыл вторую и закурил сигару.

— Хочешь курицы? — наконец спросил он.

— Не откажусь. Однако темнеет. Мне правда необходимо вернуться, Майнос.

— Я тебя задерживаю?

Я достал свое удилище, прицепил на него пластмассовую приманку в виде жука с желтым пером и красными глазами, прицепил к ней крючок и вручил Майносу.

— Окунь не может устоять перед этой штукой, — сказал я. — Давай-ка отплывем на открытое место и покидаем оттуда. А потом я поеду домой.

Я поднял якорь, однако мотор заводить не стал; сев на весла, я направил лодку через канал. Небо начало загораться малиновым закатным светом, над нашими головами взад-вперед сновали ласточки. Внезапно подул ветер, и с ветвей деревьев на поверхность воды посыпались нерасторопные мошки — в воде их уже поджидали голодные рты лещей, окуней и рыб-солнечников. Заходящее солнце озарило западный край неба оранжевым огнем, на песчаных отмелях и поросших камышом островках кормились журавли и серые цапли. Майнос выбросил окурок сигары, тот с шипением упал в воду. Потом он раскрутил удилище «восьмеркой» над своей головой и забросил приманку подальше, в заросли водяных лилий.

— Как ты себя чувствуешь после того, как прикончил Ромеро? — поинтересовался он.

— А никак.

— Я тебе не верю.

— Мне-то что.

— Не верю, и все тут.

— Так ты за этим и затеял эту рыбалку?

— Сегодня утром я разговаривал по телефону с лейтенантом Магелли. Тем самым. Так вот, ты не сказал ему, что Ромеро убил твою жену.

— Он и не спрашивал.

— Еще как спрашивал.

— Не нравится мне твой тон.

— По-моему, тебе стоит поверить, что у тебя есть друзья.

— Послушай, если ты считаешь, что я с самого начала намеревался пристрелить Ромеро, ты ошибаешься. Просто так вышло. Он думал, что сможет обставить меня. У него не вышло. Вот и все. А всякие там последующие выводы — это для идиотов.

— Да плевать я хотел на этого Ромеро. Туда ему и дорога. — Он сделал неудачный заброс и выругался.

— Тогда в чем же дело?

— Магелли сказал, что ты что-то унюхал, когда осматривал квартиру, а ему не сказал.

Что-то там про сок лайма.

Я молча продолжал грести.

— В конце концов, получилось так, как получилось. Да, мне следовало вызвать полицию с самого начала. Я признаю свою ошибку. Вот так-то, Майнос.

Он сел в лодке, достал удилице из воды и воткнул крючок в пробковую рукоять.

— Хочешь, я расскажу тебе поучительную историю? — спросил он. — Так вот. В свое время во Вьетнаме был у меня начальником один майор. Тупой как пробка и вдобавок порядочная скотина. В зоне свободного огня его любимым развлечением было мочить кого ни попадя. Сядет в вертолет и давай лупасить узкоглазых: женщин там, фермеров, домашний скот — без разницы. А однажды из-за его тупости и некомпетентности вьетнамцы накрыли пару наших агентов и учинили над ними казнь. Не стану вдаваться в подробности, скажу лишь, что желтокожие порой проявляли в этом деле поистине дьявольскую изобретательность. С одним из этих парней — школьным учителем — мы были приятели.

— Так вот, я долго думал про этого нашего майора. Ночами не спал — все прикидывал, что бы с ним сделать. И в один прекрасный день у меня выдалась великолепная возможность осуществить свои намерения, мы как раз очутились вдвоем в глухой местности, где мне ничего не стоило размазать его жирную тушу по деревьям, а потом спокойно закурить косячок и забыться. Однако я не стал ничего делать. Просто я решил, что один ублюдок не стоит того, чтобы я всю жизнь испытывал угрызения совести. Так что он до сих пор жив-здоров и с превеликим удовольствием рассказывает всем и каждому, скольких узкоглазых он уложил. Но я-то, Робишо, — я спокоен. Я не позволил проклятому чувству вины отравлять себе жизнь. Я не трясусь от страха по полам.

— Спасибо за заботу. Я больше не собираюсь участвовать во всем этом.

— Хотелось бы верить, что ты это серьезно.

— А почему нет?

— Просто я неплохо знаю парней вроде тебя. Вы вечно не в ладах со всем миром и никому не доверяете. Потому-то с вами вечно что-нибудь случается.

— Да неужто?

— Ты просто не решил, как с этим разобраться, — сказал он; лицо его озарилось красным закатным светом. — Кончится тем, что тыпустишь их всех в расход.

Однако он ошибался. Я и вправду устал от всех этих мыслей. Целый день мне не давала покоя грызущая мысль о том, что еще вначале я допустил одну существенную ошибку: я не воспользовался очевидным фактом, показывающим, как действовали Бубба и Клодетт — они использовали людей. Да-да, самым наглым и циничным образом, чтобы потом выбросить на помойку, как грязный бумажный платок. Донни Дартез работал на Буббу — и утонул, Эдди Китс помогал ему держать в повиновении его шлюх, а Туут орудовал по его приказу безопасной бритвой — и где они теперь? Одного пристрелили и утопили в болоте, второго поджарили в собственной ванне. Виктор Ромеро тоже работал на них — а его, как вы знаете, убил я.

В конце концов мне стало совершенно ясно, кто за всем стоит. Я-то думал, что я — неплохой полицейский, и даже больше — «зрячий среди слепцов»; однако в ходе расследования я допустил такую же ошибку, какую допускают все полицейские при расследовании крупных преступлений. Мы бессознательно выбираем своей мишенью самых безответственных и глупых представителей многотысячной армии преступников, обитающих в большом городе: наркоманов, уличных торговцев наркотиками, мелких воришек, проституток и некоторых их клиентов, скупщиков краденого — словом, тех, у кого на лбу написано «вне закона». Пожалуй, за исключением некоторых проституток, все эти люди не отличаются особой сообразительностью, откровенно безнравственны, и привлечь их ничего не стоит. Не верите — загляните в городские или муниципальные тюрьмы и полюбуйтесь на тамошних заключенных. В то же самое время те, кто запросто сдаст Большой Каньон под добычу гравия или продаст флаг страны как восточный палас, — те формально так же чисты перед законом, как блестящая монетка, брошенная в церковную корзину.

Однако даже если игра проиграна, никогда не спешите сдавать позиции. Надо просто стиснуть зубы и выцарапать у противника пару раундов. Пусть исход встречи будет не в вашу пользу, ему тоже придется несладко.

На следующее утро я встретил Буббу на одном из его рыбообрабатывающих заводиков, что к югу от острова Эвери — там, где болота и соленые озера сливаются с Вермиллион-ривер и Мексиканским заливом. Заводик этот представляет собой конструкцию из стальных листов, сверкающую на солнце подобно алюминиевой фольге, стоящую на сваях среди подтопленных кипарисовых бревен, водорослей и извилистых каналов. Устричные и креветочные траулеры ушли на промысел, но на покрытых маслянистыми пятнами волнах у пирса покачивался воскового цвета прогулочный катер.

Я припарковал грузовичок и направился по дощатому настилу на причал. Жаркое утреннее солнце отражалось в воде, в воздухе пахло дохлыми креветками, дегтем, машинным маслом и соленым бризом, доносившимся с Мексиканского залива. Бубба упаковывал пиво в ледник. Он был голый по пояс и потел вовсю; его джинсы сползли на бедра, обнажив эластик трусов. Ни сантиметра лишнего жира не было на его узких бедрах и плоском животе, а загорелые плечи поросли мягкими коричневыми волосками. По его мускулистой спине пролегла цепь крохотных шрамов.

Позади него, прислонившись к парапету, стреляли из дробовика по голубям и белым цаплям двое бледных мужчин с напыженными черными шевелюрами. Оба они были в

гавайских рубашках, широких брюках, мокасинах с декоративными кисточками и темных очках. На черной воде лежали убитые ими белые цапли, точно сугробики тающего снега. Одного из них я, кажется, узнал: это был водитель покойного новоорлеанского гангстера Дидони Джакано.

Бубба увидел меня и улыбнулся. На лбу и в волосах у него застыли капельки пота.

— Прокатишься с нами? — спросил он. — Эта крошка здорово бегают.

— Что это с тобой за макаронники?

Один из темноволосых обернулся на меня. В стеклах его очков мелькнули солнечные блики.

— Друзья из Нового Орлеана, — отозвался он. — Пива хочешь?

— Они стреляют охраняемых птиц.

— Надоели мне эти голуби: гадят, понимаешь, на моих креветок. Но я не спорю. Хочешь, скажи им, и они перестанут. — Он снова улыбнулся мне.

Теперь оба темноволосых уставились на меня. Потом один из них развернул шоколадку и сунул ее в рот, выкинув обертку прямо в воду.

— Ты что, с мафией связался, Бубба?

— Брось, ты, видно, фильмов намотрелся.

— Смотри, как бы не пришлось влезть в долги.

— А вот тут ты ошибаешься. Это мне люди платят, а не наоборот. Я выигрываю, они проигрывают. Потому-то я и владею всем этим, угощаю тебя пивом и приглашаю прокатиться. Так что вот так.

— Помнишь Джимми Гоффа? Тоже ведь был крутой парень. А потом вообразил, что спокойно может тягаться с мафией. Держу пари, у них при его виде слюнки потекли.

— Нет, вы только послушайте этого умника! — рассмеялся он, достал из ледника бутылку пива и открыл ее; из горлышка закапала пена.

— Выпей-ка лучше. — Он протянул мне бутылку.

— Нет, спасибо.

— Как хочешь, — сказал он, отхлебнул пива и, с шумом выдохнув воздух, удовлетворенно воззрился на свой катер. Шрамы на его спине напоминали рассыпанный бисер. Он стоял переминаясь с ноги на ногу.

— Ладненько, отличная погодка сегодня, я, пожалуй, поеду. Быстрее выкладывай, что у тебя там.

— У меня просто есть мысли по поводу того, кто принимает решения от твоего имени.

— Да ну? — переспросил он, отпил из бутылки и уставился на серых цапель, пролетающих над водой.

— Может быть, я и ошибаюсь.

— Ага. И зацикливаешься.

— Пойми меня правильно. Я ни в коей мере не оспариваю твоих талантов руководителя. У меня просто сложилось такое впечатление, что твоя Клодетт — уж слишком амбициозная барышня. Ее, наверное, трудно удержать на кухне, не так ли?

— Послушай-ка, Дейв. Ты начинаешь действовать мне на нервы. Мне это не нравится. У меня планы, у меня гости. Хочешь присоединиться — милости прошу. Но не доставай меня больше, приятель.

— Вот что я подумал. Если я не прав — так и скажи. Джонни Дартез не отличался сообразительностью, так ведь? Он был просто уличным подонком, которому не стоило

доверять, да? И тебе было известно, что в один прекрасный день он сдаст твою задницу федералам, так что вы с Клодетт приказали Виктору Ромеро, чтобы тот убрал его. А он в придачу затопил целый самолет, на борту которого был священник, не считая еще двух женщин. А тут еще я появился, что окончательно осложнило ситуацию. Тебе не стоило трогать меня, Бубба. Я ничем не угрожал тебе. Я уже бросил это дело, когда твои люди стали ошиваться возле моего дома.

— В чем, собственно, дело? — вмешался один из итальянцев.

— Сам разберусь, — отозвался Бубба. И обращаясь ко мне: — Вот что я тебе скажу. Если захочешь — поверишь. Не захочешь — дело твое. Я сам по себе, я — один, а не целая шайка. Ты вроде умный парень, колледж закончил, а таких простых вещей не понимаешь: если ты перешел дорогу кому-то из новоорлеанского сброда, это твои проблемы. Я тут ни при чем.

— Ты знал, что Клодетт была на квартире Ромеро?

— Что-о?

— Что слышал.

— Она никуда не ходит без моего ведома.

— Она же вечно таскает с собой этот термос. Следы от него остались по всему кухонному столу.

Он уставился на меня немигающими глазами. Нижняя его челюсть выдвинулась вперед, как рыло барракуды.

— Так ты правда ничего не знал? — спросил я.

— Повтори, что ты сказал.

— Нет уж, сам разбирайся. Моя хата с краю. Если Клодетт не запрет твои планы, на сцену выйдут эти красавцы. Сдается мне, ты больше не контролируешь ситуацию.

— Ты хочешь знать, контролирую ли я ситуацию? А по морде схлопотать не хочешь? По-моему, ты только и делаешь, что напрашиваешься.

— Пора бы тебе подрасти.

— Нет уж, это тебе пора подрасти. Это ты приперся ко мне домой, а теперь и на работу и давай хаять мою семью перед моими друзьями. И что я должен о тебе думать?

— По-моему, тебе давно пора к психиатру. Ты становишься пафосным, Бубба.

Он встряхнул бутылку.

— Ты все сказал?

— Вижу, ты так меня и не понял. Ты просто не способен понимать других.

— Ладно, я дал тебе высказаться. А теперь убирайся.

— Твой отец больше не лупит тебя на глазах у всех, тебя некому стало учить, и поэтому ты женился на Клодетт. Ты стал подкаблучником лесбиянки, мой друг. Она превращает в дерьмо твои дела, а ты даже не подозреваешь об этом.

Он вновь уставился на меня немигающим взглядом.

— Увидимся, — сказал я. — И переведи капиталы куда-нибудь на Каймановы острова. Пригодятся, когда Клодетт и компания оставит тебя ни с чем.

Я повернулся и направился к грузовику. Вслед мне полетела бутылка и с грохотом покатила по деревянным доскам настила, разбрызгивая пену.

— Эй! Куда ты? Никуда ты не уйдешь! — закричал он, тыча пальцем мне в лицо.

Я не остановился. Парковка была залита ярким горячим солнцем. Он догнал меня и схватил за руку.

— Что, в штаны наложил? Я не позволю тебе оскорблять меня на глазах у моих друзей, а потом вот так повернуться и уйти!

Я открыл дверцу грузовика. Он схватил меня за плечо и развернул к себе: на его потной груди набухли узлы вен.

— Только тронь меня — и сядешь в кутузку. Хватит ребячиться, — ответил я.

Я захлопнул дверцу пикапа прямо перед его носом, завел мотор и уехал. Последнее, что я заметил, — его перекошенное лицо, лицо человека, который внезапно понял, что совершил колоссальную ошибку.

* * *

В тот день я ушел с работы пораньше и записал Алафэр на осенний семестр в детский сад при католической школе Нью-Иберия. Вечером мы с ней и Батистом вышли на нашем крошечном суденышке в Мексиканский залив половить креветок. Однако я хотел выйти в море еще по одной причине: в тот день исполнился двадцать один год со дня гибели моего отца. Он работал на буровой установке в открытом море, на подвесной площадке высоко-высоко над водой. В тот день рабочие напали на нефтеносный слой раньше, чем ожидалось. В устье скважины никакого противовыбросного оборудования не было, и, когда буровая установка наткнулась на газовый купол где-то глубоко в толще дна залива, вышка начала раскачиваться, и внезапно наверх хлынул поток соленой воды, песка и нефти под колоссальным давлением, и обшивка корпуса вышки треснула. Сверху посыпались куски металлической облицовки, клещи, цепи, куски труб. Из-за трения металла о металл возникла искра, и скважина вспыхнула. Те, кто спасся, вспоминали, что картина была жуткая, точно кто-то рывком открыл дверь ада пекла.

Хотя отец пристегнул ремень безопасности к натяжному тросу, который соединял его подвесную платформу с катером и успел спрыгнуть, это его не спасло. Рухнувшая вышка разнесла катер в щепы и увлекла за собой на дно залива отца, а с ним еще девятнадцать рабочих.

Тела их не были обнаружены, и мне порой снится, как отец в своем рабочем комбинезоне и каске машет рукой из пучины и ухмыляется: мол, все нормально, сынок. Таков был мой старик. Его частенько забирали в участок, какой-то торговец увел у него жену, вышибалы в кабаках швыряли в него стулья, однако наутро он как ни в чем не бывало просыпался и снова был весел, как певчая птица.

Я усадил Алафэр за руль в кабине пилота. Голову девочки украшала заломленная набекрень бейсболка с надписью «Астрос». Тем временем мы с Батистом подняли сети и наполнили холодильники креветками. Сделав полумильный круг, я вырубил мотор, и лодку понесло по воле течения именно к тому месту, где двадцать один год назад погиб отец.

Смеркалось; в черно-зеленых волнах покачивались хлопья пены. Солнце уже скрылось за горизонтом, и черно-красные облака на западном небосклоне казались отблеском пожара на огромной планете, постепенно уходящей под воду. Я достал из ящика с инструментами заранее приготовленный букет желтых и пурпурных роз и бросил его в волны. Букет вскоре рассыпался, и одиночные цветки поплыли по волнам, все больше удаляясь друг от друга, пока вовсе не скрылись из виду.

— Он это любит, — улыбнулся Батист. — Твой старик любил цветы. Цветы и женщин.

И еще виски. Эй, Дейв, ты почему такой грустный? Твой старик никогда не унывал.

— Давай сварим креветок — и по домам, — отозвался я.

Всю дорогу не покидало меня чувство смутного беспокойства. На западе догорал закат, и вскоре от него осталась лишь полоска зеленоватого света: когда взошла луна, вода окрасилась в свинцовый цвет. Интересно, это была скорбь по безвременно ушедшему отцу или просто застарелая склонность к депрессии?

Нет, дело тут было в другом. Хороший полицейский, грустно размышлял я, никогда не убивает людей без особой надобности. Пока что я только сею хаос и разрушение, я так никого и не арестовал. Вместо этого я испортил жизнь недоумку Буббе. И на душе у меня, прямо скажем, кошки скребли.

* * *

Наутро мне в кабинет позвонил Майнос.

— Тебе ничего не рассказывали про Буббу Рока? — поинтересовался он.

— Нет. А что?

— Неужели ничего? Я-то думал, ты знаешь.

— Знаю что, Майнос?

— Вчера он поколотил свою жену. Ну и досталось же ей. В одном из баров на Пинхук-роуд. Продолжать?

— Валяй.

— Вчера днем они еще в машине начали ссориться. В районе Уинн Дикси. Три часа спустя сидит она, значит, в баре в компании каких-то новоорлеанских итальяшек, коктейль попивает, тут снаружи останавливается «кадиллак», и кто же из него выходит? — Правильно, обезумевший от ревности супруг. Врывается это он, значит, в бар, и ну хлестать женушку по физиономии. Она падает со стула, он наподдает ей по заднице и потом как швырнет головой вперед в сторону мужской уборной. Ну, один из итальяшек, понятно, пытается встрять, так Бубба его по стенке размазал. В прямом смысле слова. По словам бармена, он ему чуть шею не свернул.

— С каким вкусом ты это рассказываешь, Майнос.

— Ага. Сущее удовольствие.

— Где он сейчас?

— Дома, наверное. А дамочку пришлось в больницу увозить и швы ей там накладывать. Естественно, ни она, ни эти подонки заявления писать не стали. По странным причинам они не особо хотят иметь дело с законом. Не знаешь, что это нашло на нашего Буббу?

— Вчера я приезжал к нему.

— Ну и?..

— Ну, и рассказал ему кое-что про его добродетельную супругу и иже с ней.

— Вон оно что.

— Послушай меня, Майнос. Я полагаю, что именно Клодетт стоит за гибелью моей жены. Бубба, конечно, сукин сын и все такое, но он не стал бы нанимать кого-то, чтобы расправиться со мной. Он предпочел бы сделать это сам. Он ненавидит меня еще со школьных времен. Думаю, это она подслала Ромеро и гаитянина, чтобы убить меня, а когда они вместо этого убили Энни, а потом у Ромеро опять ничего не вышло, она и придумала

всю эту историю с проколотой шиной. Когда и это не сработало, она заставила Буббу ревновать. Как бы то ни было, она зачем-то приходила в квартиру Ромера. На его кухонном столе были следы от ее термоса с джином.

— Так вот причем тут сок лайма!

— Да.

— И разумеется, уликой это считать нельзя.

— Именно.

— Посему ты решил отправиться к Буббе и кое-что рассказать ему про благоверную?

— Вроде того.

— А теперь слушай, что я тебе скажу.

— Хватит уже об этом, Майнос.

— Плюнь ты на это дело, вот что. Они оба гроша ломаного не стоят. Просто пусть все идет как идет.

Я промолчал.

— Он — псих. Она — нимфоманка, — заявил он. — Ты заварил кашу, теперь пусть они ее расхлебывают. Это может привести к самым неожиданным результатам. А ты, черт тебя дери, не суйся больше в это дело, ладно?

— Ты прямо сама вежливость.

— Знаешь, в чем твоя проблема? Ты — два человека в одной упаковке. Ты пытаешься вести честную игру там, где это невозможно. В то же самое время тебя обуревают нормальное желание выпустить из них кишки. Всякий раз, когда я с тобой разговариваю, я, право, не знаю, с какой из твоих ипостасей мне придется иметь дело.

— Увидимся. Не пропадай!

— Бывай. И не стоит благодарить за звонок. Мы любим помогать деревенщине в форме.

И повесил трубку. Я попытался было перезвонить ему, однако линия была занята. Тогда я вернулся домой, и мы с Батистом пообедали, устроившись за деревянным столиком под навесом. Было жарко и тихо, в небе плавился белый солнечный диск.

* * *

В ту ночь я так и не смог заснуть. Воздух точно застыл, и никакие вентиляторы не могли остудить нагревшийся за день дом. Казалось, даже ночные звезды горячи, и в лунном свете я увидел, как соседские лошади ложатся в придорожную канаву, чтобы хоть как-то спастись от духоты. Я прошел на кухню и съел порцию клубничного мороженого. Через пару минут на пороге появилась Робин в кружевной маечке и трусиках, и, шурясь на свет, посмотрела на меня.

— Мне просто стало жарко. Иди-ка спать, детка, — сказал я ей.

Она улыбнулась, ничего не ответила и молча вернулась в свою комнату.

Но я-то знал, что жара тут совершенно ни при чем. Я выключил свет и уселся на ступеньках крыльца. Больше всего на свете мне хотелось убить Буббу Рока и его жену. Они словно олицетворяли всю жестокость и себялюбие мира; чтобы жить в комфорте и богатстве, они убивали других. Наверняка в тот самый момент, когда наемные убийцы вошли в мой дом и расстреляли несчастную Энни, они спокойно ужинали копченым лососем или спали в своем особняке.

Однако знал я и то, что, натравив психопата-мужа на жену, толку я не добьюсь. Пусть из самых благородных побуждений, все равно это не дело. Согласно программе реабилитации бывших алкоголиков, один из основных постулатов гласил, что мы не должны пытаться манипулировать людьми, лгать им или навязывать свою точку зрения, в особенности если преследуем дурные цели. Если я не остановлюсь, то постепенно деградирую, отравлю жизнь себе и своим близким, покачусь все ниже и в конце концов превращусь в тихого алкоголика, которым был несколько лет назад.

Как только стало светать, я сварил себе кофе и выпил его, сидя на ступеньках крыльца. По-прежнему было жарко; красное рассветное солнце окрасило в пурпур низкие облака. Такой рассвет предвещал бурю, и я почувствовал, что в этот день должна начаться новая эпоха в моей жизни. Я перестану задыхаться от бессильной злобы, перестану вынашивать планы мести, постараюсь успокоиться и препоручу свою жизнь Высшей силе.

И первым шагом моего перерождения станет отказ от вмешательства в жизнь Клодетт и Буббы Рока, и без того полную зла и моральной нищеты.

Как и всегда, когда я принимал подобные решения, я чувствовал, как спадает тяжесть с моей души и тот самый альбатрос наконец снят с моей шеи^[16]. Тем временем на свинцовом небе разгорался рассвет, и мой сосед включил насос и принялся поливать посадки. Последние два дня дождя не было, и даже на листве деревьев лежала пыль.

Однако я давно знал по собственному горькому опыту, что решиться на что-то и сделать — далеко не одно и то же. В моем случае это означало лишь одно: я не хотел, чтобы Клодетт Рок страдала по моей вине, я больше не собирался сплетничать о ней с ее мужем и тем самым вносить разлад в семью. И не просто решиться, а пойти и рассказать им об этом.

Я побрился, принял душ, надел мокасины и полотняные брюки, нацепил звезду шерифа и кобуру, выпил вторую чашку кофе, сел в грузовичок и покати́л в Лафайет по старой разбитой дороге. Погода начала меняться. С юга поползли серые дождевые облака, с залива подул свежий бриз, зашелестел пыльной дубовой листвой и зашевелил гроздь мха, свисавшие со старых стволов кипариса.

Давление явно упало: лещи и окуни поднялись из глубины к поверхности воды, притаившись в зарослях водяных лилий, — так всегда бывает при перемене погоды; низко-низко над землей парили в темном небе журавли и ястребы-перепелятники. Ветер нес пыль вдоль Мейн-стрит и пригибал к земле заросли бамбука по берегам залива. На окраине торговал земляникой с лотка пожилой негр — он торговал на этом самом месте с тех пор, когда я был мальчишкой. Ровно через двадцать минут я свернул на берег Вермиллион-ривер, где располагался особняк Буббы и Клодетт. Теперь воздух был напоен прохладой, облака стали почти черными, а зеленая стена сахарного тростника колыхалась на ветру. С юга потянуло дождем и сырой землей. Впереди я явственно видел посыпанную гравием дорожку, ведущую к дому Буббы, кусты желтых роз, поливальные машины, его роскошный сад: дубы, мимозы, апельсиновые и лимонные деревья. Внезапно мимо меня стрелой промчался «кадиллак» с опущенным откидным верхом и тонированными стеклами. Он постепенно уменьшался в зеркале заднего вида, и я уж думал, что потерял его из виду, как вдруг заметил, что он тормозит у заправки с рестораном. Я поставил грузовичок возле ворот.

Хотя погода стояла прохладная, но шторы были спущены, кондиционеры работали на полную катушку, и под окнами второго этажа образовалась лужица конденсата. Я поднялся по широким мраморным ступеням и постучал медной ручкой-звонком, потом подождал и постучал снова. Никто не отозвался. Тогда я забарабанил в дверь кулаком. Изнутри не

доносилось ни звука. Я обошел дом, пройдя мимо клумбы с геранью, размокшей от текущего шланга, и постучал в застекленную кухонную дверь. И снова никто не отозвался, однако возле гаража стояли «эм-джи» и «олдсмобиль», а из кухни доносился запах поджаренного бекона. Воздух был напоен влагой, на улице заметно потемнело, а под ногами точно обрывки пергамента шелестели сухие дубовые листья.

Я скрестил руки на груди и принялся рассматривать теннисный корт Буббы, живую изгородь, заросли мирта, бельведер с аляповатыми лепными украшениями и уже было решил плюнуть и уйти, как вдруг увидел клубы дыма и разлетающийся по ветру пепел и красные угольки. А вскоре и обнаружил, откуда они летели — из-за сарайчика для садовых инструментов. Я направился по зеленой траве газона напрямиком к сарайчику, за которым обнаружил кучу пепла и мусора, и на самом верху ее тлела бесформенная груда, когда-то бывшая матрацем. Обшивка почти сгорела, и ветер разносил повсюду хлопья начинки. Однако одна сторона матраца выгорела не полностью, и на ней-то я и разглядел красное пятнышко. Кончиком ножа я скovyрнул его, свернул и сунул жесткий теплый кусочек материи в карман. В сарайчике для инструментов отыскался шланг — присоединив его к крану у цветочной клумбы, я залил останки матраца водой. Матрац задымился, издавая тошнотворный запах.

Я вернулся назад, вытащил кирпич из оградки вокруг клумбы и разбил стекло кухонной двери. Просунув ладонь в образовавшийся проем, я отпер дверь изнутри и прошел в кухню. Она была отделана в колониальном стиле, над камином на железных крюках висели начищенные медные горшки и кастрюли. Беконом пахло от сковороды на плите, а жирные следы обнаружили на грязной тарелке, стоявшей на кухонном столе. Кондиционер работал на полную мощность, и меня сразу сковал ледяной холод, точно я попал в гигантскую морозильную камеру. Я миновал уютную гостиную соснового дерева, где стоял телевизор, а на стенах висели пустые книжные полки и пара черных медвежьих шкур, прошел сквозь освещенную канделябрами столовую, где в застекленных горках орехового дерева поблескивал хрусталь, и пошел вверх по витой мраморной лестнице.

Меблировка на втором этаже оказалась такой же разношерстной и малосочетаемой, как на первом, — словно бракованные линзы фотоаппарата, не способного создать четкую картинку. Я заметил, что дверь ванной комнаты открыта, и заглянул туда: немислимый розовый коврик, отделанные позолотой ванная и раковина и розовые же обои с серебристым рисунком эротического содержания. Кольца на штанге болтались сами по себе, кроме одного, на котором еще оставалась рваная петелька и кусочек душевой занавески.

Далее по коридору находилась спальня. Сквозь французское окно, выходящее на галерею, я увидел качавшиеся на ветру верхушки дубовых деревьев. Включив свет, я воззрился на огромную кровать под балдахином. Кто-то убрал с нее простыни, пододеяльник, подушки и матрац. Я обошел кровать и прикоснулся к коврику у изножья. Он был влажным в двух местах и вонял то ли пятновыводителем, то ли чем в этом роде.

Я знал, что самое время звонить в лафайетскую полицию, ибо уже и так допустил колоссальное превышение собственных полномочий, без всяких оснований проникнув в дом. Меня вообще могли привлечь за сокрытие улик. Однако подобные вещи нередко определяются постфактум, и я искренне верил, что мне простят эти лишние десять минут.

Я выскользнул через боковую дверь во внутренний дворик с бассейном, где у Буббы хранились боксерская груша, маты и спортивный инвентарь, и обнаружил там, у стены сарая вилы. Ветер все усиливался, в окно ударили первые капли дождя.

Несмотря на то что из шланга лилась вода, листья герани упорно не желали подниматься и выглядели точно выцветшая зеленая бумага. Я осторожно выкопал кусты герани из клумбы. Земля была тучной и великолепно удобренной, и в ней образовались молочного цвета лужицы. На глубине около фута вилы наткнулись на нечто твердое. Я вынул из ямы комья земли и остатки корней и обнаружил, что в центре клумбы кто-то выкопал яму. Зубья вил опять зацепили что-то твердое. Тут на одном из них я обнаружил кусочек виниловой душевой занавески, а копнув поглубже, увидел, что из земли торчит чья-то нога в полосатой пижаме. Медленно, не торопясь, я выкопал завернутое в душевую занавеску остальное тело, точно был скульптором и лепил из земли статуи.

Я оставил вилы и достал шланг. Чтобы увеличить напор, я разрезал его пополам и пустил воду. Смыв грязь с лица Буббы, словно кофейную гущу, я увидел его широко раскрытые от удивления серо-голубые глаза. Ни кровинки не осталось на его лице. Рядом с его головой из земли торчал нож для рубки тростника — стало быть, им-то она его и прирезала. Горло его было разрезано от уха до уха.

Я выключил воду, вернулся на кухню и набрал номер лафайетской полиции и Майноса Дотрива, потом направился под дождем к грузовичку. Под ногами хрустели сухие листья. Вдруг позади меня зазвонил телефон.

Я снял трубку.

— Бубба? Говорит Келли. Что за дела с итальянской прачечной? Клодетт говорит, типа я должен взять этих парней на работу. Что, черт подери, вообще происходит?

— Бубба мертв, парень.

— Что-о? Кто это говорит?

— Следователь. Ваше имя?

Он бросил трубку.

Я сел в грузовичок, выехал на шоссе. Стало почти холодно, в темном, нависшем над землей небе сверкали молнии, шторм пригибал к земле стебли молодого тростника. Я поднял стекла, включил дворники и в тот же миг почувствовал, как дрожит рука на баранке. По обочине шоссе, гонимые ветром, летели обрывки картона и газетной бумаги, ветер завывал в телефонных проводах.

Я проехал мимо цементного завода и стоявшего на запасном пути товарного поезда, как вдруг увидел припаркованный возле дешевой забегаловки «кадиллак» с тонированными стеклами. И только я вошел внутрь, начался ливень.

Окна кафе были открыты, в помещении ярко горел свет, негр-уборщик мыл шваброй пол и протирал столики. Электрическое освещение выставляло напоказ всю убогость этого заведения: прожженный сигаретами пол, замотанные изолентой ножки столиков и кучу банок из-под пива, громоздившуюся в дальнем углу. За стойкой стояла тучная барменша; прихлебывая кофе, она болтала с двумя рабочими с нефтепромыслов. На парнях были каски и башмаки с металлическими набойками; одежда их была заляпана грязью. Один из них сунул в рот спичку и сквозь зубы бросил мне что-то о погоде; я не ответил. Все трое продолжали смотреть как завороченные на мой значок шерифа и кобуру на поясе.

За столиком у задней двери я увидел Клодетт Рок. Дверь была открыта, пропуская внутрь влажную прохладу. Из окна был виден блестящий от дождя товарный поезд с вагонами рыжеватого цвета. Она потягивала неизменный джин с соком и равнодушно смотрела перед собой: усталое лицо было покрыто ссадинами, а в странных, красноватого оттенка глазах уже стоял алкогольный туман. На ссадине, украшавшей ее подбородок,

виднелись следы швов, а на скуле красовалась здоровенная шишка. Тем не менее на ней был очень симпатичный желтый сарафан и оранжевая бандана, и я догадался, что после того, как она закопала труп мужа в цветочной клумбе, водворила кусты герани на место и избавилась от следов крови в спальне, она преспокойно вернулась наверх, приняла душ и переделалась. Клодетт затянулась сигаретой и выпустила дым мне в лицо.

— Веселая у вас была ночка.

— Бывало и веселей.

— На вашем месте я бы оттащил его подальше. Глядишь, никто бы ничего и не заподозрил.

— О чем это ты?

— Я нашел его тело. А заодно и нож для резки тростника.

Она сделала глоток из бокала и затянулась сигаретой. В ее глазах мелькнула лукавая искорка.

— Пей до дна, Клодетт. Скоро тебе придется надолго протрезветь.

— Не пугай меня, милый. Телик чаще смотреть надо. Жены, избиваемые мужьями, нынче в почете.

Я снял с пояса наручники, вынул у нее изо рта сигарету и швырнул ее на пол. Щелкнула застежка карабина.

— Какой неподкупный у нас начальник, какой трезвый, какой непоколебимый. Но не откажется же начальник от горячей девочки, правда несколько поцарапанной. Кстати, котик, это твой последний шанс — скоро меня выпустят под залог. Подумай хорошенько.

Я присел напротив нее.

— Вот вы, наверное, считаете себя многоопытной, отсидев три года в тюрьме. Однако вынужден вас разочаровать, дорогая: никто не собирается вас сажать за то, что вы прирезали своего супруга, ибо о его гибели станут сожалеть разве что кредиторы. Присяжные, в составе двух-трех безработных и негров, живущих на пособие, страсть как не любят богатых. Так что вас посадят как рецидивистку и извращенку. Разумеется, вы сочтете, что это нечестно. И будете правы. Знаете, в вашей истории есть доля горькой иронии: ведь присяжные никогда не узнают имени несчастной девушки, которая погибла по вашей вине. Некоторые даже сочтут это забавным. Сокамерникам расскажете, пусть посмеются.

Ее красновато-карие глаза сузились в щелочки, синяк в углу одного из них походил на маленькую голубую мышку. Я подошел к барной стойке и набрал номер шерифа. Только я повесил трубку, как услышал треск: это она, разбежавшись, разнесла о стену стул, к которому я ее приковал. Так она и выскочила на улицу с деревяшками, болтающимися на запястьях.

Я бросился за ней. Она неслась через поля к железнодорожным путям. Бандана слетела с ее головы, а желтый сарафан забрызгало грязью. Дождь все усиливался, тяжелые капли больно стучали в лицо. Я настиг ее и попытался схватить за руку, но она села посреди дороги. На ее скованных сзади запястьях вздулись бугры мышц.

Я наклонился над ней и попытался поставить ее на ноги. Она упорно продолжала сидеть в грязной канаве, раскинув ноги, ссутулив плечи и уронив голову на грудь. Когда я рывком дернул ее вверх, ее мокрые плечи выскользнули из моих ладоней, и она тяжело плюхнулась набок, перевернулась, поднялась и встала на колени. Я уж было подумал, что она собирается встать, и наклонился помочь ей. Она подняла голову и плюнула мне в лицо.

Я отшатнулся от нее, вытерся и выкинул платок прочь. Она поднялась на ноги, тупо

уоставившись вдаль, на поля и макушки деревьев. С ее волос ручьями стекала вода. В одном из пустых товарных вагонов я обнаружил старый кусок рогожи, грязный, но сухой, и накиннул его на голову Клодетт, точно плащ с капюшоном.

— Вот так будет по-христиански, — сказал я.

Однако ей было не до того: как зачарованная смотрела она, как, заехав на стоянку, выходят из машин полицейские и сам Майнос Дотрив. Я вместе с ней наблюдал, как они с трудом идут к нам по мокрому полю. Ветер ворошил кучу соломы на полу открытого вагона; вдалеке виднелись серые, похожие на корпуса элеватора постройки цементного завода. Майнос что-то кричал мне сквозь раскаты грома, а я стоял неподвижно, и чудились мне то вопли утопающих, то поля пшеницы под дождем. Белые барашки волн, подсолнухи и пшеница под дождем.

Поработав в участке еще две недели, я уволился. Наступил август — месяц раскаленного, безжалостного солнца, когда самая легкая одежда мгновенно пропитывается потом и липнет к телу. Я снял небольшое деревянное бунгало на тexasском побережье, и мы с Робин и Алафэр перебрались туда на пару недель половить рыбу. По утрам, когда отлив щедро обнажал дно, крикливые белые чайки сновали в воздухе, кидаясь на выброшенных на берег моллюсков. Вскоре длинные плоские песчаные отмели окрашивались в розовый и пурпурный цвета, а пальма, росшая в нашем дворе, казалась черной гравюрой на фоне восходящего солнца.

Прохладным утром мы выходили на лодке в залив, направляясь на юго-запад, где нас поджидали косяки кормящейся форели, пересекали маленькую бухточку в форме полумесяца, окруженную с обеих сторон песчаными островками с зарослями морской травы и кипарисовыми бревнами. Там, где на поверхности плавали гроздьи пузырящейся пены, похожие на пятна разлившейся нефти, мы забрасывали удочки, насадив на крючок живых креветок. Иногда нам попадались скаты — мы узнавали их по тому, как резко, рывком уходил на глубину поплавок. Мы позволяли рыбине хорошенько заглотнуть наживку и только потом отсекали добычу. Форель же была гораздо хитрее — она норовила уйти в глубину или заплыть прямо под лодку, так что приходилось доставать ее подсакom.

Мы запасали в леднике бутерброды с колбасой, сыром и луком и лимонад; к полудню, когда мы, бывало, пообедаем, солнце палит изо всех сил, а вечером на нагретом носу нашей лодки образовывается хрустящая соляная корочка, ледник заполнялся серебристой форелью с красными плавниками, раскрытыми ртами с белыми зубами и круглыми темными глазами.

К сентябрю мы вернулись в Нью-Иберия, и в один прекрасный день, спустя пару недель после возвращения, Робин исчезла. Проснувшись утром, я обнаружил на кухонном столе чашку мюсли с клубникой, термос кофе и записку:

Я попросила такси не подъезжать к дому, чтобы тебя не разбудить. Сопли и объяснения пусть останутся для придурков из Ротари-клуба, верно? Я люблю тебя, милый. Очень важно, что ты понимаешь это и веришь в это. Ты помогал мне и заботился обо мне, когда никого не было рядом. Ты непохож ни на одного мужчину, каких я знала раньше. Ты причиняешь людям боль и по какой-то причине не можешь себе этого простить. Но это нелюбовь, Дейв. Это что-то другое и я не могу понять, что именно. Я думаю, что ты все еще любишь Энни. И это правильно. Но я также уверена, что ты должен сам понять это, и я не буду тебе мешать.

Эй, не грусти. Я буду работать на кассе в ресторане твоего брата на улице Дофин, так что если захочешь провести ночь с классной девчонкой, ты знаешь, куда идти. А еще я бросила пить и глотать таблетки спасибо моему доброму учителю. Можешь занести это в список своих добрых дел.

Поцелуй за меня Алафэр.

Не грусти, Седой.

Робин

В последнюю неделю лета я занимался странными вещами: ездил в Лафайет и бродил по опустевшим корпусам общежития колледжа, где учился в пятидесятых годах. На прямоугольный двор ложились тени, дул теплый бриз, а в тени деревьев щебетали птицы.

Вечера напролет я просиживал в круглосуточной забегаловке близ железнодорожных путей, и музыкальный автомат снова и снова прокручивал одну и ту же пластинку — концерт Джимми Клэнтон 57-го года, а я тем временем наблюдал, как потные загорелые рабочие разгружают вагоны при свете прожекторов. Иногда приходил в старую бильярдную на Главной улице и играл со стариками в домино, а порой даже потихоньку пробирался к развалинам дома плантатора и раскапывал двор и дно овражка в поисках старых патронов.

Как-то я уселся в грузовик и отправился в заболоченные окрестности городка, где все еще стояли заброшенные хижинки на сваях. Когда-то там жили рабочие, и как-то летом, в День независимости, мы с отцом приехали к ним в гости: хозяева зарезали свинью, все пили вино из глиняных кружек и всю ночь плясали до упаду под визгливые звуки аккордеона.

Я ехал и смотрел в окно на красное закатное небо и серые верхушки деревьев, на развалившиеся хижинки на сваях и черную воду болот. Где-то прокричала лягушка-бык, и крик ее эхом прокатился по лесу. На фоне кровавого закатного солнца пролетели три серые цапли. Я вдруг осознал, что того мира, в котором я родился и где прошло мое детство, уже нет, и сердце мое сжалось.

Впрочем, теперь-то я понимаю, что Бубба Рок и я были все-таки очень похожи. Мы оба принадлежали к тому старому миру, где деревья были большими и зелеными, когда закат означал, что просто этот день закончился, а завтра будет новый, и каждое новое утро таяло во рту, как спелая ягода земляники.

Мы ловили крабов, ставили сети и ловушки для раков, насадив на крюки для приманки окровавленные куски мяса нутрии, мы ловили и чистили килограммы рыбы и не считали это за труд. Каждый вечер мы устраивали шуточные поединки, вооружившись тростниковыми прутиками, а потом сидели на прицепе старой вагонетки, наблюдали, как уносятся вдаль товарные поезда, и не подозревали, что скоро этот мир станет нам так же мал, как старые ботинки.

С другой стороны, многолетний опыт научил меня, что Земля еще совсем молода и в ее сердце все еще не остыла кипящая лава, что мертвый зимний лес оживает с первыми лучами весеннего солнца, что жизнь продолжается и глупо считать ее завершенной только потому, что кончается очередной день. Бессонными ночами я только об этом и думал, словно отвергнутый любовник, ожидая прихода зари.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Жан Лафит — легендарным пират французского происхождения, промышлявший в водах Мексиканского залива в первой половине XIX века.

Эванджелина — героиня поэмы Г. Лонгфелло — жительница Акадии, безуспешно искавшая своего возлюбленного и умершая от горя.

Акадия — бывшая французская колония в Новой Шотландии, Канада. Акадский диалект сохранился в штате Луизиана.

Тонтон-макуты — специальное полицейское подразделение, созданное гаитянским диктатором Франсуа Дювалье в 1959 году; носили мачете и отличались особой жестокостью в обращении с политическими диссидентами. Своих жертв они вывешивали в местах скопления народа и назидание другим.

Волк-оборотень (фр.).

Теннесси Уильяме — выдающийся американский драматург и писатель (1911-1983).

Гумбо — острый рисовый суп, в который добавляют морепродукты.

«Крысиная блондинка» (фр.).

Знаменитые американские курорты.

Солдаты пришли в дождь и обидели Энни? (исп.)

Джон Джеймс Одюбон (1785 — 1851) — известным орнитолог и художник-анималист.

Вы знаете человека по имени Туут? (фр.).

«Грин-кард» (англ. «green card») — документ, разрешающий человеку, не являющемуся гражданином США, жить и работать в этой стране.

Квартерон — в Америке потомки от браков мулатов и белых.

Клифтон Шенье — популярный чернокожий аккордеонист, блюз-исполнитель франкоязычной Луизианы пятидесятых годов.

Выражение восходит к стихотворению С. Т. Колриджа «Песнь о старом мореходе»; за то, что моряк убил альбатроса, согласно поверью, приносящего попутный ветер, и корабль попал в штиль, ему повесили мертвую птицу на шею. И, только искупив вину, он смог от нее избавиться.